

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Круглова Капитолина Владимировна

**Микенская лексика в греческой эпической традиции
на материале поэм Гомера**

Специальность 5.9.7.

Классическая, византийская и новогреческая филология

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научные руководители:

доктор филологических наук, академик РАН

Николай Николаевич Казанский

доктор филологических наук, доцент

Алексей Иванович Солопов

Москва – 2025

Оглавление

<i>ВВЕДЕНИЕ</i>	4
Общая характеристика работы	4
Актуальность исследования.....	4
Объект и предмет исследования.....	5
Цель и задачи работы	5
Методологическая основа исследования.....	6
Материал исследования	7
Научная новизна	7
Теоретическая значимость исследования.....	7
Практическая значимость исследования	7
Положения, выносимые на защиту	8
Структура работы	9
Апробация результатов исследования.....	9
Степень научной разработанности темы.....	10
Греческая эпическая традиция.....	10
Гомеровский язык: диалектная стратификация и история исследований микено-гомеровских соответствий.....	17
Проблема происхождения дактилического гекзаметра.....	28
Гомеровская археология	32
Современное состояние вопроса.....	34
<i>Глава первая. Дары</i>	44
Списки даров.....	58
Наименования призов.....	68
<i>Глава вторая. Одежда и ткани</i>	73
2.1. φᾶρος	75
2.2. χιτών.....	90
2.3. τάπης	95
2.4. χλαῖνα.....	98

2.5. πέπλος	99
2. 6. ἐανὸς	102
Выводы по второй главе.....	105
<i>Глава третья. Утварь.....</i>	<i>108</i>
3.1. ἡλακάτη.....	108
3.2. τάλαρος	121
3.3. χρυσοῦ τάλαντα	125
3.4. τρίπους	133
3.5. λέβης	138
3.6. φιάλη	141
3.7. ἀσάμινθος.....	143
3.8. κρατήρ.....	147
3.9. δέπας	149
Выводы по третьей главе	155
<i>Заключение</i>	<i>157</i>
<i>Список сокращений</i>	<i>162</i>
<i>Библиография.....</i>	<i>163</i>
<i>Приложение</i>	<i>187</i>

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы

Диссертационная работа посвящена проблеме реконструкции микенского слоя языка греческой эпической традиции и выявлению микенской лексики в поэмах Гомера. В центре внимания находятся наименования, контекстуальные синонимы и эпитеты ценных предметов, перечисляемых в списках даров или выкупа, а также в перечнях призов на играх в текстах гомеровских поэм. Такого рода списки, содержащие точные количественные указания и повторяющиеся в виде стандартных формул, могут быть сопоставлены с текстами микенских документов.

Актуальность исследования

Актуальность исследования обусловлена тем, что проблема происхождения и пути развития греческой эпической традиции до сих пор не имеет однозначного решения, а выделение микенского слоя или фазы развития этой традиции недостаточно проработано. Тронский в книге «Вопросы языкового развития в античном обществе», в главе, посвященной языку гомеровских поэм, пишет: «гомеровский язык заставляет постулировать в качестве своего предшественника устно-поэтический язык микенского времени... Не будучи засвидетельствована прямым образом, поэтическая разновидность греческого языка микенской эпохи может быть восстанавливаема только в гипотетическом порядке, но гипотеза эта является основополагающей для истолкования всего последующего процесса развития греческих литературных языков, начиная с гомеровского»¹.

¹ Тронский 2019: 133.

В настоящем исследовании предпринимается попытка реконструировать на уровне лексических соответствий «микенскую историческую фазу» развития эпического языка (используя терминологию Ройха), причем сопоставления проводятся в лексико-семантической области наименований даров и ценных предметов, фигурирующих в списках даров в поэмах Гомера.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является язык греческой эпической традиции, представленный в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея», а также язык текстов, записанных линейным письмом В, из архивов Пилоса, Кносса, Фив и Микен. Выбор обусловлен древностью данных памятников: поэмы Гомера являются древнейшим литературным произведением греческой словесности, в то время как микенские тексты — это древнейшие дошедшие до нас памятники, написанные на греческом языке (XV–XII вв. до н.э.).

Предметом исследования служит лексика, включающая наименования предметов в списках даров, перечнях выкупа и описаниях призов в поэмах Гомера, их синонимы и эпитеты, контекстуальные особенности, а также их вероятные соответствия лексическим единицам в микенских текстах и параллели с археологическими реалиями микенской эпохи. Кроме того, предметом анализа являются морфологическая и просодическая характеристика данных лексем, их этимология и семантика.

Цель и задачи работы

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить пласт лексики, относящийся к наименованиям ценных предметов в поэмах

Гомера, который может восходить к микенской фазе греческой эпической традиции.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

1. Составить перечень наименований ценных предметов в поэмах Гомера.
2. Выявить семантические, морфологические и просодические особенности отобранных лексем, с учетом контекстов их употребления, а также установить их диалектную принадлежность и историко-лингвистические характеристики (включая этимологию).
3. Провести сопоставление данных лексем с микенским материалом с целью обнаружения возможных соответствий.
4. Определить количество выявленных соответствий и их долю в общем массиве наименований ценных предметов в тексте гомеровских поэм.
5. Определить место списков даров как структурного элемента в греческой эпической традиции.

Методологическая основа исследования

Методология исследования определена его целью, задачами и спецификой анализируемого языкового материала. Для формирования корпуса микенских лексем, релевантных эпическому языку, применяется метод сплошной выборки, а также контекстный, семантический, морфологический и синтаксический анализ. Комплексный историко-филологический подход позволил проследить развитие значений слов и выявить их специфические оттенки. Сопоставление контекстов осуществлялось на основе корпуса греческих текстов (Thesaurus Linguae Graecae) и корпуса микенских текстов DAMOS с использованием, в частности, программы для поиска и анализа текстов Διογένης.

Материал исследования

Материалом настоящего исследования является созданный нами корпус лексики греческого эпического языка, относящейся к микенской фазе греческой эпической традиции, в лексико-семантической области наименований ценных предметов, включенных в списки даров и перечни предметов выкупа и призов в поэмах Гомера.

Научная новизна

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые проводится лексико-семантический анализ наименований ценных предметов в поэмах Гомера в сопоставлении с данными корпуса микенских текстов. В результате исследования выявлено 7 новых лексем, которые могут быть включены в существующий микено-гомеровский индекс, составленный Рудольфом Вахтером².

Теоретическая значимость исследования

Теоретическая значимость работы заключается в разработке методики сопоставительного анализа лексики эпического языка и микенских текстов. Выявленные в ходе исследования соответствия позволяют углубить представление о диахроническом развитии греческой эпической традиции.

Практическая значимость исследования

Практическая значимость работы заключается в возможности использования её результатов в учебных курсах и специальных семинарах по микенологии, диалектологии и исторической грамматике греческого

² Wachter 2015: 236–258.

языка, а также в спецкурсах, посвящённых аналитическому чтению древнегреческих текстов, прежде всего произведений эпической поэзии («Илиада» и «Одиссея» Гомера, гомеровские гимны, поэмы Гесиода и др.).

Положения, выносимые на защиту

На защиту выносятся следующие положения:

1. Микенская фаза развития греческой эпической традиции подлежит реконструкции на лексическом уровне поэм Гомера.
2. В лексико-семантической области наименований ценных предметов выявлено 27 лексических соответствий между гомеровским и микенским словарём. При общем объёме микено-гомеровских соответствий около 400 слов полученный список из 27 лексем составляет примерно 6,75% от общего лексикона.
3. Предлагается включить в индекс, составленный Рудольфом Вахтером³, гомеровские лексемы εἶλυμα ('покрывало, накидка'), ἄσκητός ('искусный'), λώπη ('плащ, одеяние'), τερμίοεις ('с бахромой'), ἡλακάτη ('прялка'), τάλαρος ('корзина для шерсти') и ὠτώεις ('ушатый'), поскольку имеются основания считать их восходящими к микенскому лексикону эпической традиции.
4. Списки даров, перечни ценных предметов в качестве выкупа или призов на играх можно считать архаичным структурным элементом эпической традиции. Они демонстрируют синтаксические параллели с микенскими текстами в использовании частиц τε и δέ, а также сохраняют микенскую лексику (например, ἁσάμινθος 'ванна' или φᾶρος 'плащ / ткань'), которая в гомеровских поэмах воспринималась как архаический элемент эпического языка.

³ Ibid.

5. В поэмах Гомера присутствуют списки даров, в которых все наименования предметов имеют микенские эквиваленты; таковы, например, список даров Менелая и Елены (*Od.* 4, 128–132) или дары жреца Аполлона Одиссею (*Od.* 9, 202–205). При этом контексты не обязательно архаичны (ср. упоминание египетских Фив в *Od.* 4, 126), что свидетельствует об обособленном характере списков как традиционного элемента эпического повествования, который мог использоваться для стилистической архаизации.

Структура работы

Работа состоит из введения, 3-х глав и заключения. К работе прилагается сводная таблица микено-гомеровских соответствий.

Апробация результатов исследования

Результаты исследования обсуждались на следующих международных и всероссийских научных конференциях: Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова — 2016 г.); «Индоевропейское языкознание и классическая филология (Чтения памяти профессора И. М. Тронского)» (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН — 2021, 2023, 2024 гг.); «Классическая филология в контексте мировой культуры — XVI. Научные чтения, посвящённые памяти Людмилы Павловны Поняевой» (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова — 2023 г.), «Классическая филология в контексте мировой культуры — XVII. Научные чтения, посвященные 270-летию Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова» (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова — 2024 г.).

Степень научной разработанности темы

Греческая эпическая традиция

Общепринятое на сегодняшний день представление о поэмах Гомера состоит в том, что они принадлежат устной поэтической традиции, обладающей определенным стилем и композиционными приемами, существенно отличающимися от литературной поэзии⁴. Этому представлению мы обязаны работам Милмана Пэрри, и его последователя Альберта Лорда, в которых была сформулирована «устная теория»⁵. Поэтической технике устной поэзии на лексическом уровне присуще использование формул – стандартных повторяющихся выражений (прежде всего эпитет + имя, стандартное описание действия), которые могут комбинироваться между собой, склеиваться, в составе уже существующих формульных сочетаний, заменяя элементы (Hainsworth 1968, Hoekstra 1965, Russo 1966). Кроме того, гомеровские формулы организованы в системы, а именно в группы выражений различной метрической формы, специализированных для передачи идеи в различных метрических условиях. Благодаря этому система повторов выглядит изощренной и гибкой, отвечая основному принципу устного эпоса: единству традиционного стиля с постоянно открытой для певца возможностью импровизации (poetry as performance). Наряду с формулами существует большое количество шаблонных выражений: они создаются по аналогии с

⁴ Основные теоретические направления в изучении гомеровских поэм см. Гринцер 2015.

⁵ В настоящей работе принимается за основные принцип формирования поэма Гомера в рамках устной теории начиная с основополагающей работы Милмана Пэрри (Parry 1971) и развивающие ее положения в работах Фоли (Foley 1999), Хэйнсворта (Hainsworth 1968); Хукстры (Hoekstra 1965, 1981); Кёрка (Kirk 1962, 1976); Лорда (Лорд 2018); Нотопулоса (Notopoulos 1960, 1964); Павезе (Pavese 1972), Надя (Nagy 2004: 26-27).

формулами и предназначены для адаптации фиксированной шаблонной идиомы к различным повествовательным контекстам.

К числу наиболее крупных элементов поэтической техники относят темы или типические сцены, которые вводятся по требованию фабулы, но в то же время для каждой темы поэт-сказитель располагает набором ее собственных «порождающих правил». Они обеспечивают реализацию темы в тексте в различных, более или менее развернутых вариантах (Arend 1933, Edwards 1992, Reese 1993). К элементам аналогичного уровня эпической архитектуры относятся каталоги — перечни героев, народов, имен божеств (Edwards 1980; Visser 1998). Как отмечает П. А. Гринцер, «черты устной поэзии обнаруживают себя и в такой особенности композиции древнеиндийского эпоса, как использование в нем всевозможных перечислений, или, как их иногда называют, каталогов людей, явлений и предметов. Эти каталоги, состоящие обычно из названий (часто с краткими их характеристиками) городов и стран, растений и животных, богов и поколений героев, имеются и в “живом”, например сербском, эпосе, и в эпосах многих народов древности» (Гринцер 1974: 113). Малыми разновидностями каталогов можно считать списки даров, входящие в повторяющиеся типические сцены гостеприимства. Однако правила их построения отличаются от правил составления каталогов героев. Список стал бы чрезмерно громоздким, если бы каждый объект в нем сопровождался генеалогией или детальным описанием; поэтому большинство предметов в таких перечислениях являются общими и просто называются. Это означает, что подобные списки не порождают новых тем и не оказывают существенного влияния на повествование, в отличие от развернутых описаний отдельных объектов (Rusci 1996: 21; Sammons 2010: 107–108).

Традиционность структурных элементов поддерживается традиционностью языка: поэтический язык представляют собой особую

форму языка, сохраняющую архаизмы и различные диалектные формы наряду с более современными, упорядоченными формами. Так, одной из наиболее ярких черт гомеровского языка является сохранение двух эквивалентных окончаний для единственного числа родительного падежа существительных тематического склонения: -ου и -οιο (эти формы восходят к разным основам: окончание -ου развилось из местоименного *-oso, а -οιο — из именного *-osjo (ср. санскр. -asya))⁶. Древняя двусложная форма -οιο оказалась метрически удобной и поэтому была сохранена в поэтической традиции. Кроме того, существуют веские основания полагать, что в «Илиаде» и «Одиссее» зафиксированы лексические единицы, восходящие к микенской эпохе, такие как δέλας (‘кубок’), τέμενος (‘священный участок’) или φάσγανον (‘меч’). В обоих случаях устаревшая форма или слово маркируются в языке как элементы особого регистра. Как отмечает Дж. М. Фоли, «сохранение форм и лексики, которые в современном языке были бы архаичными, указывает на то, что критерии языкового поддержания или обновления в традиционном регистре отличаются» (Foley 1999: 23).

Глубину эпической традиции едва ли возможно точно определить. Тем не менее, некоторые исследователи на основе сходства формул в древнегреческом и древнеиндийском эпосе реконструируют поэтические формулы, которые могли существовать в период греко-арийской (или греко-индоиранской) общности в IV–III тысячелетиях до н. э. (Герценберг 1972: 100; West 1988).

Таким образом, ко времени оформления гомеровских поэм эпическая традиция аккумулировала в себе разновременной языковой и тематический материал. С этим наследием работал поэт-творец, сумевший организовать его в целостное произведение, которое оставалось живым и эстетически значимым для аудитории VIII века до н. э.

⁶ Chantaine 1958: 194.

О происхождении и путях развития греческой эпической традиции в научной среде ведутся оживлённые дискуссии. Ярким примером может служить знаменитая полемика между Мартином Уэстом и Джоном Чедвиком на страницах *Journal of Hellenic Studies*, развернувшаяся после выхода работы Мартина Уэста «The Rise of the Greek Epic» (West 1988) и ответа на нее Джона Чедвика «The Descent of the Greek Epic» (Chadwick 1990)⁷. В своей статье Уэст предпринимает попытку определить и описать, насколько позволяют имеющиеся данные, этапы, через которые прошла эпическая традиция в ходе своего длительного развития. Он утверждает, что поэтическая традиция, к которой восходят поэмы Гомера, существовала уже в XV в. до н.э., а до этого существовала древняя поэтическая традиция, которая, возможно, была героической и восходила к праиндоевропейскому прошлому. С многочисленными примерами автор выделяет следующие этапы традиции: индоевропейский, домикенский, микенский, эолийский и ионийский (некоторые примеры будут рассмотрены ниже).

Принимая идею о микенском происхождении эпической традиции, Джон Чедвик возражает против более глубоких реконструкций, восходящих к праиндоевропейскому и греко-арийскому состоянию. В своей критике он указывает на методологическую уязвимость подходов, с помощью которых Уэст реконструирует отдельные формулы и элементы поэтического текста. Так, Чедвик ставит под сомнение существование дактилического гекзаметра в домикенский период: «Уэст не упоминает проблему происхождения гекзаметра. Это, по-видимому, исконно греческое изобретение, если не заимствованное из какого-то неизвестного источника. Ничего подобного нет ни в ведах, ни в других ранних

⁷ Далее последовали ответ Уэста Чедвику (West 1992); присоединился к дискуссии Уайатт. (Wyatt, 1992). Бартонек замечает, что статья Уэста, несмотря на всю критику, остается одной из самых вдохновляющих работ в этой области (Bartoněk 2002: 461).

индоевропейских стихах <...> Поэтому можно поверить в микенско-греческое происхождение эпического стиха, но любое предположение о том, что традиция уходит корнями еще дальше, нуждается в тщательном изучении» (Chadwick 1990). Действительно, метод Уэста во многом заключается в том, что реконструкция призвана решать метрические проблемы. Однако он также приводит ряд убедительных стилистических и формульных соответствий, некоторые из которых будут рассмотрены ниже (см. разделы «Индоевропейский слой» и «Микенский слой»).

Корнелис Ройх (Ruijgh 1985) выдвинул гипотезу о нескольких стадиях развития эпического языка, разделив его на три основных этапа: 1a доисторическая микенская, 1b историческая микенская, 2a эолийская континентальная, 2b восточно-эолийская (лесбосская); 3 восточно-ионийская с ответвлением на Эвбее. На первый взгляд, это разделение может показаться излишне схематичным, поскольку едва ли способно охватить всю реальную сложность языковой эволюции. Тем не менее, данная модель представляет собой хорошо аргументированную разработку гипотезы «трёх основных фаз» формирования эпоса (Ruijgh 1995; Horrocks 1997).

Возникновение каждой новой фазы представлено Ройх представляет как переход от основного течения к локальным ответвлениям. Согласно его модели, микенская эпическая поэзия, изначально бывшая основным течением, породила вторичные эолийские ветви в Беотии и Восточной Фессалии. После разрушения микенских дворцовых центров эти эолийские традиции сами стали основным течением и впоследствии проникли в Малую Азию вместе с волной эолийской колонизации. Уже в Малой Азии на их основе сформировалось вторичное ионийское ответвление, которое, благодаря экономическому и политическому подъёму ионийских полисов, постепенно превратилось в новое основное течение греческого эпоса.

Примерно в этот же период местная ветвь эпической традиции сложилась и на Эвбее.

В этом контексте особое значение приобретает экономическая и культурная роль Эвбеи в период «тёмных веков», что находит подтверждение в материалах раскопок героона в Лефканди, датируемого XI–IX вв. до н. э. Согласно реконструкции М. Уэста (West 1988), в эпоху ориентализации раннегреческой культуры (ок. 900–750 гг. до н. э.) интенсивные контакты Эвбеи с Востоком привели к тому, что эвбейско-восточно-аттический регион (Лефканди, Эретрия, Халкида, Авлида) стал отправной точкой для распространения ранне-ионийского эпоса на восточно-ионийских малоазийских территориях.

В постмикенский период Уэст прослеживает развитие эолийского эпоса в Фессалии, постулируя существование особой фессалийской стадии сказания о Троянской войне, которая предшествовала созданию ионийской «Илиады». В подтверждение этой гипотезы он указывает на значительную роль в сюжете поэмы фессалийских героев — Ахилла, Протесилая и Филоктета, а также Аякса Оилея, происходившего из соседней Локриды. Таким образом, Уэст обосновывает теорию поэтапной эволюции эпоса от эолийской к ионийской стадии (West 1988, contra Haug 2002).⁸

Лингвистическое подтверждение перехода от эолийской фазы к ионийской можно проследить на примере окончания gen. sg. -αο. Это окончание должно было быть появиться в виде -ηο, если бы модернизировалось, когда это возможно с точки зрения метрики, как того требовал инновационный принцип Пэрри. Однако формы с окончанием -ηο не встречается у Гомера: мы неизменно встречаем Ἀτρεΐδαο, но никогда Ἀτρεΐδηο. Это было истолковано как свидетельство эолийской фазы эпической традиции, предшествовавшей ионической, гомеровской, фазе:

⁸ Критику Хауга см. Казанский 2006.

эпическая традиция Ἀτρεΐδαο была бы воспринята ионийцами в то время, когда уже патроним Агамемнона выглядел как Ἀτρεΐδεω с перестановкой количества гласного, пройдя стадию *Ἀτρεΐδης.

Противостояние во взглядах, аналогичное дискуссии между Уэстом и Чедвиком, но основанное на иной аргументации, прослеживается в сформулированных Иоахимом Латачем и Вольфгангом Кульманном тезисах (Latacz 1998, 2001; Kullmann 1995, 2001). Латач выступает за гекзаметрическую поэзию, которая уже была сформирована в XVI в. до н.э. и сохранялась на протяжении “темных веков”. В противоположность этому, Кульманн поддерживает гипотезу о создании «Илиады» и «Одиссеи» не ранее VIII или VII вв. до н. э., отрицая наличие в них значимых древних элементов. Согласно его позиции, поэт «Илиады» (или его предшественники, занимавшиеся систематизацией материала) сознательно архаизировал текст. Он утверждает, что эпическое повествование складывалось «из экстраполяции греческих певцов на основе видимых стен Микен, Тиринфа (и, возможно, первоначально Пилоса), Трои и других руин прежних времен; во-вторых, из повествования эолийских поселенцев в Малой Азии о времени упадка Трои; в-третьих, воспоминания о событиях, произошедших в недавнем прошлом и перенесенных во времена руин, а также сведения от обладающих письменностью обществ, с которыми греки поддерживали контакты, такими как финикийцы, вавилоняне и, возможно, анатолийцы (т.е. ликийцы)» (Kullmann 1999: 200). Позиция Кульманна представляет собой радикальный «модернизм». Он видит в Гомере не певца древней традиции, а гениального автора своей эпохи (архаической Греции), который искусственно создал «древний» героический мир, используя доступные ему более поздние мифы.

Точка зрения Латача состоит том, что «история о Трое, несомненно, зародилась во втором тысячелетии и, должно быть, стала частью героических поэм самое позднее вскоре после 1200 года» (Latacz 2004: 214).

Точка зрения Латача заключается в том, что «история о Трое, несомненно, зародилась во втором тысячелетии и, должно быть, стала частью героических поэм самое позднее вскоре после 1200 года» (Latacz 2004: 214). Исследователь рассматривает Гомера как завершающее звено в длинной цепи аэдов, чья традиция не только сохраняла историческое ядро, но и развивалась на протяжении, по меньшей мере, пяти столетий — от микенской эпохи до архаики. Венцом этого продолжительного развития поэтической традиции становятся монументальные поэмы «Илиада» и «Одиссея», представляющие собой её высшее достижение (Meier-Brügger 2006: 418–419).

Точная датировка окончательного оформления гомеровских поэм остается предметом спора. Хотя существует консенсус в отношении VIII в. до н. э. диапазон датировки довольно широк: от 850-800 до н. э. (Ruijgh 2011, 260-261) до середины VI в. до н. э. (Nagy 1996), после «эволюционного» периода длившегося около двух столетий устного исполнения.

Гомеровский язык: диалектная стратификация и история исследований микено-гомеровских соответствий⁹

Язык гомеровских поэм, будучи по своей природе искусственным (Kunstsprache), никогда не был тождественен разговорной речи. Концепция Kunstsprache основывается на ряде взаимосвязанных наблюдений: язык Гомера характеризуется смешением диалектных черт, сосуществованием современных и архаичных форм, наличием искусственных образований, а также всепроникающим влиянием метрики (Bakker 2020).

Для гомеровских поэм восточно-ионийский диалект VIII века до н. э. стал последним и доминирующим слоем в их языковом полотне, в которое

⁹ По Bartoněk 2002: 458ff

были неразрывно вплетены прочие элементы. Среди них архаизмы микенской эпохи объясняются как реликты, сохранившиеся в устойчивых формулах или в качестве стилистических маркеров, унаследованных от бронзового века.

Еще до дешифровки линейного письма В Антуан Мейе (1930) и Милман Пэрри (1932) обнаружили аркадо-кипрские глоссы в языке Гомера и сделали вывод, что эти слова были наследованы из древнеахейского диалекта эпических поэтов, живущих на Пелопоннесе в микенское время. К этому выводу присоединился и Мартин Нильсон¹⁰. Связь между микенским диалектом и гомеровским языком была впервые обнаружена в работе Майкла Вентриса и Джона Чедвика 1953 года, (Ventris, Chadwick 1953: 84-103), где авторы указали на важные параллели между этими двумя языковыми формами, например, на gen. sg. о-основ на *-ojo-* или на существование инструментального *-phi*. А в первом издании своего эпохального труда *Documents in Mycenaean Greek* Вентрис и Чедвик обнаружили микено-гомеровские соответствия, и вскоре после этого Дж. Чедвик представил каталог примерно из 37 специфически микенско-гомеровских параллелей слов (Chadwick 1958: 116-122).

Примерно в тот же период интерес к лингвистической предыстории греческого языка получил новый импульс благодаря развитию теорий, касающихся языковой формы раннегреческого эпоса. В 1957 году были опубликованы две монографии, определившие значение эолизмов у Гомера: одна — ещё до учёта данных дешифровки микенских текстов (Strunk 1957), другая — с их полным привлечением (Ruijgh 1957). В работе Ройха была выдвинута важная гипотеза о том, что многие «поэтические» слова у Гомера представляют собой ценные следы древнего ахейско-микенского языкового слоя — как ранее и предполагали А. Фик, А. Мейе и

¹⁰ Nilsson 1933.

С. М. Боура. Это признание ахейского субстрата в языке греческого эпоса наряду с эолийским нашло положительный отклик у П. Шантрена, который предложил взвешенный компромисс в третьем издании своей «Grammaire homérique» (Chantraine 1958), существенно сократив количество эолизмов в пользу ахейских элементов.

Скептическую позицию в данном вопросе заняли У. Ф. Уайетт (Wyatt 1975) и А. Хойбек (Heubeck 1982). Эти исследователи рассматривают гомеровские эолизмы как вторичные элементы, проникшие в эпический язык, который сформировался в Ионии уже в постмикенский период и сохранил ряд архаичных черт.

Проблематике эолизмов было уделено значительное внимание в 1970–1980-е годы. Так, П. Вателе в своём исследовании (Wathelet 1970) существенно сократил список «подлинных» эолизмов, относя к таковым лишь те, что восходят к собственно эолийским диалектам Фессалии и Лесбоса. С его точки зрения, эти элементы представляли собой лингвистический пласт второй, эолийской фазы развития раннегреческой эпической традиции, которая сменила ахейскую (микенскую) фазу после разрушения дворцовых центров на Пелопоннесе. Десять лет спустя в своём эссе «La langue homérique et le rayonnement littéraire de l'Eubée» (Wathelet 1981), он подчеркнул важность ионийского диалекта Эвбеи для формирования гомеровского языка, обращая внимание на период экономического и культурного расцвета в некоторых эвбейских¹¹ центрах в конце «темных веков».

С другой стороны, исследование М. Негри «Miceneo e lingua omerica» (Negri 1981), посвящённое анализу эолийских элементов как в микенском, так и в гомеровском языке, отличается переоценкой их роли. Негри рассматривает микенский язык как смесь древних ионийских и эолийских

¹¹ Идеи Вателе развивал Надь (Nagy 2001).

черт, не принимая во внимание, что формирование эолийского как самостоятельной диалектной группы не следует относить к столь раннему периоду. Как указывает, в частности, Гарсиа Рамон, обособление эолийского диалекта относится к постмикенскому времени (García Ramón 1975). Несмотря на это, автор напрямую возводит диалектное разнообразие гомеровского языка к предложенной им модели микенского языка-основы.

М. Дуранте прослеживает следы микенской поэтической традиции вплоть до появления первых алфавитных текстов, особенно большое значение имеют его размышления о соотношении микенского и гомеровского лексикона (Durante 1971-1976). Он обращает внимание на то, что некоторые лексемы, которые должны были быть архаичными отсутствовали в микенском языке, например ἄορ ‘меч’, φώς ‘человк’, βίος ‘лук’. Для других архаичных гомеровских слов, о которых пишет Дуранте, с тех пор были проведены интересные микенские параллели, например, de-ko-to /dekto/? рядом с de-ka-sa-to /deksato/, ср. гом. δέκτο (*Il.* 15, 88), или форме δῶ (*Od.* 1. 176) и микенской do-de /dōde/ — форма ‘в дом’.

Р. Хирше в работе «Die Sprache Homers im Lichte neuer Forschungen» (Hiersche 1972) предпринял попытку расширить список ахейских элементов, выявленных Ройхом у Гомера. Обширный перечень диалектных параллелей и различий между микенским, гомеровским языками и отдельными группами классических греческих диалектов составил Дж. Бонфанте в работе «Il miceneo, il greco storico e Homero» (Bonfante 1984–1986).

Три значимых вклада в решение лингвистических проблем гомеровского языка, связанных с микенским диалектом, содержатся в материалах colloquium под редакцией Латача (Latacz 1991). Б. Форссман рассматривает проблему неоднородности гомеровского языка в четырёх аспектах (архаичное и новое, ионийское и не-ионийское, естественное и поэтическое, гомеровское и постгомеровское); А. Бартонек анализирует

взаимосвязь между микенским и гомеровским языком; Г. Нойман исследует гомеровские личные имена и их микенские параллели.

Помимо этого, важное исследование было представлено Я. Дриссеном (Driessen 1992), где подробно обсуждаются избранные лексические соответствия между гомеровскими и микенскими формами. Наиболее полный же обзор микенских языковых черт у Гомера был выполнен К. Ройхом в 16-й главе «A Companion to Linear B» (Ruijgh 2011).

В отечественной литературе исследуются проблемы микенского языка в сопоставлении с архаической греческой поэзии в работах С. Я. Лурье, И. М. Тронского, А. Я. Ленцмана, Н. С. Гринбаума, В. П. Казанскене¹², реконструируются фрагменты микенской эпического традиции Н. Н. Казанским.

В настоящем исследовании предпринимается попытка реконструкции «микенской исторической фазы» развития эпического языка на уровне лексических соответствий, продолжая и развивая идеи К. Ройха, М. Уэста, Й. Латача и Н. Н. Казанского.

Индоевропейский слой

Прагреки пришли в Грецию, вероятно, около 2500 года до н. э. и они, должно быть, также были знакомы с устным поэтическим языком, о чем свидетельствует знаменитая формула $\acute{\alpha}k\acute{s}itam\ \acute{s}r\acute{a}vah,\ \acute{s}r\acute{a}vo\ .\ .\ .\ \acute{\alpha}ksitam =$ κλέος ἄφθιτον 'неувядающая слава' (*Il.* 9, 413), соответствие которой впервые было обнаружено А. Куном в 1853 г.¹³ Это сопоставление сыграло чрезвычайно важную роль в формулировании гипотезы о том, что греческая эпическая поэзия имеет индоевропейское происхождение.¹⁴ Антуан Мейе в

¹² Ленцман 1963; Тронский 1973; Казанскене 2019; Гринбаум 2001;

¹³ Kuhn 1853.

¹⁴ Древность формулы внутри гомеровского текста ставит под сомнение М. Финкельберг (Finkelberg 1986).

1923 г. начал изучение индоевропейских истоков метра и просодии, результаты которой отражены в работе «Les origines indo-européennes des mètres grecs»¹⁵, и это оказалось плодотворным направлением исследований.

Поэтические формулы рассматривались в работах Вакернагеля, так, в лекции 1932 «*Indogermanische Dichtersprache*» (Wackernagel 1943), и получили полномасштабную трактовку в обширной и основательной работе Р. Шмитта «*Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit*» (Schmitt 1967), а также в работе Дуранте «*Sulla preistoria della tradizione poetica greca*» (Durante 1971, 1976). «Несомненно, некоторые из этих соответствий действительно отражают более древнее наследие, особенно, вероятно, в тех случаях, когда параллелизмы распространяются на кельтскую поэзию» (Watkins 1995).

Сравнительные аргументы подразумевают поэтическую традицию, в которой образ героя начал формироваться, предвещая гомеровский эпос¹⁶. Герой 'убийца мужей' гр. ἀνδροφόνος, др. ирл. *oirgnech*, *oirgni*, вед. *nṛhán* (эпитет Индры); 'знаменит копьем' гр. δορυκλῦος и др. (West 1988: 154). Греко-арийские сравнения привносят ряд дополнительных деталей¹⁷. Возможно, это связано, по крайней мере частично, с тем, что доступные нам тексты намного старше (и несколько объемнее), чем тексты кельтской и германской традиций, и, соответственно, вероятно, сохранили больше древних черт. Но это также может быть вопросом инноваций среди восточных народов, которые никогда не достигали западных. Героя настигает тьма (*Rgv.* х. 113.7; *Il.* 5. 47, etc.) или же он погружается во тьму (*Rgv.* i 32.10, v. 32.5, viii. 6.17); 'видеть солнечный свет' в значении 'жить' (*Rgv.* i.23-21; *Il.* 5. 120) или просто 'видеть' (*Rgv.* i 116.25; *Il.* 1.88 μεῦ ζῶντος

¹⁵ Meillet 1923.

¹⁶ О гомеровских и ведических морфосинтаксических архаизмах см. Красухин 1998.

¹⁷ Гринцер 1974.

καὶ ἐπὶ χθονὶ δερκομένοιο); когда герой готов вступить в битву, он «облачается в отвагу» (*Rgv.* iv 16.14, ix 7.4, 80.3; *Il.* 8. 164 θοῦρην ἐπιειμένοι ὀλκήν). Формулы: μέγα κλέος = *vedic máhi śrávaḥ* ‘великая слава’; κλέος εὐρύ = *prthú* (этимологическое соответствие) *śrávaḥ* ‘широкая слава’; эпитеты лошади соотносимые и семантически, и этимологически ‘быстрые кони’ ὠκέες ἵπποι = *ásvā ásávaḥ*; ‘колесницы с хорошими колесами’ εὐκυκλος = *su-sakrá*, сочетания с μένος = *mánaḥ*¹⁸.

Сравнительный анализ Пизани Махабхараты и поэм Гомера показал также ряд параллелей: эпизод смерти брахмана Дроны и смерти Патрокла, которое сопровождается предзнаменованиями: землетрясением, ветрами, падением метеорита; оружие Дроны сверкает молниями, его колесница гремит, а его кони льют слезы. Кони Ахилла рыдают, узнав о смерти Патрокла: ἵπποι δ’ Αἰακίδαο μάχης ἀπάνευθεν ἑόντες // κλαῖον (*Il.* 17, 426)¹⁹.

Два стилистических примера, которые время от времени встречаются у Гомера, и по мнению Уэста уходят корнями в индоевропейскую поэзию. Один из них — это стих, состоящий из трех имен, последнее из которых сопровождается эпитетом или другим усилением, например, Λάμπρον τε Κλυτίον θ’ Ἰκετάονά τ’ ὄζον Ἄρηος (*Il.* 3.147) имеет параллель в исландском эпосе (*Hyndluljóð* 18) и англосаксонском эпосе (*Bíowulf* 61). Другой пример: стилистический повтор (часто асиндетон) прилагательных, которые имеют повторяющийся первый элемент, например, ἀ-privativum, εὐ-, πολύ- (*Il.* 2. 447 ἀγήρων ἀθανάτην τε), этому явлению есть близкая параллель в Ведах и Авесте (*Rgv.* i 113.13 *ajáṛá-(a)mṛta*)²⁰.

Домикенский период

¹⁸ Больше примеров см. West 1988.

¹⁹ Pisanì 1968. О конях в героическом эпосе, Боура 2002: 207-224.

²⁰ West 1988:156

К домикенскому состоянию греческой эпической традиции обычно относят упоминания описаний таких предметов, которые имеют точное соответствие с археологическими находками, датируемыми определенным временем. Среди самых знаменитых являются упоминания в «Илиаде» *φάσγανον ἀργυρόηλον* (Ил. 23. 807) ‘среброгвоздного меча’ и *φέρων σάκος ἥύτε πύργον* (Ил. 7. 219) ‘щита в форме башни’, которые по археологическим свидетельствам относятся к 16 или 15 вв. до н.э. Истоки поэтического языка также, по мнению некоторых исследователей, предшествовали микенским архивам (West 1997: 226–30; Horrocks 1997: 201–3; Ruijgh 1997; Latacz 2004, Казанский 2020). Лингвистические обоснования домикенской древности дактилической эпической поэзии базируются на двух явлениях: во-первых, это явления тмесиса, а во-вторых, реконструкция формул с невокализованным слоговым *г*.

Тмесис

Особенностью эпического языка, восходящей к домикенскому состоянию, является тмесис, то есть использования наречных элементов (preverb) отдельно от глаголов; такого рода конструкций не встречается в микенских документах. Ряд исследователей (Bader 1965: 166; Morpurgo Davies 1987: 268; Palmer 1969: 344; Probanas 1978: 178-179; Ruijgh 1967: 31 n. 50) рассматривают раздельное написание *a-pi, to-ni-jo* (Та 716.1): композит (?) с *amphi-* (ἀμφί)²¹ и *a-pu, ke-ka-u-me-no* /*apu- kekaumenos*/ — ‘обоженный’ (Та 641.1) как отражение отдельного произношения наречных элементов от глаголов (тмесис), сопоставимых с гомеровским²².

²¹ Второй элемент композита не имеет надежной интерпретации. Предлагаются варианты: *ἄμφι-τόνιος*, *ἀμφί-τόρνιος*, *ἄμφι-θόρνιος*, *ἄμφι-σπορνιος* (*DMic I*: 79-80).

²² Ив Дюу (Duhoix 1994-1995: 200) посчитал, что микенские лексемы, состоящие из более чем 5 силлабограмм скорее подвергаются дизъюнкции, нежели более короткие и что подобное написание могло отражать особенность речи пилосского писца 2. Поэтому если перед нами

Дж. Хоррокс утверждал, что сохранение тмесиса в гомеровском поэтическом диалекте, и отсутствие тмесиса в линейном В, доказывает, что происхождение эпического диалекта предшествовало микенскому периоду (Horrocks 1997; contra Hajnal 2004, Ruijgh 2011, Маслов 2011). Как показали Даг Хауг (Haug 2002: 42-44) и Иво Хайнал (Hajnal 2004), тексты линейного письма В вряд ли являются репрезентативными не только со стилистической точки зрения, но и с точки зрения прагматической организации дискурса. Немаркированный порядок слов (объект-преверб-глагол), наблюдаемый в микенских документах, не давал бы повода для экстрапозиции преверба, который, как указывает Хайнал (Hajnal 2004: 175), на самом деле можно наблюдать в прагматически маркированных образцах разговорного языка классического периода.

По всей вероятности, тмесис был особенностью греческого поэтического языка, которая была унаследована традицией, кульминацией которой стал ионийский эпос, а также другими поэтическими жанрами (Morpurgo-Davies 1985: 88). Важно отметить, что употребление Пиндара не отличается от употребления Гомера (Hummel 1993: 147). Таким образом, есть основания полагать, что синтаксис гомеровского эпоса сохранил более архаические черты, нежели микенские тексты (Meier-Brügger 2006: 422), принимая во внимание аргументы Хайнала против наблюдения тмесиса в микенских текстах.

Проблема слогового г

Йохим Латач, опираясь на аргументы Х. Мюлештейна, К. Ройха и Уэста, считает само собой разумеющимся, что устное исполнение гекзаметрической поэзии восходит, по крайней мере, к XVI в. до н.э.²³. Эти

действительно отражение речи, то это признак особого дворцовой администрации приближенной к верховной власти (“*mysénien de cour*”).

²³ Meier-Brügger 1992: 137-42; Mühlestein 1958: 364-365; Ruijgh 1997; West 1988: 156-7; Horrocks 1997; Watkins 1995: 499; Latacz 2001: 311.

выводы основаны, в частности, на широко обсуждаемой формуле: λιποῦσ' ἀνδροτῆτα καὶ ἥβην (Il. 16.857 = 22.363), в которой слово ἀνδροτῆτα представляет собой метрически неприемлимую последовательность √ - √ - √. Мюленштейн первым показал, что реконструкция формы *anr̥tāt- решает метрическую проблему, представляя собой последовательность √ √ -, и предложил идею о домикенском происхождении гекзамера. Основные аргументы защитников этой теории таковы: во-первых, реконструкция протогреческой формы *anr̥tāta, в которой сохраняется слоговой r̥, приводит к более «правильному» метру √ √ - √. Во-вторых, известно, что в микенских текстах слоговой r̥ уже вокализовался в or/ro, например, to-pe-za /torpedza/ 'стол', с слогом og вместо древнего r̥. Таким образом формулы, в которых восстанавливается не вокализованный сонант, восходят к домикенскому периоду эпической традиции²⁴. Однако, если реконструировать домикенский вид формулы ἀνδροτῆτα καὶ ἥβην, то возникает проблема с союзом καὶ, который не встречается в микенских документах и считается поздней формой²⁵. Решением этой проблемы Мартин Уэст (West 1988: 156) видит, восстанавливая в формуле союз *ide*, встречающийся в кипрских надписях, так что формула имела вид *anr̥tāt' *ide* yēgwān с элизией конечного гласного anr̥tāta. Однако Ройх, предложивший эту замену, позже отказался от нее по семантическим соображениям (сославшись на то, что *ide* на кипрском диалекте означает "тогда") и от реконструкции формулы (Ruijgh 1995: 90-91). Сходную проблему породила формула Μηρίωνης τ' ἀταλαντος Ἐνυαλίῳ ἀνδρεϊφόντῃ — «Мерион равный по силе убийце мужей Эниалию» (Il. 2.651 = 7.166 = 17.259), которая метрически удовлетворительно может быть, если читать с

²⁴ Аргументы против: Berg, Haug 2000, Kullman 2001: 649, Hackstein 2002: 5–9; Haug 2002: 62–67; Маслов 2011.

²⁵ Возможно, также, что καὶ является древней формой (Ruijgh 1981)

синезесой слог -υα- в Ἐνυαλίῳ или со стяжением (synaloepha) конечного гласного Ἐνυαλίῳ и начального ἀνδρεΐφόντῃ. Если реконструировать форму как **Enūwaliōi anṛqwhontāi*, тогда можно было бы восстановить домикенскую гекзаметрическую последовательность: ∘ ∘ - - -. Существуют возражения, против такой реконструкции (Маслов 2011: 379; Naug 2002: 63–64, Willi 2003: 225).

Еще один пример сохранения слогового *r* предлагает видеть М. Уэст (West 1988: 156) в форме ἀμβροτάζομεν (hapaх), которую большинство рукописей содержат в метрически нормализованной форме ἀβροτάζομεν, в *Il.* 10. 65 (Агамемнон обращается к Менелаю): αὔθι μένειν, μη πῶς ἀβροτάζομεν ἀλλήλοιν / ἐρχομένῳ — «останься здесь, чтобы мы как-нибудь не разминутся друг с другом». Глагол ἀβροτάζω связан с ἀμαρτάνω и восходит к форме корня со слоговым /*r*/ < **h₂mrt*; эолийский тип вокализации слогового *r* этого корня встречается 6 раз в «Илиаде» в аористных формах (ἀπ)ήμβροτ-. Суффикс -ак- в ἀμβροτάζομεν морфологически трудно объясним, Тихи предполагает²⁶, что это искусственная, метрически обусловленная, удлиненная форма, образованная по модели с ἀλλ' ἦτοι ἐπὶ νυκτὶ φυλόζομεν ἡμέας αὐτούς (*Il.* 8.529). Также Ева Тихи привела аргументы в пользу возможности того, что форма ἀνδρoтῆτα вошла в эпический диалект на рубеже II и I тысячелетий до н.э. в качестве гекзаметров, сохранивших еще следы метрики колона. Спорная формула окончания стиха ἀνδρoтῆτα καὶ ἦβην могла иметь метрическую форму - ∘ - ∘ - - -, в которой она видит древнюю форму полустишия, которая, согласно теории, предложенной Бергом в 1978 году, и должна соединяться с другой половиной стиха, образуя таким образом протогекзаметр²⁷.

²⁶ Tichy 1981:37-38

²⁷ См. подробнее в разделе «Проблема происхождения дактилического гекзаметра»

Проблема реконструкции эпических формул, предполагающая сохранение невокализованных сонантов, остаётся предметом научных дискуссий. Тем не менее, попытки учёных разрешить метрические аномалии путём апелляции к домикенским формулам представляются весьма продуктивными, как и сама гипотеза о выделении домикенского этапа в развитии эпической традиции.

Следует отметить, что интерпретация метрических «неправильностей» в значительной степени зависит от предлагаемой исследователями реконструкции стиха для различных периодов развития эпической традиции. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть основные гипотезы о происхождении гекзаметра, с тем чтобы определить методологическую основу для настоящего исследования.

Проблема происхождения дактилического гекзаметра

Гекзаметр является производным от метрического колона, унаследованного от греко-арийского (греко-фригийско-армянское) стиха²⁸, с важным изменением в просодии от слогосчитающего к морасчитающему метру, в котором два кратких равны одному долгому слогу. Идея происхождения гекзаметра как построения из метрического колона, взятого из того же набора возможных вариантов, из которого был взят колон для греческой хоровой лирической поэзии, (Пиндар и Вакхилид), а также трагедии, все они в конечном счете связаны с ведическими стихотворными

²⁸ Мейстер (Meister 1923: 58) и Мейе (Meillet 1923) предположили, что гекзаметр был заимствован из поэзии какого-то неизвестного догреческого народа Эгейского моря. Однако Ройх (Rujigh 1995: 3) счел это предположение привлекательным и привел доводы в пользу минойского происхождения (contra Peabody 1975: 22-3). Заимствованный гекзаметр из других языков (Watkins 1963; Hoekstra 1981: 35, 53). О греко-арийских стихах (Nagy 1974; Peabody 1975: 24-65; West 2007: 45-51; Bachvarova 2016: 266; Kiparsky 2018). Индоевропейское происхождение гекзаметра убедительно доказывает Зайцев (Зайцев 1994).

формами, поддерживается в той или иной мере Грегори Надем, Беркли Пибоди, Нильсом Бергом, Евой Тихи, Мартином Уэстом, Бруно Джентили и Полом Кипарски. Цезуры, которые обозначают словораздел и часто смысловое членение, первоначально были швами между колонами; а неровности в размере, сливающиеся по краям цезуры, являются остатками первоначального процесса построения стихотворных строк посредством простого сопоставления шаблонных колонов²⁹. Модель Мартина Уэста (West 1982: 29-56) предполагает развитие дактилического гексаметра из сочетания двух колонов, каждый из которых представляет собой единицу дактило-эпитритов (x – ∪ ∪ – ∪ ∪ – x), метра присущего хоровой лирике Стесихора. Уэст предположил в качестве возможного источника «ферекратай и расширенный рейциан, ≡ x – ∪ ∪ – x | x – ∪ ∪ – ∪ ∪ – —, спаянные воедино и упорядоченные по ритму во всем» или гемизпес + парозмиак (West 1973: 169). Грегори Надь (Nagy 1974; 2004: 144–56) видит развитие гексаметра из ферекрата с дактилическим расширением и подчеркивает, что стих является производным от объединения отдельных формульных колонов, а не метрических колонов, особенно подчеркивая, что формульный колон может распространиться на стих. Вариации формул, заполняющих каждую из двух полустиший дактилического гексаметра, расположены либо вокруг пентаметрической цезуры, либо вокруг трохеической цезуры, и показывают, что эти две половины нельзя рассматривать отдельно³⁰.

²⁹ Berg 1978; West 1973: 188.

³⁰ Hoekstra 1981: 33–53. «Сопоставив гомеровские и ведийские рефлексy наиболее убедительно реконструируемых праиндоевропейских поэтических формул, мы видим, что у Гомера эти рефлексy появляются всегда после цезуры, а в Ригведе более или менее безразлично в любом месте в стихе. Очень важно отметить, что остатки индоевропейских формул вовсе не обязательно сохраняются во второй половине гексаметра

Н. Берг (Berg 1978) критикует эти теории на том основании, что ферекрытей и рейциан, будучи каталектическими, обычно используются для окончания строфы и, следовательно, не вполне подходят для расширения на весь стих. Он также отмечает, что внутреннее расширение тремя дактилями, предложенное Надем, вряд ли было доступно в качестве средства в ранней метрической системе; это указывает на неправдоподобно позднюю дату появления гекзаметра, что противоречит количеству архаичного шаблонного материала, сохранившегося в нем, и оставляет открытым вопрос о том, какой более ранний эпический размер был заменен гекзаметром, поскольку есть веские основания полагать, что эпическая поэзия существовала в индоевропейском языке и была унаследована греческим. Собственное предложение Берга состоит в том, что первое полустишие он относит к общей форме $\times \times \times \times \sim - \sim -$, а вторая часть – каталектический 7-сложник, предшественник греческого ферекрытея³¹. При переходе к дактилическому гекзаметру эолийская база была переосмыслена как дактиль в виде спондея, усиливая восприятие стиха, как состоящего из повторяющихся дактилических стоп. Метрическое удлинение и “морфологическое растягивание” (например, двусложная форма ἄνδρεϛ и трехсложная ἄνέρεϛ), которые встречаются особенно часто в первой и четвертой стопах, являются остатками переработки в дактили эолийской базы каждой из двух колонов, составляющих стих³². Сценарий Берга основан на метре вероятного индоевропейского происхождения, чья очевидная закономерность делает его лучшим средством для создания эпоса, чем лирические метры, к которым прибегают Уэст и Надь (Kiparsky

(в трех последних стопах), но непременно после цезуры» (Зайцев 1994 154-157).

³¹ Berg N. 1978: 18-20. Критику этого подхода и его сторонницу Е. Тихи см. Зайцев 1994: 133- 142.

³² Berg, Haug 2000.

2018). Это предполагает развитие событий, которое частично совпадает с развитием эпической шлоки в Ведах. Кипарский критикует последовательность четырех анцепсов × × × × в протометре, считая ее неоправданной и принципиально несовместимо с понятием «дизайна стиха». В качестве решения он предлагает видеть пары восьмисложных ямбических колонов, которые сливались в греческом языке, в конечном счете благодаря разрешенным перестановкам (syncorotation) привели к образованию тетраметров. Сходство между гекзаметром и ямбом прослеживается в архаическом ионическом стихе, представленном надписью на кубке Нестора из Питекуссы (с вариациями хориямба) и сохраняется в лирике Архилоха и Гиппонакта (Kiparsky 2018:122-123).

Проблема происхождения и окончательного оформления гекзаметра является предметом научной дискуссии. Некоторые формулы и фразы, лексически и семантически относящиеся к микенской эпохе, без контракции представляли собой дактилический гекзаметр, в связи с чем некоторые ученые относят датировку возникновения гекзаметра ко второму тыс. до н. э.³³ Проблему этой датировки М. Бачварова видит в том, что, признавая реконструкцию форм гомеровских формул микенской эпохи, необходимо признать, что либо дактилический метр еще не оформился окончательно, либо контракция гласных, явление которой, по мнению Бачваровой³⁴, является ключевым для датировки гекзаметра, уже существовала в микенское время³⁵. Другие исследователи не разделяют

³³ West 1973: 188; 1997: 234; Rujigh 1985: 162-3.

³⁴ Bachvarova 2016: 461.

³⁵ «Древнейший греческий эпос, который мы можем реконструировать по его формулам, уже был написан гекзаметрами; многие старые формулы дополняют основные цезуры, и многие старые формульные системы позволяют начинать с мужской или женской цезуры по желанию поэта. В микенском было гораздо больше кратких открытых слогов, чем позже, когда ослабление интервокального h (< s) и w привело к контракции гласных. Такая более открытая структура способствовала бы

этого тезиса, полагая, что гекзаметр сложился в микенскую эпоху, а контракция гласных способствовала его развитию: «определенную роль в развитии этой эквивалентности (одного долгого двум кратким в метре), очевидно, сыграли слияния гласных, в результате которых в эпическом языке появились параллельные словоформы с VV с одной стороны и V с другой, располагавшимися в слабом времени стиха. Нужно только иметь в виду, что гекзаметр, в общем, должен был уже сложиться в микенскую эпоху, а большинство слияний в древнегреческом относится уже к послемикенскому времени и более не возвращается к этой проблеме» (Зайцев 1995: 145).

В основу настоящего исследования положен подход, допускающий реконструкцию гекзаметра как микенской, так и домикенской эпохи. Ключевым для нас является тезис А. Хукстры (Hoekstra) о том, что «самая ранняя повествовательная поэзия, оставившая какие-либо следы у Гомера, уже была создана в форме гекзаметра»³⁶. Данная позиция принимается при полном осознании всей сложности и уязвимости подобных реконструкций в контексте нерешённой проблемы происхождения греческого гекзаметра.

Гомеровская археология

Со времен открытий Генриха Шлимана, Артура Эванса, Карла Блегена в Трое и Микенах археология занимала свое особое место рядом с литературным, филологическим и историческим подходами к изучению гомеровского эпоса. «*Archaeologia Homerica*» или соответствующие разделы

упорядочению длинной строки стиха в соответствии с дактилическим метром, в то время как контракция усилила бы тенденцию приравнивать один долгий слог к двум кратким. Мы не можем исключить возможность того, что гекзаметр появился раньше микенских времен» (Janko 1992: 10-11).

³⁶ Hoekstra 1981: 53.

в *A Companion to Homer* под редакцией Уэйса и Стаббингса³⁷ определяют цели «гомеровской археологии» в тщательном изучении археологических данных бронзового века и раннего железного века с тем, чтобы найти параллели с реалиями, описанными в эпосе³⁸. Там, где сходятся и то, и другое, считается, что мы сталкиваемся с достоверными историческими данными за определенный период и возможностью дополнить наши литературные свидетельства археологическими, и наоборот. Всякий раз, когда такого сближения не происходит в отношении фундаментальных элементов гомеровского "материального мира" (гомеровское оружие, одежда, жилище и т.д.), исследователи склонны придерживаться двух различных стратегий (иногда обеих одновременно): либо объяснить наблюдаемые расхождения, утверждая, что эти расхождения коренятся в различных исторических слоях гомеровского текста; или они могут искать исторический период и/или конкретный регион, в котором некоторые старые формы оружия, одежды или жилища предположительно сосуществуют с новыми в археологическом материале (Van Wees 1999; Sherratt 1990). Со временем развития археологической науки стало ясно, что черты присущие обществам как бронзового, так и железного веков могут быть обнаружены в гомеровских эпосе, даже если «гомеровского общества» как такового не существовало ни в тот, ни в другой период. Этот эвристический сдвиг очевиден в новой интерпретации археологических данных в «*A New Companion to Homer*» Морриса и Пауэлла по отношению к «старому компаньону». Моррис замечает, что в археологических данных Греции железного века слишком много регионального разнообразия, чтобы их можно было сравнить с материальным миром, описанным Гомером. По его мнению, материальная культура и поэтическая культура – это два

³⁷ Wace, Stubbings 1962.

³⁸ Buchholz 1991; Simpson 2018; Lorimer 1950.

способа, с помощью которых греки VIII в. до н.э. конструировали социальный мир³⁹.

Упоминания и описание древних вещей, появляющихся в контекстах, датируемых гораздо более поздним временем, нежели создания самих предметов, выделяют в особую категорию (Carple 2010). Это так называемые наследуемые артефакты (ancestral artifact), которые можно разделить на две подгруппы: фамильные реликвии (heirlooms) и особо почитаемые объекты (venerable objects), которые относятся к предметам более отдаленного прошлого, ценящиеся за их древность и мифологическое происхождение. Одним из таких предметов является серебряная чаша Телемаха (*Od.* 15, 115–20,). Или шлем Мериона (*Il.* 10, 261–5). Обмен, пусть даже временный, или использование этих предметов вызывает воспоминания об их происхождении и предыдущей истории (Crielaard 2003; Grethlein 2008).

Таким образом, иногда привлекаемый археологический материал к лексико-семантическому анализу, будет иллюстрировать эту категорию предметов.

Современное состояние вопроса

Микенские тексты написаны в форме лаконичной канцелярской идиомы, которая, по-видимому, основана на устном койне, использовавшимся в микенских центрах в качестве межрегионального наддиалекта (в терминологии Э. Риша "muscenien normal")⁴⁰. В нем практически отсутствуют региональные языковые особенности, хотя отдельные лингвистические различия существуют как среди текстов, найденных в разных местах, так и внутри текстов из одного места; эти различия, по-видимому, частично имеют территориальное происхождение

³⁹ Morris 1997: 539.

⁴⁰ Risch 1966.

(как остатки местных диалектов), а в некоторых случаях могут содержать индивидуальный отпечаток ("mysenien special" в терминологии Э. Риша). Микенский диалект ("микенское койне") не имел прямого продолжения в первом тыс. до н.э., так как он был разрушен с распадом микенского диалекта. Древнехейские местные диалекты койне развивались в постмикенский период в самостоятельные диалекты (в Аркадии и на Кипре соответственно).

Говоря о «микенском слое» в эпических поэмах Гомера, в настоящей работе имеется в виду реконструкция предполагаемого поэтического языка микенского времени. Сравнение языка гомеровских поэм с хозяйственными текстами линейного письма В может позволить найти такие лексические формы, которые могли бы быть входить в этот поэтический язык. Можно предположить, что более архаичные морфологические или фонологические особенности встречаются в «старых» частях поэм; это было бы лингвистическим измерением аналитического подхода к Гомеру. Но такое распределение исключено: старые и новые лингвистические признаки часто встречаются вместе в одном стихе или в одной группе слов. Например, в формульном стихе ὀχθήσας δ' ἄρα εἶπε πρὸς ὃν μεγάλητορα θυμόν присутствует зияние между ἄρα и εἶπε, указывающее на присутствие дигаммы (ῑεἶπε), в то время как краткость просодии πρὸς перед местоимением ὃν (< ῑhón < σῑόν, ср. лат. suum) свидетельствует о том, что эта формула была создана поэтами, для которых /ῑ/ больше не была продуктивной согласной. Кроме того, еще одной особенностью является краткость конечного гласного εἶπε перед πρὸς с *muta cum liquida* (Bakker 2020: 72). В первом стихе «Илиады» содержится окончания два разных окончания генетива с и без *metathesis quantitatis*: Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος||, для которой можно было бы восстановить более раннюю форму Πηληϊάδα' Ἀχιλῆος||, при этом существует Μενοιτιάδεω Πατροκλῆος (Il. 16, 554) обе формы метрически надежны. Также в οἴζυροῦ πολέμοιο (Il. 3, 112),

соседей новое и старое окончания gen. sg. В *Il.* 1, 591 ἀπὸ βῆλοϝ θεσπεσίῳ|| встречаются два gen. sg. -οο и οῖο, так как βῆλοϝ, можно понимать как βῆλόο); ср. *Il.* 2.457, 746, 843 (Bakker 2020: 72). Иногда неверное понимание архаичных форм может привести к появлению «новых» слов, так, например, эпитет ὀκρυόεις ‘ужасный’, появилось из κρυόεις ‘холодный’ из-за неправильного разделения слов в постгомеровской редакции в выражении (πολέμου) ἐπιδημίου ὀκρυόεντος (*Il.* 9, 64), которое восходит к форме с древним окончанием генетива на -οο: ἐπιδημίουοο κρυόεντος (Leumann 1950, 49).

При сопоставлении микенских и гомеровских форм обнаруживаются соответствия, как в фонетике, так и в именной и глагольной морфологии, а также на лексическом уровне (Bartonek 2002: 465). Приведем наиболее характерные примеры реконструкции таких форм и особенностей микенского поэтического языка⁴¹.

Среди морфологических соответствий необходимо отметить сохранение в гомеровском языке флексии генетива на тематического склонения на -οῖο засвидетельствованного в микенских текстах: *te-o-jo /thehojo/* ср. гом. θεοῖο, а также окончание gen. pl. -ων⁴² в мик. *i-te-ja-o /histejāhōn/*. В некоторых совпадениях есть частичные различия, например, в случае инструментальной флексии -*pi* /-*phi*/ и -φι. В микенских текстах флексия сохраняет инструментальную функцию⁴³, тогда как у Гомера скорее выполняет функцию косвенного падежа (функции инструменталиса, локатива, датива, генетива)⁴⁴. В микенских текстах дополнительную функцию приобретает флексия -*pi*, когда употребляется с топонимами, а

⁴¹ West 1988, 151-72; Ruijgh 2011: 253 - 295; Latacz 2004: 212-249; Bartoněk 2002: 458, Meier-Brügger 2006: 417-426.

⁴² Chantraine 1942: 201.

⁴³ Об особенности употребления микенской флексии: Waanders 1997: 105-106; Bernabé, Luján 2006: 288; Duhoux 2011: 237; Брайловская 2023.

⁴⁴ Bartoněk 2002: 465.

именно функцию аблатива. Например, в топониме *Sphagiānes*, который, скорее всего, служил обозначением мессенского района, где находился Пилосский дворец⁴⁵, имеет формы, *pa-ki-ja-si* (датель-локатив ‘в Сфагианах’), *pa-ki-ja-pi* (инструменталис-аблатив ‘из Сфагиан’) *pa-ki-ja-na-de* (аллатив ‘в Сфагианы’). В микенских текстах представлены формы, характерные как для языка Гомера, так и для ионийско-аттического диалекта (ἱερός, ὄτε, ξύν и др.)⁴⁶. В морфологии глаголов микенская и гомеровская языковые формы имеют важное нововведение окончание -σι в 3 sg. (*e-ko-si* /*ekhonsi*/ ἔχουσι), что соответствует всему ионийско-аттическому и аркадско-кипрскому диалектному ареалу и противостоит дорическому и фессалийско-беотийскому (-τι).

Просодические особенности микенского времени сохранились в формулах. Так, например, гиа́т в формуле βοῶπις πότνια Ἥρη (*Il.* 1. 551 и др), занимающей последние две стопы стиха – места, сохраняющего наиболее архаичные поэтические элементы, является аномалией (ср. πότνια Κίρκη, πότνια νύμφη, πότνια θηρῶν; в гомеровых гимнах, πότνια Λητώ, Μαῖα, Ληώ, Δήδη). Начальное /h/ Ἥρη. Слово πότνια может быть переводом догреческого *hṛā* – женский вариант догреческого титула ἥρως «господин», восходящий к микенскому времени, который Гомер использует для обозначения знати⁴⁷. В микенских текстах имеется форма dat. sg. *ti-ri-se-ro-e* /*trishērōhei*/ «трижды герою» вероятно обозначает полубога, может быть, предка царской семьи, которая справляет культ после его смерти. Еще формы, в которых сохраняется согласный h, таковы: мик. *pa-we-a2* /*phārweha*/; мик. *a-pe-e-ke* /*apehēke*/ < **éyēke* ср. гомеровское

⁴⁵ Н. Н. Казанский предлагает отождествлять микенский топоним *pa-ki-ja-pi* с элейской местностью Σφακτήρια, так как более вероятно, что большие религиозные процессии (например, в табличке РУ Тп 316) были сухопутными (Kazansky 2021: 33).

⁴⁶ Гринбаум 2001: 31.

⁴⁷ Ruijgh 1984; 2011: 281.

ἤηκε. Гомеровские композиты ἀγχίαλος, ἀμφίαλος и мик. *a-pi-a₂-ro* < **halos* < **salos*, ἐπιάλμενος < **hal-* < -*sal-*, ἀμφίεπον < **heqwon(t)-* < **seqwont-*, вероятно, восходят к тому же слою эпического языка⁴⁸.

Формула βίη Ἡρακλεΐη⁴⁹ «гераклова сила», встречающаяся в поэмах Гомера и Гесиода (*Il.* 11. 690; *Hes. Th.* 289) с гиагом в форме номинатива (в дативе *Il.* 2. 658, 15. 640; в генетиве *Il.* 2. 666; в аккузативе *Il.* 5. 638, 19. 98; *Od.* 11. 601), представляет метрическую проблему спондея в пятой стопе, которая, как правило, должна быть дактилической. Формула становится метрически и просодически правильной, если реконструировать ее микенскую просодию: /g^wiā hērakleueheīā/ | ∪ — — — ∪ ∪ — — ||. Микенская форма [ra-ke-re-we] может быть прочитана как Hē| raklewēs|. В прилагательном Ἡρακλεΐη восстанавливается суффикс -ειο-. Как показал Джон Киллен (Killen 1983: 66-99), в микенских текстах существовало два типа прилагательных, образованных от личных имен:

1) с и-е суффиксом -ιο- употребляются исключительно как патронимические прилагательные;

2) с суффиксом -ειο- образуют поссесивные прилагательные. Например, *e-te-wo-ke-re-we-i-jo* /*Hetewoklewehios*/ ‘сын Этеокла’ и *pe-ri-qo-te-jo* /*perikwhoiteios*/ ‘принадлежащий *Pe-ri-qo-ta*’.

В послемикенском греческом языке это различие было стерто вследствие контракции гласных: формы *Διφομηδέῃος и *Διφομηδέῃειος перешли в *Διφομηδεῖος, который затем приобретает вид *proparoxytona* Διομήδειος, (ср. Φιλίππειος от Φίλλιπος). Таким образом, отыменные прилагательные с суффиксом -ειο- имеют оба значения: патронимическое (неотторжимость) и поссесивное (отторжимое, менять хозяина), поэтому ион. Ἡρακλεΐη было результатом *hērakleueheīā*. Гомеровская эпическая

⁴⁸ West 1988: 157.

⁴⁹ Ruijgh 2011: 285-284.

форма Ἡρακληείη была адаптацией ионийской формы к метрической структуре, несмотря на спондеическую пятую стопу. Другой вариант формулы с генетивом βίη Ἡρακλῆος (*Il.* 18.177), которая восходит к микенскому **g^wiā hērakleuehos* ~ — | — — ~ ~ —. Точно также гомеровские βίη Ἴφικληείη (*Od.* 11. 296) и βίης Ἑτεοκληείης (*Il.* 4. 386) восходят к микенским **g^wiā ṽiphikleueheīā* | ~ — — — ~ ~ — || и *g^wiās Heteuokleueheīās* | ~ — ~ ~ — ~ ~ — ||. Гомер употребляет некоторые другие подобные конструкции с βίη и генетивом имени собственного, например, βίη Τεύκροιο ἄνακτος (*Il.* 23. 859) и др. Такого рода конструкции обозначают не буквально силу конкретного героя, но скорее являются примером обращения к царю, принятое в микенском обществе в соответствии с этикетом того времени (ср. *His Majesty*). Помимо βίη, встречаются формулы с μένος и ἵς: ἱερὸν μένος Ἀλκινόοιο или ἱερὴ ἵς Τηλεμάχοιο употребляющиеся в том же значении титулов.

Топонимы, упоминаемые в «каталоге кораблей», совпадают с территорией расселения греков микенской эпохи (Visser 1998: 30), более того, местоположение некоторые из исторических мест, упоминаемых в «каталоге кораблей» греки исторических времен уже не могли определить (Kirk 1985: 238). Среди топонимов, упомянутых в корпусе фиванских табличек присутствуют три, совпадающие с названиями из «каталога» в *Il.* 2.500, это Ἑλεῶν = *e-re-o-ni* (ТН Ft 140, X 55.1), Ὑλη = *u-re-we* (ТН Gr 179) и Πετεῶν = *pe-ta-o-ni-jo*⁵⁰ (ТН Ug 12). Эти места и в «каталоге» локализованы в Беотии и их появление в фиванских табличках говорит о прямой параллели в ономастике. Еще одно место, упоминаемое в фиванских табличках, это топоним *e-u-te-re-u* (loc.)⁵¹, идущий на следующей строке после *te-qa-i /thēg^wais/* «в Фивы» в табличке ТН Ft 140, и

⁵⁰ Этноним, образованный от города Πετεῶν (Aravantinos, Godart, Sacconi 2001: 356).

⁵¹ Bernabé, Luján 2006: 164.

параллельное место в «Илиаде» *Il.* 2.502: Κώπας Εὐτρησὶν τε πολυτρήρωνά τε Θίσβην – «Копы, Эвтресий и обильные голубями Фивы». Весьма вероятно, что Эвтресий, упоминаемый в «Илиаде» восходит к микенскому топониму⁵².

Некоторые формы эпического языка гомеровских поэм становятся понятными, если иметь в виду их микенскую форму. Так, например, становится в «Одиссее» встречается слово ἀμφουδῖς – *haraχ legomenon*, значение которого не имеет однозначного толкования⁵³ – ἧ πρὸς γῆν ἐλάσειε κάρη ἀμφουδῖς ἀείρας – «или, подняв, о землю ударить голову» (*Od.* 17. 237). Как понимать ἀμφουδῖς, встречающееся только в этом контексте? Майер-Брюггер понимает наречие ἀμφου-δῖς – «обеими руками» как застывшую форму двойственного числа с сохранившимся формантом *-ου-*, которые засвидетельствован в микенском инструменталисе *du-wo-u-pi /duwo-u-p^{hi}/*, которая означает «дважды (засеянное?)» (Meier-Brügger 1993: 137-42).

Гомеровская форма δῶ в ἴσαν ἄνέρες ἡμέτερον δῶ (*Od.* 1. 176) сопоставляется с микенской, *do-de /dōde/* — форма ‘в дом’, встречающейся в фиванских табличках (TH Of 26, 31, 33), в которой видят форму аллатива, сопоставляя ее с гомеровским ἴσαν ἄνέρες ἡμέτερον δῶ (*Od.* 1. 176).

Глагольная форма ἐάφθη уже была непонятна филологам эллинистического периода, встречающаяся в описании падения Гектора в *Il.* 14. 419: χειρὸς δ’ ἔκβαλεν ἔγχος, ἐπ’ αὐτῷ δ’ ἀσπίς ἐάφθη «из руки выпало копье, щит на него навалился». Майер-Брюггер предложил объяснять ἐάφθη как нулевую ступень пассивного аориста, образованное от того же корня, что и эпическое существительное ὀμφή ‘голос’ (Meier-Brügger 1981: 91-96). Таким образом, перевод должен быть: «Копье выпало из его руки, щит ‘грохнулся’ (sounded upon him) на него». Эпический диалект сохраняет

⁵² Latacz 2004: 246-7.

⁵³ Russo 1992: 30.

здесь архаичную глагольную форму, которая позже перестала быть понятной. Это явление еще раз указывает на то, что эпический диалект имеет за собой долгую историю развития.

Иногда реконструкции подлежит не отдельное слово или формула, но целый стих⁵⁴. Так, например, Мартин Уэст (West 1988: 158) реконструирует стихи: ψυχὴ δ' ἐκ ῥεθέων πταμένη Ἄϊδος δὲ βεβήκει // ὃν πότμον γοόωσα λιποῦσ' ἀνδρότητα καὶ ἥβην «душа, вылетев из тела, вступила в Аид, плача по своей участи, оставив силу и юность» (Ил. 16. 856f., 22. 362f):

psūkhnā d' ex hrethēhōn ptamēna Hawidósde g^weg^wākē
hwón pótmōn gōwáonśa, liq^wónś anrtāt' ide yēg^wān

Наиболее интересные параллели между микенским и гомеровским языком обнаруживаются на лексическом уровне⁵⁵. В глоссарии Чедвика и Вентриса (Ventris, Chadwick 1973) более 200 микенских слов маркированы как засвидетельствованные у Гомера. А. Бартошек увеличил этот список на 110 лексем (Bartoněk 2002: 466), особо выделяя параллели в области поэтической лексики, такие как **ἀμφότερωθεν** («с обеих сторон»).

Количество микенских и гомеровских слов по подсчетам Бартошека (Bartoněk 2002: 468). Среди 310 микено-гомеровских соответствий примерно 170 существительных, 45 прилагательных, 65 глаголов, 30 слов из других частей речи. Существительные в основном представляют собой

⁵⁴ Поэтическую аллитерацию усматривает А. М. Белов (Белов 2025) в стихе «Илиады», реконструируя лабиовелярные (Ил. 1, 106)

⁵⁵ Гордезиани подчёркивает, что определение лексики как микенской представляет значительную трудность: «Большую трудность представляет определение того, на каком этапе развития языка могло быть распространено то или иное слово. Вполне допустимо, что большинство слов, которые можно считать общими для микенского и гомеровского словарей, столь же широко могли быть распространены в гомеровскую эпоху, как и в микенскую» (Гордезиани 1978: 272).

мужские и женские наименования должностей или званий (20), различные виды товаров (около 20), текстиль (10), предметы утвари (около 40), металлы и драгоценные камни (5), названия растений (9), названия животных и части тела (22), географические обозначения (7), а также мужских или женских обозначений родства (13), социально-экономические, религиозные или юридические термины (20).

Параллели в именах прилагательных включают многие производные или составные выражения, такие как *ka-ka-re-a* /*khalkāre(h)a*/ (гом. *χαλκῆρης* ‘связанный с медью’, появившееся в прозе довольно поздно), *ku-na-ja* /*gunajjā*/ (гом. *γυναιος* ‘женский’, редко встречающиеся у авторов кроме Гомера) или *mi-to-we-sa* /*milto-wessa*/ ‘окрашенная охрой’ (ср. гом. *μυτοπάρης*). Кроме того, среди микенских имен собственных есть еще около 90 имен собственных, которые встречаются у Гомера, в результате чего количество прямо или косвенно подтвержденных микенских параллелей с Гомером достигает примерно 400 единиц.

Из примерно 1100 слов, засвидетельствованных в микенских текстах, около 400 (то есть приблизительно 36%) встречаются и у Гомера. На первый взгляд эта цифра может показаться незначительной, однако важно учитывать, что корпус текстов линейного письма В включает обширный пласт узкоспециальной лексики, необходимой для дворцовой администрации, но непригодной для поэтического употребления.

С другой стороны, не следует и переоценивать значение этих 400 совпадений. Данные лексемы могут представлять собой как подлинные архаизмы, так и общие инновации или результат выбора из ряда существовавших в раннегреческий период вариантов. Лишь в ограниченном числе случаев мы, вероятно, имеем дело со специфическими, характерными для поэтического языка выражениями.

Критерием для выделения собственно *микенской поэтической лексики* из общего числа совпадений может служить её употребление в

формульных выражениях и/или статус «поэтического» слова в греческом языке I тысячелетия до н. э., а также сохранение специфического значения, утраченного в более поздних текстах.

Лексиконы и индексы микенского языка

Ранние лексикографические работы, такие как лексикон Анны Морпурго (Morpurgo 1963), содержащий около 5800 словоформ, обратный индекс Мишеля Леджёна (Lejeune 1964a) и индекс, включающий примерно 5500 словоформ (Olivier, Godart, Seydel, Sourvinou 1963), несмотря на свою ценность, не были снабжены фонологическими транскрипциями.

Значительным шагом вперёд стало второе издание «Documents» Вентриса и Чедвика (1973), где 3167 лексем впервые получили транскрипции. Важным специализированным ресурсом стал словарь Чедвика и Баумбах (Chadwick, Baumbach 1963, 1972), систематизировавший 674 леммы и 1157 словоформ. В работе Э. Риша, посвященной словообразованию гомеровского языка (Risch 1974), присутствуют 317 микенских соответствий с гомеровскими лексемами.

Наиболее полным на сегодняшний день является словарь микенского языка Ауро-Хорро (1985–1993) приводятся гомеровские контексты везде, где были обнаружены соответствия. На русском языке существует предметно-понятийный словарь микенского языка Н. Н. Казанского и В. П. Казанскене (Казанскене, Казанский 1986). Словарь Индекс гомеровских слов, имеющих соответствия в микенских текстах в «Prolegomena» к комментарию Й. Латача к «Илиаде», составленный Рудольфом Вахтером (Wachter 2015). Новейший лексикон Пикьеро Родригес «*El léxico del griego micénico (LGM): "Index graecitatis", estudio y actualización bibliográfica*» (Piquero Rodríguez 2019) также приводит гомеровские контексты для выявленных соответствий.

Глава первая. Дары.

Дару и обмену в индоевропейских языках посвящена отдельная глава в «Словаре индоевропейской социальной терминологии» Э. Бенвениста. Приведем часть, касающиеся различия в семантике греческих лексем со значением ‘дар’⁵⁶. Корень **deh₃-/dh₃*, о неизменности формы и значения которого свидетельствуют совокупные данные всех языков. Именные формы соответствуют древней структуре: скр. *dānam*, лат. *dōnum*, гр. δῶρον, арт. *tur*, слав. *darŭ*, сохранившие маркер архаичного гетероклитического склонения (чередование r/n). В греческом имеется ряд именных форм с значением ‘дар’, различающихся только способом образования: δῶς, δῶρον, δωρεά, δόσις, δωτήνη. Бенвенист не приводит в этом ряду более позднюю форму δόμα, δόματος < **dh₃-mŋ*, в которой суффикс *-mŋ-* (лат. *-men-*, скр. *-man-*), как и *-ŋ-* имеет расширение *-t-* (*DELG*: 179).

Форма δῶς < **deh₃-t-s*, с основой на *-t*, соответствует латинскому *dōs*, *dōtis* со специальным значением ‘приданое’. И.-е. именная основа *dōti* отражена в авест. *dāiti* ‘дар’, торжесвенный в свою очередь с вед. *dāti*, изолированных характер которого (в сложении *havyádāti* «дар жертвоприношений») подтверждает архаичность индоиранского термина, с греч. δόσις, δωτήνη и лат. *dōs*, *dotis*. Обычным словом для выражения значения ‘приданое’ является τὰ ἔδνα < **h₁ued-*, например, у Гомера формульное выражение πόρε μυρία ἔδνα — «отдал многочисленное приданое» (*Il.* 16, 190; 22, 427; *Od.* 11, 282). Слово δῶς встречается только один раз у Гесиода: δῶς ἀγαθή, ἄρπαξ δὲ κακή, θανάτοιο δότειρα — «дар хорош, грабеж плох, поскольку он приносит смерть» (*Hes. Op.* 356)⁵⁷. В

⁵⁶ Бенвенист 1995: 61-64.

⁵⁷ В этом месте Гесиод употребляет δῶς в ряду однокоренных слов и форм глагола δίδωμι, причем δῶς и δότης — гапаксы: καὶ δόμεν, ὅς κεν δῶ, καὶ μὴ δόμεν, ὅς κεν μὴ δῶ. // δώτη μὲν τις ἔδωκεν, ἀδότη δ’ οὐ τις ἔδωκεν. // δῶς ἀγαθή, ἄρπαξ δὲ κακή, θανάτοιο δότειρα. // ὅς μὲν γάρ κεν ἀνὴρ ἐθέλων, ὃ γε,

этом примере слова δῶς и ἄρπᾱξ являются корневыми именами существительными, эти слова представляют идею в ее наиболее абстрактной форме: ‘дарение’/ ‘отдавание’ и ‘грабеж’.

Лексема δόσις < *dh₃-ti-s — имеет значение реализации действия дарения или давания (ср. рус. “дача”)⁵⁸, которое можно установить на основе следующего употребления у Гомера: καὶ οἱ δόσις ἔσσεται ἐσθλή — «и будет ему награда прекрасная» (*Il.* 10, 213). δόσις — это именная транспозиция глагольной формы настоящего времени, или как здесь, будущего времени: «мы дадим ему что-то прекрасное». У Гомера встречается также другая формула, в которой проявляется глагольное значение этого абстрактного имени: δόσις δ’ ὀλίγη τε φίλη τε — «хоть и небольшое подаяние, но с любовью» (*Od.* 6, 208; 14, 58), слова, которые произносит Навсикая, говоря о гостеприимстве феаков. Разница между δόσις и δῶρον явно проступает в контексте с глаголом ἀναίνομαι ‘отвергать, отказывать’. В четвертой песни «Одиссеи» δόσις выступает как акт дарения/давания: Ноемон рассказывает женихам, что одолжил Телемаху корабль для путешествия в Пилос и на вопрос, добровольно ли он это сделал (ἤε ἐκὼν οἱ δῶκας), он ответил утвердительно, что было бы тяжело отказать

κεῖ μέγα δοίη, //χαίρει τῷ δῶρῳ καὶ τέρπεται ὃν κατὰ θυμόν (*Hes. Op.* 354-358).

⁵⁸ О производных от корня dō- в славянских языках: «В славянских языках хорошо сохранена разветвленная система производных от корня dō-, которую можно возвести к общеиндоевропейскому. В общеславянском *dātъ к которому возводится ц. слав. дать “дар, δόσις” др. рус. подать, дать <...> С древним именным производным на *=ть < =ti связано словообразовательно существительное *datja, архаичность которого с семантической стороны удостоверяется с.-хор. даћа “поминки”, словен. даща “подать”, укр. дача “принесение в дар”, др.-рус. дачька “дар, ср. подача при значении др.-рус. дача “дарованная князем земля” с характерным позднейшим переосмыслением терминологии дарения для обозначения дарений земли, идущих от высших социальных рангов к низшим» (Иванов 1975: 52).

(в том, чтобы дать) такому человеку: χαλεπὸν κεν ἀνήνασθαι δόσιν εἶη (*Od.* 4, 651)⁵⁹. В «Илиаде» Одиссей говорит Агамемнону о неудачном посольстве: σὲ δ' ἀναίνεται ἡδὲ σὰ δῶρα — «он (Ахилл) отвергает тебя и твои дары (конкретные предметы)» (*Il.* 9, 679). Так как образования на *-ti* указывают на реализацию действия, которое именно потому может, но не обязательно, материализоваться в предмете, то форма δόσις обозначает 'акт дарения'. У Гесиода бедность — это то, что дают (δόσις) людям блаженные боги: μηδέ ποτ' οὐλομένην πενίην θυμοφθόρον ἀνδρὶ // τέτλαθ' ὀνειδίζειν, μακάρων δόσιν αἰὲν ἐόντων (*Hes. Op.* 715-716). Также δόσις может обозначать юридический акт, в аттическом праве так называлась передача наследства по чьему-либо волеизъявлению (κατὰ δόσιν) помимо правил обычного наследования (ср. *Isoc.* 19. 45).

Различие δῶρον < **doh₃-ro-m*⁶⁰ и δωρεά < **deh₃-r-ei-eh₂* можно увидеть, например, у Геродота (*Hdt.* III, 97): Κόλχοι δὲ ταξάμενοι ἐς τὴν δωρεήν <...> δῶρα τὰ ἐτάξαντο <...> ἀγίνεον — «жители Колхиды, будучи обложены данью, приносили дары (δῶρα) для δωρεά». Таким образом, δωρεά значит 'акт приношения δῶρον' — абстрактное имя, образованное от δωρέω, которое в свою очередь является отменным образованием от δῶρον. Глагольная семантика отчетливо проявляется в δωρεά и объясняет смысл наречия δωρεάν (аттическая форма) — «в качестве дара, для дара, бесплатно, ни за что». Таким образом, δῶρον — это дар как материальный предмет⁶¹, собственно подарок; δωρεά — акт приношения дара. δῶρον

⁵⁹ Еще один пример из «Одиссеи»: Антиной обращается к Пенелопе принять дары женихов: δῶρα μὲν ὅς κ' ἐθέλησιν Ἀχαιῶν ἐνθάδ' ἐνεῖκαι, // δέξασθ'. οὐ γὰρ καλὸν ἀνήνασθαι δόσιν ἐστίν — «Прими дары, какой бы ни захотели сюда принести Ахейцы, потому что нехорошо отказываться от дара (букв. не принимать дарение)» (*Od.* 18, 286-287).

⁶⁰ Зилер восстанавливает ступень *-o-* **doh₃-ro-* (*Sihler* 1995: 52.3).

⁶¹ «Слово 'дар' употреблялось для обозначения большого разнообразия действий и сделок, которые позже стали дифференцированными и приобрели свои собственные названия. Это платежи за оказанные услуги,

подразумевает какой-то предмет в разных ситуациях, это и дар гостю (δῶρα ξεινῆια), дар божеству (*Il.* 6, 293; 8, 204; *Od.* 13, 358; 16, 185), дар как выкуп (ἄποινα)⁶² или как плата за обиду: ἄψ ἐθέλω ἀρέσαι δόμεναί τ' ἀπερείσι' ἄποινα. // ὑμῖν δ' ἐν πάντεσσι περικλυτὰ δῶρ' ὀνομήνῳ – «я хочу загладить (вину) и дать несметный выкуп. Перед вами всеми я перечислю знаменитые дары» (*Il.* 9, 120-121).

Форма δωτήνη <*deh₃-t-īn-eh₂ — наиболее специализированный термин из всех; примеров на его употребление немного, но они весьма показательны, являясь принадлежностью ионийского поэтического языка. Это слово встречается у Гомера, а также у Геродота, но вскоре выходит из употребления, обозначает вне всякого сомнения 'дар'. В девятой песни «Илиады» Агамемнон обещает Ахиллу надел земли с богатыми жителями, которые станут его подданными и которые будут приносить ему как богу дары (δωτήνησι) и под его началом платить богатые дани (λιπαρὰς θέμιστας): οἱ κέ ἐ δωτήνησι θεὸν ὥς τιμήσουσι // καὶ οἱ ὑπὸ σκῆπτρῳ λιπαρὰς τελέουσιν θέμιστας (*Il.* 9, 155-156). Под θέμιστας имеются в виду преимущественные

желаемые или ожидаемые; то, что мы называли бы гонорами, вознаграждениями, призами, а иногда и взятками» (Foley 1965: 66). Так, например, в *Il.* 10, 304 δῶρον синонимично слову μισθός: τίς κέν μοι τόδε ἔργον ὑποσχόμενος τελέσειε // δῶρ' ἐπὶ μεγάλῳ; μισθὸς δέ οἱ ἄρκιος ἔσται. // δώσω γὰρ δίφρον τε δύω τ' ἐριαύχενας ἵππους – (Гектор спрашивает) кто отважится совершить это дело за великий дар? Ему будет достойная плата: я дам ему колесницу и двух коней с крепкими шеями (*Il.* 10, 304-305). Или когда речь идет о взятке: Антимах подкупленный Парисом не соглашаться (на собраниях) выдавать Елену Менелаю: ὅς ῥα μάλιστα // χρυσὸν Ἀλεξάνδροιο δεδεγμένος ἀγλαὰ δῶρα // οὐκ εἴασχ' Ἑλένην δόμεναι ξανθῷ Μενελάῳ.

⁶² ἄποινα встречается только в «Илиаде». Типичная просьба о пощаде и обещание богатого выкупа: σὺ δ' ἄξια δέξαι ἄποινα: // πολλὰ δ' ἐν ἀφνειοῦ πατρὸς κειμήλια κεῖται // χαλκὸς τε χρυσὸς τε πολύκμητός τε σίδηρος, // τῶν κέν τοι χαρίσαιο πατὴρ ἀπερείσι' ἄποινα – прими же достойный выкуп, так как много вещей есть в доме моего богатого отца: медь, золото, драгоценное железо (*Il.* 6, 46-49; 10, 378-380; 11, 131-135).

права вождя: в частности, что касается отдания почестей и подношения дани правителю согласно божественным установлениям. τιμήσουσι и τιμή означает почести, оказываемые богу, правителю, а также налог, который платится общиной. Это одновременно знак уважения и оценки в социальном, эмоциональном и экономическом плане. В девятой песни «Одиссеи» Одиссей со спутниками умоляет циклопа принять их: ἡμεῖς δ' αὖτε κίχανόμενοι τὰ σὰ γούνα // ἰκόμεθ', εἴ τι πόροις ξεινίον ἢ καὶ ἄλλως // δοίης δωτίνην, ἣ τε ξείνων θέμις ἐστίν — «мы припали к твоим коленям, чтобы увидеть, предложишь ли ты нам дар гостеприимства (ξεινίον) или ты дашь нам дар (δωτίνην), как подобает по закону гостеприимства» (*Od.* 9. 266-268). Такое же употребление в εἰς ὃ κε πᾶσαν δωτίνην τελέσω — «чтобы я успел собрать все подношения» (*Od.* 11. 350). То есть δωτίνη — это не только подарок, бескорыстный дар, но это дар, предоставляемый по договору, согласно обязательствам, накладываемым соглашением, союзом, дружбой, гостеприимством. Обязанность гостя (ξεινίον — частный случай δωτίνην), поданных по отношению к правителю или богу, а также обязательства, вытекающие из союзнических отношений (*Hdt.* I. 61; II, 180).

Таким образом греческие лексемы имеют различия: от чисто глагольного действия “давать” до предоставления чего-либо по договору согласно обязательствам, накладываемым соглашением, союзом, дружбой, гостеприимством.

Можно ли что-то сказать о дарении в микенском греческом? Джон Киллен об обмене в микенских текстах замечает, что: «налоговая терминология, по сути, ограничивается терминами, производными от глагола δίδωμι. Следовательно, у нас есть существительные *do-so-to* /*dosmos*/ с прилагательным *do-si-mi-jo* /*dosmios*/ и существительным *a-pu-*

*do-so-mo /apudosmos/*⁶³, а также различные глагольные формы, происходящие от δίδομι *-di-do-si /didonsi/*, *do-se /dōsei/*, *do-ke /dōke/*, *de-do-me-na /dedomena/*, *a-pe-do-ke /apedōke/*» (Killen 2024: 282). *do-so-mo /dosmos/* — “подношение” встречается в текстах пилосской серии РY Es и на табличке РY Un 718, в которых содержатся перечни подношений, в том числе божествам. В пилосской серии РY Es приводятся списки имен и количества пшеницы в качестве ежегодного⁶⁴ налога (*dosmos*), например, РY Es 644. В табличках РY Es 646 и 649 упоминается Посейдон в качестве получателя подношений. Пилосская табличка РY Un 718 с заголовком *sa-ra-pe-da po-se-da-o-ni do-so-mo* — “*sa-ra-pe-da* подношение Посейдону”⁶⁵ с перечнем подношений (“обязательный дар”) Посейдону от разных общин (или их представителей) в порядке убывания в зависимости от количества поставляемых товаров перечисляет подношения, включающие зерно, вино, сыр, мед, шкуры овец, быка, баранов. Интересно, что перечень подношений можно соотнести с более поздними греческими культовыми⁶⁶. Приведем первые 5 строк таблички:

.1 *sa-ra-pe-da , po-se-da-o-ni , do-so-mo*

⁶³ Встречается также в аркад. надписи ἀ[π]υδοσμόν ‘продажа’ (IG V 2, 343.28-29, Orcómeno, s. IV a.C.); ἀπυδοσμός ‘предназначенный на продажу’ κόπρος IG 5(2).3.28 (Tegea IV a.C.).

⁶⁴ *we-te-i-we-te-i* — повторенная форма локатива */wetehi/* от *wetos* ‘год’, которая соответствует наречию ἀμφιέτεϊ (ср. ἀμφιέτέω).

⁶⁵ существует форма *sa-ra-pe-do/* (РY Eг 880.2: тот же писец), вероятно, композит с πέδον ‘земля’; Дюу предполагает название местности (*Companion*: 345).

⁶⁶ «Не только перечень, но и сам порядок соответствуют греческим культовым предписаниям: сначала растительная предвари тельная жертва (зерновые или пироги), потом возлияние, потом жертвоприношение животного, потом бескровные дополнительные дары, а затем — руно, предназначенное, очевидно, для «очищения». Итак, в Пилосе имел место ритуал жертвоприношения, соответствующий в существенных чертах позднему греческому культу...» (Буркерт 2004: 72).

- .2 *o-wi-de-ta-i* , *do-so-mo* , *to-so* , *e-ke-ra₂-wo*
 .3 *do-se* , *GRA 4 VIN 3 BOS:m 1*
 .4 *tu-ro₂* , *TU±RO2 10 ko-wo* , *153 *1*
 .5 *me-ri-to* , *V 3*

*/sa-ra-peda, Poseidāhōni dosmos owidertāhi dosmon tosson e-ke-ra₂-won
 dōsei: GRA 4 VIN 3 BOS 1 tūrjoi TU±RO2 10 kōwos *153⁶⁷ 1 melitos v 3/*

«Местность sa-ra-peda, подношение Посейдону. Вот какой дар e-ke-ra₂-won принесет служителям, связанным с овцами (owidertāhi)⁶⁸: зерна 384 л., вина 84,4 л., бык 1, сыры 10, овечья шкура 1, меда 4,8 л.»

Еще одна лексема со значением дара (do-ra) упоминается в культовом контексте знаменитой пилосской таблички PY Tn 316, описывающей жертвоприношения в Пилосе⁶⁹. В тексте упоминается 6 святилищ и 14 или 15 божеств. В этом тексте представлен самый полный из известных перечень божеств пилосского пантеона и наиболее подробное описание религиозных церемоний. В перечне упоминаются золотые сосуды, а также идеограммы, обозначающие человека – женщины или мужчины (женщины - для богинь, мужчины - для богов).

⁶⁷ идеограмма 153 сопоставляется с 152 (SKIN + WI), которая интерпретируется как wḡinos ‘шкура быка’, соседство рядом kōwos (ср. κῶας) позволяет интерпретировать ее значение как ‘овечья шкура’.

⁶⁸ Вероятно, речь идет о группе священников или должностных лиц, связанных с культом, форма в dat. pl. производная или от *owiderās (ōĩs + dérw), или owidetās (ōĩs + déw). Видеть форму глагола widesthai представляется затруднительным (DMic II: 58).

⁶⁹ Обширную библиографию по вопросу интерпретации этой таблички можно найти в статье Т. Палаймы (Palaima 1999).

Почти всем божествам дарят золотые сосуды трех разных видов: *213

 — маленький сосуд, встречаются также на табличках из Кносса глиняные сосуды этой формы (KN К 7535 и KN Ус 160 v.3 вместе с амфорами и сосудом *u-do-ro* (гидрия?))⁷⁰; *215 — «микенский кубок»⁷¹ с двумя маленькими ручками, упоминается только на этой табличке микенских текстов, но археологически засвидетельствованы золотые кубки этой формы среди находок из гробницы круга А в Микенах и Дендры, самые поздние датируются несколькими столетиями ранее написания пилосских табличек⁷². *216 — «минойский кубок»,

⁷⁰ Сохранилось изображение на каменном ритоне из Кносса процессии мужчин, несущих на вытянутых руках такого вида чаши см. рис. (Vandenabeele, F., J.-P. Olivier, 1979: 185 с ссылкой на Evans 1998: fig. 486).

⁷¹ Термины «микенский кубок» и «минойский кубок» — условны, их использует Томас Палайма, говоря о престижности сосудов и их распределении божествам (Palaima 1999: 453).

⁷² Vandenabeele, F., J.-P. Olivier, 1979: 210-212. В новейшей литературе (Weilhartner 2013), посвященной религиозным процессиям микенского времени, приводятся более позднее археологические корреляты для сосудов *216 и *215: фрагмент кратера из Энкоми (Weilhartner 2013: 164, fig. 9) с изображением похожего на *216 сосуда, датируемого периодом ПЭ IIIA (1400 – 1300 гг. до н.э.); изображение на амфоре из Тиринфа (Weilhartner 2013: 164, fig. 10), датируемой периодом ПЭ IIIC (1200 – 1050 гг. до н.э.), на котором изображена фигура человека, сидящая на троне с высокой спинкой с кубком в руке, таким же, как на идеограмме *215, и тот же кубок изображен на кратере из Лефканди, (1200 – 1050 гг. до н.э.), причем он вписан внутрь нарисованного кратера (Weilhartner 2013: 165, fig. 11). Вейльхартнер утверждает, что кубки такой формы изготавливались на протяжении всего дворцового периода. Еще одним аргументом может служить найденная в гробнице в селе Куварас в Акарнании золотая чаша, хотя сама гробница поздняя и может относиться к протогеометрическому периоду, чашу датируют периодами ПЭ IIIB (1300–1200) или ПЭ IIIC (1200 – 1050), сопоставляя с керамическими образцами того же периода (Weilhartner 2013: 164, n108). Таким образом, Вейльхартнер утверждает, что изображение на идеограмме *215 повторяет

упоминается только в этом тексте, археологические похожие каменные чаши встречаются, начиная с СМ III - ПМ I (примерно 1700 – 1470 г. до н.э.) на материке, а также Крите, Фере, Закро и Кее, а также из драгоценных металлов (золота ил серебра) из шахтных гробниц. Глиняные сосуды из Феры могут быть датированы периодом ПЭ III В (1300 – 1200 гг. до н.э.)⁷³. Сосуды *215 предназначены центральному женскому божеству Пилоса – владычице (*po-ti-ni-ja* /*potnia*/ ср. *πότνια*), а также женским божествам святилища Посейдона (*qo-wi-ja* и *ko-ma-we-te-ja*) и одному мужскому божеству *do-po-ta* (/do(m)spotāi/ < *d̥ms-pot-, ср. *δεσπότης*). «Минойские кубки» *216 посвящены двум мужским божествам: *ti-ri-se-ro-e* /*trisērōhei*/ (dat. sg.) – «трижды герою» и *e-ma-a₂ a-re-ja* /*hermahāi arejāi*/ (dat. sg.) – Гермесу Арею⁷⁴. Остальным божествам, упомянутым на табличке, предназначаются «простые» круглые чаши *213 (в их числе Зевс, Гера и др.).

В заголовке Tn 316 перечней встречается “формульное” выражение: *i-je-to-qe pa-ki-ja-si*⁷⁵ *do-ra-qe pe-re po-re-na-qe a-ke* /*hijetoqe sphagiānsi dōraqe pherei phorēnaiqe agei*/ — «(Пилос) устремляется в Сфагианы, дары приносит, и подношения приводит»⁷⁶. В качестве даров перечислены

форму сосуда, распространенного во время написания табличек, то есть ПЭ IIIВ и ПЭ IIIС.

⁷³ Vandenabeele, F., J.-P. Olivier, 1979: 213-216. Аналогичные возражения против несовременности написанию таблички формы сосуда предлагает Вейльхартнер, хотя и с меньшим количеством примеров (Weilhartner 2013: 264-165).

⁷⁴ Предполагается эпитет Гермеса *Αρεϊας, производный от Ἄρης (DMic I: 97).

⁷⁵ Место проведения церемонии меняется в разных строках (упоминаются святилища Посейдона *po-si-da-i-jo* /*posidāhioi*/, богинь *pe-re-je* *82-*jo*, *i-pe-te-de-ja*, *di-u-ja-jo* /*diwiaioi*/; Зевса *di-u-jo* /*diwioi*/). В рассматриваемом примере r.2 *pa-ki-ja-si* /*sphagiānsi*/ - форма локатива от топонима *Sphagiānes*, который, скорее всего, служил обозначением мессенского района, где находился Пилосский дворец.

⁷⁶ подробнее см. Woodard 2018.

золотые сосуды различных видов, упомянутые выше, как полагают исследователи (Sacconi 1987; Palaima 1999), которые весьма вероятнее всего являются наследуемыми реликвиями⁷⁷, были принесены из дворцовых хранилищ в святилища божеств, в этом смысле *do-ra* – это подношения. При этом Палайма полагает, что регистрация сосудов в хозяйственных табличках и их древний вид говорит о том, что, скорее всего, они должны были быть возвращены в дворец после завершения ритуальных церемоний в течение определенного месяца (*po-ro-wi-to* /*plowistos*/ – весенний месяц пилосского календаря).

Употребление *do-ra* в пилосском тексте соответствует гомеровскому. *Il.* 6, 293–294: τῶν ἐν’ ἀειραμένη Ἑκάβῃ φέρε δῶρον Ἀθήνῃ, // ὃς κάλλιστος ἦν ποικίλμασιν ἡδὲ μέγιστος – «из них выбрав один (пеплос), самый красивый, разноцветный и большой, Гекуба отнесла в дар Афине». Второй пример из «Одиссеи»: Телемах, увидев преображенного отца, принимает его за бога и молит: ἀλλ’ ἴληθ’, ἵνα τοι κεχαρισμένα δώομεν ἱρὰ // ἡδὲ χρύσεα δῶρα, τετυγμένα – «смилуйся, чтобы мы принесли тебе приятные жертвы или золотые искусные дары» (*Od.* 16, 184–185).

Интерпретация формы *po-re-na-qe* как именной в асс. pl./sg. вызывает трудности⁷⁸, так как ступень -о- в **po-re* = **φορν* проблематична (Palaima 1999: 454n57). Предлагалось сопоставление с формой со ступенью -е- с и.-е. суффиксом -но- *φερνή* и дублетным вариантом суффикса -εпо- в эол. *φέρενα* обозначает “приданое; свадебный подарок”. В надписях из Эпидавра

⁷⁷ Вейльхартнер возражает, говоря, что «on archaeological grounds there would appear to be no need of an interpretation of the vessels recorded on tablet Tn 316 as ceremonial “heirlooms”» (Weilhartner 2013: 165). Однако, главный его тезис – то, что чаши таких форм были в употреблении в период написания табличек, не противоречит идее использования «наследуемых реликвий» в ритуальных целях, а пример с золотой чашей из Кувараса в Акарнании в этой связи является скорее аргументом за, а не против (см. прим. 13).

⁷⁸ Chadwick 1964:23; Lejeune 1964: 92; Palmer 1955: 10, Palaima 1999: 454.

5-4 вв до н.э. встречается форма *φερνάν* (асс. sg.) в контексте жертвоприношения божествам (*IG IV²*, 1 40.6–7; *IG IV²*, 1 41.7–8): *.5 αἱ καλαΐδα τᾷ Λατοῖ καὶ τὰρτάμιτι ἄλλαν, φερνὰν τοῖ θιοῖ κριθᾶν μέδιμνον, σφυρὸν ἡμίδιμνον, οἴνου ἡμίτειαν καὶ τὸ σκέλος τοῦ βοῦς τοῦ πρᾶτου, τὸ δ' ἄτερον σκέλος τοῖ ἱερομνάμονες φερόσθῃ*... В тексте говорится «пусть принесут (φερόσθῃ) дар (φερνὰν) Лете и Артемиде» и перечислены предметы: ячмень, пшеница, вино, бедра быка. Интерпретировать *po-re-na* как “носильщики” (Palaima 1999: 454; García Ramón 2016: 231) также представляется затруднительным, имея в виду другой тип формообразования гом. *φορεύς* (ср. *Il.* 18, 566: *τῇ νίσοντο φορῆες ὅτε τρυγῶεν ἄλωήν* – «той (тропой) носильщики ходили, когда собирали урожай винограда») или композиты на -*φορός* (ср. *κανηφόρος* и *ἄρρηφόρος*). Хотя формы с суф. -*en-* могут быть отглагольными, как, например, *λειχὴν* ‘лишай’ от *λείχω* (то есть букв. ‘то, что облизывает’); *πευθὴν* ‘разведчик’ от *πεύθομαι* или *πευθῶ* (‘тот, кто разведывает, узнает’)⁷⁹. Дополнительным аргументом в пользу интерпретации *po-re-na* как именной формы является форма *po-re-si* /*phorensi*/ (dat. pl.), встречающаяся в тексте фиванской таблички TH Of 26, которая содержит записи о поставках шерсти⁸⁰. Таким образом, *po-re-na* понимается или как “предназначенные в жертву божеству”, или как “несущие священные реликвии”, не исключена так же интерпретация как “человеческие жертвы”⁸¹.

Другую интерпретацию формы *po-re-na* предлагает Грегори Надь (Nagy 2015) видеть в ней инфинитив *phorēnai* (φορῆναι)⁸² ‘чтобы принести’. Он полагает, что инфинитив *φορῆναι* является формой «древней, глубоко

⁷⁹ Chantraine 1968: 167.

⁸⁰ Palaima 1999:455.

⁸¹ *Companion*: 330.

⁸² Шантрен видит в этой форме инфинитив: «L'infinitif *porena*, qui semble attesté à Pylos, répond exactement à l'homérique *φορῆναι*» (Chantraine 1958: 497).

укоренившейся в системе эпического языка, а не новым искусственным порождением *Dichtersprache*». Он утверждает, что тип инф. на -ῆναι (в отличие от -ήμεναι, который часто появляется в качестве эол. инф. глаголов на -εω: καλήμεναι (*Il.* 10, 125), πενθήμεναι (*Od.* 18, 174), ποθήμεναι (*Od.* 9, 110), φιλήμεναι (*Il.* 22, 265) регулярно возникает в позиции конца стиха, или в исходе колона, непосредственно предшествующих трохеической цезуре» (Nagy 1972: 64). Что касается диалектных особенностей, то форм ῆναι принадлежит аркадо-кипрскому диалектному слою гомеровского языка. Можно сравнить аркад. ἀπειθῆναι и кипр. *ku-me-re-na-i* = кумерῆναι (Nagy 1972: 63, с ссылкой на Thumb, Scherer 1959: 133, 169). Близость аркадо-кипрских диалектных черт к микенскому языку⁸³ также дает основание Надю сближать форм ῆναι и мик. ро-ге-на. Интерпретация Надя интересна, и подкрепляется тем, что инфинитив форм ῆναι⁸⁴ четырежды встречается в поэмах Гомера: αὐτὰρ ὃ αὖτε Θυέστ' Ἀγαμέμνονι λείπε форм ῆναι — “затем Фиест передал (букв. “оставил носить”) его (скипетр) Агаменмнону” (*Il.* 2, 107); δῶκε δ' Ἐρευθαλίῳνι φίλῳ θεράποντι форм ῆναι — передал (доспехи) дорогому слуге Эревталиону (*Il.* 7, 149); о шлеме Мериона с кабаньими клыками⁸⁵ δῶκεν ᾧ παιδὶ форм ῆναι (*Il.* 10, 270); пример из «Одиссеи» несколько иной, речь идет о страннике, который может быть скотником и носить корм козлятам: σηκοκόρον τ' ἔμεναι θαλλόν τ' ἐρίφοισι форм ῆναι (*Od.*

⁸³ Тронский 1973: 99-101; Bartoněk 2002: 452ff., Thompson 2024: 251-252.

⁸⁴ кроме гомеровских контекстов больше нигде не встречается. Инф. форм ῆναι Шантрэн считает поздним (Chantraine 1958 : 306).

⁸⁵ Шлем Мериона часто приводится в качестве доказательства памяти о микенском прошлом в гомеровском эпосе, так как такого рода шлемы были распространены в бронзовом веке, но вышли из употребления к X в. до н.э. Наиболее известный шлем был найден в камерной гробнице 518 на обширном кладбище к юго-западу от Микенского Акрополя (Wace 1949: 60, 112). Тем не менее Хэйнсворт отмечает, что сам текст (*Il.* 10. 261-262) не архаичен, в нем присутствуют форма на -φι ед.ч. κεφαλῆφι (в мик. только мн. ч.), gen. sg. ῥίνοϋ, πολέσι с v-mobili (Hainsworth 1993:180).

17. 224). Следует отметить, что все примеры из «Илиады» говорят об истории передачи особо ценных предметах, которые владельцы будут носить (скипетр, шлем, доспехи).

Таким образом, Надя предлагает видеть в микенском тексте *ro-re-na-qe a-ke*: «ведет, чтобы принести». Наиболее красноречивой параллелью с гомеровским текстом является место из «Илиады» II. 23. 509–513: δῶκε δ' ἄγειν ἐτάροισιν ὑπερθύμοισι γυναῖκα // καὶ τρίποδ' ὠτόεντα φέρειν — “(Сфенел) велел соратникам храбрым привести женщину-рабыню и принести ушатый треножник”. Здесь обращает на себя внимание конструкция δῶκε + инф., но в отличие от реконструкции Надя при глаголах ἄγειν и φέρειν стоят прямые дополнения, и этот пример лучше соотносится с микенским, если видеть в форме *ro-re-na* существительное в асс. pl. Интерпретация Надя весьма интересна, но, кажется, не вполне соотносится с микенским синтаксисом и морфологией. В микенском есть редкие примеры с презентными инфинитивами тематических глаголов на -en⁸⁶: *e-ke-e /ekhe(h)en/* ср. ἔχειν, *a-na-ke-e /anage(h)en/* ср. ἀνάγειν, *te-re-ja-e /telejjā(h)en/* ср. τελέω. Таким образом окончание инф. на -ηναι не представлено никакими другими микенскими формами. Инфинитивные конструкции так же редки в силу характера документов. Сохранился один случай с accusativus cum infinitivo от глагола *pa-si /phāsi/* φησί (PY Ep 704.5), и несколько зависимых инфинитивов от *o-pe-ro /ophelōn/* part. sg. ср. ὀφείλω или ὀφελος (PY An 724-3; PY Eb 940)⁸⁷. Поэтому, принимая возражения в отношении реконструкции формы *φορην, все же, кажется, синтаксически прозрачнее и понятнее видеть в форме *ro-re-na-qe* аккузатив прямого дополнения при *a-ke*.

⁸⁶ Полный список форм см. Bartoněk 2002: 328.

⁸⁷ Подробнее см. Vilborg 1960: 137; Bartoněk 2002: 440.

Таким образом, для микенских текстов отглагольные производные от $\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\iota$ имеют значение “дар как налог” *dosmos* в пилосских текстах PY Es, *dosmos* и *dora* в культовых контекстах, где *dosmos* скорее “обязательный дар, подношение”, причем в религиозном контексте (PY Un 718) имеются в виду, подношения, в то время как *dora* “дары” встречающиеся только в контексте описания религиозных процессий, входит в формульное выражение таблички PY Tn 316 и подразумевают ценные предметы (в данном случае чаши), которые регулярно участвуют в празднике.

Списки даров.

Списки даров в «Одиссее» или перечни предметов выкупа в «Илиаде», повторяющиеся в одних и тех же стандартных выражениях и входящие в типические сцены, характерны для устной эпической традиции (Sammons 2010, 6-9). В них появляются предметы, которые имели особую ценность, неслучайно перечни даров гостю и предметы выкупа практически одинаковы, и обмен которыми подразумевался обычаем гостеприимства⁸⁸. С. Рис восстанавливает обычай гостеприимства в «Одиссее», включающий обмен дарами: «Подарки (ξεινήϊα, δῶρα, δωτήνῃ) преподносятся хозяином гостю, но никогда наоборот, как материальный символ их дружеских уз. В свою очередь, хозяин ожидает, что гость будет помнить его μεμνημένος (*Od.* 4, 592; 8, 431); μινῆσκειται (*Od.* 14, 45); μνήμα (*Od.* 15, 126) и когда-нибудь в будущем преподнесет не менее ценный ответный подарок ἀμοιβῆς (*Od.* 1, 318), ἀμειψάμενος (*Od.* 24, 285). Существует обычай θέμις (*Od.* 9, 267-68; 24, 285-86), согласно которому гостевыми подарками обмениваются друг с другом, а подарки, которые не вызывают ответных даров, считаются подаренными напрасно ἐτῶσια (*Od.* 24.283)» (Reese 1993: 35). Ценные вещи, имеющие биографию, передаваемые от бога или героя, дошедшие через несколько рук героев до получателя, как, например, шлем Мериона, также являются объектом ξεινίη: δῶκε ξεινήϊον εἶναι (*Il.* 10, 269). Такие вещи имеют пространное описание и их биографии сопоставимы с биографиями героев. О луке Ифита говорится, что Одиссей привез его с собой на Итаку как память (μνήμα) о своем госте: ἀλλ' αὐτοῦ μνήμα ξείνοιο φίλοιο // κέσκετ' ἐνὶ μεγάροισι, φόρει δέ μιν ἥς ἐπὶ γαίης (*Od.* 21, 40-41). Или, например, Менелай подносит прекрасный золотой кубок с другими дарами Телемаху, чтобы тот

⁸⁸ ξεινίη как механизм распределения ценных предметов по всему героическому миру исследует Финли (Finley 1988: 58-164), с возражениями и дополнениями (Hooker 1989).

вспоминал его, совершая возлияния: «δώσω καλὸν ἄλειςον, ἵνα σπένδῃσθα θεοῖσιν // ἀθανάτοισ ἐμέθεν μεμνημένος ἥματα πάντα» (*Od.* 4, 591-592). "Благородный обмен"⁸⁹ дарами предполагает набор вещей (κειμέλια и ἀγάλματα), которые прилично подарить гостю и получить в ответ. Эти предметы можно соотнести четырьмя основными категориями ценностей: драгоценные металлы и изделия из них, текстиль, домашний скот и рабыни⁹⁰. Так, например, Алкиной, царь мифических феаков, образец радушного хозяина, обращается к местным двенадцати правителям: ἀλλ' ἄγε οἱ δῶμεν ξεινήϊον, ὥς ἐπιεικές. <...> τῶν οἱ ἕκαστος φᾶρος εὐπλυνὲς ἡδὲ χιτῶνα // καὶ χρυσοῖο τάλαντον ἐνείκατε τιμήεντος — «давайте подарим ему гостевой дар (ξεινήϊον), как подобает <...> каждый из вас пусть принесет свежeweымытый плащ и хитон, и талант высокочтимого золота» (*Od.* 8, 389-393). О дарах феаков говорит Посейдон и Одиссей: ἀγλαὰ δῶρα // χαλκόν τε χρυσόν τε ἄλις ἐσθῆτά θ' ὕφαντήν — «блистательные дары: медь, золото и множество тканой одежды» (*Od.* 13, 135-136; 16, 231-232). Или, например, Агамемнон обещает дар первому после себя дать Тевкру: треножник или коней, или наложницу: ἢ τρίποδ' ἢ ἐ δύω ἵππους αὐτοῖσιν ὄχεσφιν // ἢ ἐ γυναῖχ' ἢ κέν τοι ὁμὸν λέχος εἰσαναβαίνοι (*Il.* 8, 290-1). Одни и те же ценные вещи фигурируют в выкупах (ῥῶνος) пленника или тела умершего (ἄποινα), они же выступают платой (ἄποινα) за обиду и являются призами (ἄεθλα) на играх.

Приведем список даров из 24-й песни «Одиссеи», который появляется в ложном рассказе Одиссея, которым герой «испытывает» отца и говорит, какие дары он-чужестранец подарил Одиссею на прощанье, имея в виду ответный дар:

χρυσοῦ μὲν οἱ δῶκ' εὐεργέος ἑπτὰ τάλαντα,
δῶκα δὲ οἱ κρητῆρα πανάργυρον ἀνθεμόεντα,

⁸⁹ Brown 1998: 165.

⁹⁰ Reese 1993:36.

δώδεκα δ' ἀπλοΐδας χλαίνας, τόσσους δὲ τάπητας,
τόσσα δὲ φάρεα καλά, τόσσους δ' ἐπὶ τοῖσι χιτῶνας,
χωρὶς δ' αὖτε γυναῖκας, ἀμύμονα ἔργα ἰδυίας,
τέσσαρας εἰδαλίμας, ἃς ἤθελεν αὐτὸς ἐλέσθαι

(*Od.* 24, 274-79)

«Я дал ему семь талантов искусно обработанного золота, дал и кратер серебряный с изображениями цветов, двенадцать простых шерстяных плащей, и столько же покрывал, столько же прекрасных плащей, и столько же под них хитонов. Кроме того, я дал ему четырех женщин-рабынь, искусных в ремеслах, прекрасных, которых он сам себе выбрал».

Этот перечень даров представляет собой “сухой” список, в нем нет отступлений (*elaboration* в терминах Эдвардса)⁹¹, каковыми являются, например, кони среди даров Агамемнона (*Il.* 9, 123-126) или чаша (δέπας) среди выкупа Приама (*Il.* 24, 234-235). В «Илиаде» список ценных вещей представляет выкуп тела Гектора (*Il.* 24, 229-234), в котором дословно⁹² совпадают наборы одежды с тем, который перечислен в числе даров Одиссея (*Od.* 24, 276-277); перечень даров Агамемнона Ахиллу дословно повторяется трижды:

ὕμῖν δ' ἐν πάντεσσι περικλυτὰ δῶρ' ὀνομήνω
ἔπτ' ἀπύρους τρίποδας, δέκα δὲ χρυσοῖο τάλαντα,
αἶθωνας δὲ λέβητας ἐείκοσι, δώδεκα δ' ἵππους
πηγούς ἀθλοφόρους, οἳ ἀέθλια ποσσὶν ἄροντο.

⁹¹ Эдвардс разбирает структуру гомеровских каталогов (на примерах каталогов ахейского и троянского войск), отступления обычно включают генеалогию героя или какую-то другую дополнительную информацию. «Beye uses the term "anecdote", Powell the term "augment"» (Edwards 1980: 92n25)

⁹² С единственным отличием в эпитете λευκά к φάρεα, хотя многие рукописи дают чтение καλὰ, см. *app. crit.* по West 2000.

οὐ κεν ἀλήϊος εἶη ἀνὴρ ᾧ τόσσα γένοιτο,
οὐδέ κεν ἀκτῆμων ἐριτίμοιο χρυσοῖο,
ὅσά μοι ἠνεΐκαντο ἀέθλια μώνυχες ἵπποι.
δώσω δ' ἐπτὰ γυναῖκας ἀμύμονα ἔργα ἰδυίας
Λεσβίδας, ἃς ὅτε Λέσβον εὐκτιμένην ἔλεν αὐτὸς
ἐξελόμην, αἱ κάλλει ἐνίκων φῦλα γυναικῶν.

(*Il.* 9, 122-31; 9, 265-72; 19, 243-48⁹³)

«Среди всех вас я перечислю знаменитые дары: семь не бывших в огне треножников, десять талантов золота, двадцать блестящих тазов, двенадцать могучих коней, победителей состязаний, принесших награды в бегах. Никогда человек не был бы беден и не нуждался в высокочтимом золоте, у которого было бы столько наград, сколько принесли мне эти быстроногие кони. Дам еще я семь женщин, искусных работниц, лесбосянок, выдающихся красотой среди женщин, который сам я избрал, когда он (Ахилл) взял Лесбос».

Повторы стихов в разных списках даров позволяют думать о стереотипном характере списков. Среди даров Агаменнона и выкупа Приама повторяется стих χρυσοῦ δὲ στήσας ἔφερεν δέκα πάντα τάλαντα (*Il.* 19, 247; *Il.* 24, 232), хотя Ричардсон читается стих из 24-й песни «Илиады» интерполяцией (Richardson 1996: 297). Повторяются наборы одежды в перечнях даров Одиссея и даров Агамемнона (*Od.* 24, 276-277 и *Il.* 24, 229-234). В дарах Одиссея и жреца Аполлона Марона повторяется описание золота: χρυσοῦ μὲν μοι ἔδωκ' εὐεργέος ἐπτὰ τάλαντα (*Od.* 24, 274-75; *Od.* 9, 202).

⁹³ Дары перечислены практически в том же порядке, только о золоте говорится иначе: χρυσοῦ δὲ στήσας Ὀδυσσεὺς δέκα πάντα τάλαντα (*Il.* 19, 247), также отсутствуют отступление о конях.

Еще одним примером списков даров может быть перечень даров женихов Пенелопы:

Ἀντινόῳ μὲν ἔνεικε μέγαν περικαλλέα πέπλον,
ποικίλον· ἐν δ' ἄρ' ἔσαν περόναι δυοκαίδεκα πᾶσαι
χρύσειαί, κληῖσιν ἐϋγνάμπτοις ἀραρυῖαι.
ὄρμον δ' Εὐρυμάχῳ πολυδαίδαλον αὐτίκ' ἔνεικε.
χρύσεον, ἠλέκτροισιν ἐερμένον ἠέλιον ὥς.
ἔρματα δ' Εὐρυδάμαντι δύο θεράποντες ἔνεικαν,
τρίγληνα μορόεντα· χάρις δ' ἀπελάμπετο πολλή.
ἐκ δ' ἄρα Πεισάνδροιο Πολυκτορίδαο ἄνακτος
ἴσθμιον ἦνεικεν θεράπων, περικαλλὲς ἄγαλμα.
ἄλλο δ' ἄρ' ἄλλος δῶρον Ἀχαιῶν καλὸν ἔνεικεν.

(*Od.* 18, 292-302)

«Антиною (слуга) принес большой, прекрасный и пестрый пеплос, на нем были двенадцать золотых застёжек с изящно изогнутыми крючками. Эвримаху слуга приенес ожерелье искусной работы, в нем золото, переплетенное с янтарем, сияло как солнце. Пару сережек в форме трех тутовых ягод Эвридаманту принесли слуги, прелестно сияющих. От владыки Писандра Поликторида принес слуга повязку на шею⁹⁴, драгоценность прекрасную. И другие прекрасные дары приносили Ахейцы».

Как отмечает комментатор «Одиссеи», эти дары (δῶρα) предназначены специально для того, чтобы завоевать расположение Пенелопы и не являются частью ἔδνα (брачные дары) (Russo 1992: 67). Археологически засвидетельствованные микенские украшения, такие как

⁹⁴ ἴσθμιον кипрская лексема, Ройх относит к ахейскому слою (Ruijgh 1957: 147). Ср. ἸΣΘΜΙΟΝ. Πάμφιλος ἐν τοῖς περὶ Ὀνομάτων Κυπρίου τὸ ποτήριον οὕτως καλεῖν (Ath. XI, 472e).

серьги, ожерелья и булавки, как из слоновой кости, так и из металла (золота, серебра, бронзы), действительно находят гомеровские параллели, например, янтарные ожерелья (обычно относящиеся ко позднелладскому II периоду) известны в микенских гробницах и у Гомера (Wace, Stubbings 1962: 503), однако лексических соответствий с наименованиями из текстов линейного письма мы не находим. Обозначение янтаря, например, не встречается в микенских текстах, а этимология лексемы ἤλεκτρον не ясна (Russo 1992: 68).

Меньшие списки даров гостю упоминаются в «Одиссее», например, подарки от жреца Аполлона Марона: семь талантов золота, серебряный кратер и 12 амфор с великолепным вином: χρυσοῦ μὲν μοι ἔδωκ' ἐυεργέος ἑπτὰ τάλαντα, // δῶκε δέ μοι κρητῆρα πανάργυρον, αὐτὰρ ἔπειτα // οἶνον ἐν ἀμφιφορεῦσι δώδεκα πᾶσιν ἀφύσσας // ἥδ' ἄκηράσιον, θεῖον ποτόν (*Od.* 9, 202-205), а также список даров Менелая и Елене в четвертой песни (*Od.* 4, 128-132), в котором упоминаются две серебряные ванны (δύ' ἀργυρέας ἀσαμίνθους), два треножника (δοιοῦς δὲ τρίποδας), десять талантов золота (δέκα δὲ χρυσοῖο τάλαντα) для Менелая, и золотая прялка (χρυσέην τ' ἡλακάτην) и серебряный ларец (τάλαρόν θ' ὑπόκυκλον ὅπασσεν ἀργύρεον) для Елены.

Структура списков такова: называется предмет, его количество, и может быть отступление, раскрывающее ценность предмета. Вводятся списки или специальным указанием, что сейчас будут перечислены дары (περικλυτὰ δῶρα ὀνομήνω; καταλέξω ὅσσα δῶρα), или появляются после упоминания о дарах в речи героя (πóρεν) ἀγλαὰ δῶρα⁹⁵. Управляющий глагол (δῶκα, δῶκε, δώσω, ἔξελε) вводит ряд однородных дополнений, которые присоединяется с помощью частицы δέ, причем первый пункт списка не обязательно имеет частицу μὲν: ἑπτ' ἀπύρους τρίποδας, δέκα δὲ

⁹⁵ Формула конца стиха: 8× II., 6× *Od.*, 1× *Hes.*, 1× *h.Merc* (Coray 2018: 49).

χρυσοῖο // αἶθωνας δὲ λέβητας ... (Il. 9, 123-4) и ὃς Μενελάῳ δῶκε δὴ ἄργυρέας ἄσαμίνθους, // δοιοὺς δὲ τρίποδας, δέκα δὲ χρυσοῖο τάλαντα... (Od. 4, 128-129). Такое употребление частицы обусловлено последовательным действием,⁹⁶ то есть, например, Приам сперва достал пеплосы, затем плащи, затем ковры: ἔνθεν δώδεκα μὲν περικαλλέας ἔξελε πέπλους, // δώδεκα δ' ἀπλοῖδας χλαίνας, τόσσους δὲ τάπητας ... (Il. 24, 276-77). Интересно, что только в одном списке даров появляется частица τε: золотая прялка и корзинка для шерсти Елены составляют пару⁹⁷, синтаксически оформленную с помощью частицы τε: χρυσῆν τ' ἡλακάτην τάλαρὸν θ' ὑπόκυκλον ὅπασσεν // ἀργύρεον (Od. 4, 131-2).

Синтаксическую параллель можно провести с употреблением частицы δὲ в микенских документах, которая, как правило, употребляется как противительная частица, отделяющая клаузы⁹⁸. В пилосской серии РY Jn⁹⁹ форма *to-so-de* (частица *de* в сочетании с местоимением *to-so /tos(s)ode/* «столько») используется для рубрикации содержания таблички, вводя новый абзац, причем эта форма появляется со второго абзаца. Приведем пример таблички РY Jn 389:

- .1 *a-ka-si-jo-ne* , *ka-ke-we* , *ta-ra-si-ja* , *e-ko-te*
- .2 *pi-ra-me-ne AES M 3* *ma-u-ti-jo AES M 3* *e-do-mo-ne-u AES M 3*
- .3 *ka-ra-wi-ko AES M 1 N 2* *pi-we-ri-ja-ta AES M 1 N 2*
- .4 *sa-mu-ta-jo AES M 1 N 2* *wa-u-do-no AES M 1 N 2* // //

⁹⁶ «Ordinarily, however, it (δέ) indicates the continuation of a merely narrative (i. e. shows that the new fact is not simultaneous). It is especially used to introduce a parenthesis or subordinate statement (whereas τε introduces something parallel or coordinate)» (Monro 1891: 304).

⁹⁷ Эту роль, как правило, берут на себя соотносительные частицы τε - τε, ср. ἀνδρῶν τε θεῶν τε, δῆμός τε πόλις τε и др. (Monro 1891:301).

⁹⁸ Ruijgh 1967: 337-350.

⁹⁹ Таблички сери РY Jn посвящены распределению меди среди кузнецов.

- .5 *ka-ra-pa-so AES M 1 N 2 pi-ta-ke-u AES M 1 N 2*
 .6 *mo-re-u AES M 1 N 2 ti-ta-[•-]wo AES M 3*
 .7 *to-so-de , e-pi-da-to , ka-ko , pa-ši AES M 6*
 .8 *[[to-so-de , ka-ko AES M 27]]*
 .9 *to-so-de ka-ko AES M 27*
vac.
 .11 *to-so-de , a-ta-ra-si-jo , ka-ke-we ,*
 .12 *te-te-re-u 1 pa-pa-jo 1 pi-ro-we-ko 1 a₂-nu-me-no 1*
 .13 *ko-so-u-to 1*

Заголовок таблички *a-ka-si-jo-ne ka-ke-we ta-ra-si-ja e-ko-te /khalkēwes talansia ekhontes/* – «в месте а.¹⁰⁰ кузнецы имеют отвешанной бронзы (урок)», далее перечислены имена кузнецов и количество бронзы. Седьмая строка таблички указывает сколько было добавлено бронзы: *to-so-de e-pi-da-to ka-ko pa-ši /tos(s)osde epidatos¹⁰¹ khalkos pansi/* – «вот столько добавлено бронзы всем (кузнецам)»; далее подводится подсчет количества всей бронзы: *.9 to-so-de ka-ko /tos(s)osde khalkos/* -- «всего бронзы». 11-я строчка вводит новый перечень кузнецов, которые работают без урока: *to-so-de a-ta-ra-si-jo ka-ke-we /tos(s)oide atalansioi khalkēwes/*. То же употребление *to-so-de* перед перечнем кузнецов без урока (*a-ta-ra-si-jo*): в РY Jn 310.7 и 11; 320.13; 410.8; 415. 9; 431.9 и 22; 478.9; 601.11; 605.9; 658.12; 692.4; 706. 13 750.12; 845.10. В некоторых табличках после перечней кузнецов с уроком и без урока идет список рабов: *to-so-de do-e-ro /tos(s)oide doeloi/*. В пилосской серии РY Na, Ng, посвященных поставкам льна, форма *tosade /tos(s)ade/* имеет ту же функцию рубрикации каждого нового получателя, например, в РY Na 1357:

¹⁰⁰ Возможно, топоним Ἀκανσίων (ср. ἄκανθος) (DMicI: 33).

¹⁰¹ *e-pi-da-to /epidatos/* – отглагольное прилагательное; ср. *e-pi-de-da-to perf. pass.*

- .1 *to-]sa-de , e-ma-a₂ , e-re[SA¹⁰²*
- .2 *to-]sa-de , e-po-me-ne-we., [SA*
- .3 *to-]sa-de , ka-ke-we , e-re-u-te[SA*
- .4 *]to-sa-de , ko-re-te-re , e-re-u[SA*

В пилосской серии РY Е, регистрирующей земельные участки и налоги, взимаемые с них, присутствует выражение, подводнящее итог каждой записи, *to-so-de pe-mo*¹⁰³ /*tos(s)ode spermo*/ – «вот столько зерна» и далее идет число и идеограмма зерна. Жесткая структура записи микенских хозяйственных документов определяет последовательность пунктов перечня, и дополнительные синтаксические средства, казалось бы, могли быть избыточными (это подтверждается вариативностью записи с частицей и без нее в РY Еп, Ер). Тем не менее частица *δέ* в них присутствует и выполняет функцию отделения (*adversativum*), ту же, что и в списках даров у Гомера. Отдельно важно отметить сходство повторяющегося местоимения *τόσσοδε* в стихах: *δώδεκα δ' ἀπλοΐδας χλαίνας, τόσσους δὲ τάπητας*, // *τόσσα δὲ φάρεα καλά, τόσους δ' ἐπὶ τοῖσι χιτῶνας* и микенской «формулы» подведения итога *to-so-de*, хотя в гомеровском тексте *τόσσοδε* – «столько же» имеет значение, которого еще нет в микенском греческом.

Когда речь заходит о дарах или богатстве в общем, то вещи перечисляются с частицей *τε*: *ἀγλὰ δῶρα // χαλκόν τε χρυσόν τε ἄλις ἐσθῆτά θ' ὑφαντήν* – «блестящие дары: и медь, и золото, и множество тканой одежды» (*Od.* 13, 135-136; 16, 231-232); в сценах, в которых герой просит пощады, обещая богатый выкуп (*ἄξια ἄποινα*): *πολλὰ δ' ἐν ἀφνειοῦ πατρὸς κειμήλια κεῖται // χαλκός τε χρυσός τε πολύκμητός τε σίδηρος* – «много вещей

¹⁰² SA – идеограмма для льна.

¹⁰³ В серии табличек РY Ер эта формула без частицы: *to-so pe-mo*. Ройх объясняет отсутствие частицы экономией места на табличках, проводя параллель с *e-ke o-na-to e-ke-qe o-na-to* (Ruijgh 1967: 344-345).

лежит в доме моего богатого отца: медь, и золото, и трудное в обработке железо» (Ил. 6, 46-49; 10, 378-380; 11, 131-135); эти же стихи помещаются при описании богатств в кладовой дома Одиссея (Od. 21, 10). Подобный перечень богатства Менесфея у Гесиода в «Каталоге женщин», перечисляющий золото, тазы и треножники:

κειμήλια γ[ὰρ μάλα πολλὰ
ἔκτετο, χρυσόν τε λέβητάς τε τρίποδάς τε,
καλά, τὰ ῥ' ἔνδοθι κεῖθε δόμος Π[ε]τεῶ ἀνακτος

(Hes. fr. 200.4-6 Merkelbach, West)

Гомеровской частице τε соответствует микенская -qe /k^{ue}/¹⁰⁴, имеющей сочинительную функцию, например, в пилосской табличке описывается скамеечка для ног, с перечислением украшений из слоновой кости: *e-re-pa-te-jo a-to-ro-qo i-qo-qe po-ru-po-de-qe po-ni-ke-qe /elephanteiois anthrok^uōis ikk^uōisque polupodeik^ue phoinikeik^ue/* – dat. instr «слоновой кости (изображения) людей, лошадей, осьминога и пальмы» (PY Ta 722); в пилосской табличке PY Jn 829 (распределения бронзы) перечислены должностные лица: *jo-do-so-si ko-re-te-re du-ma-te-qe po-ro-ko-re-te-re-qe ka-ra-wi-po-ro-qe o-pi-su-ko-qe o-pi-ka-pe-e-we-qe / jōdōsonsi khōrētēres dumartesk^ue prokhōrētēresk^ue klāwiphoroik^ue opisūkoik^ue opiskaphe(h)ēwesk^ue/* – «вот каким образом передадут (бронзу) начальники округа, управляющие, заместители начальников округов, ключники-жрецы, смотрители за смоквами, надзиратели за корабельными трюмами».

Таким образом, в употреблении частиц в языке Гомера мы находим параллели с функциями микенских частиц -de и -qe, где де имеет адверсативную функцию, маркируя ввод каждого следующего пункт

¹⁰⁴ ср. скр. -са, лат. -que. В микенских текстах частица -qe присоединяет однородные синтаксические элементы разной величины от однородных дополнений до фразовых категорий и синтагм. См. Ruijgh 1971: 211-226.

перечня; а те – соединительную, присоединяющую ряд однородных элементов, порядок которых безразличен.

Наименования призов

Иерархию ценности предметов, приносимых в дар, можно проследить в перечнях призов на погребальных играх в честь Патрокла (*Ил.* 23, 259ff.). Перед началом состязаний Ахилл выставляет призы: νηῶν δ' ἔκφερ' ἄεθλα λέβητάς τε τρίποδάς τε // ἵππους θ' ἡμίονους τε βοῶν τ' ἴφθιμα κάρηνα, // ἡδὲ γυναῖκας ἐϋζώνους πολίον τε σίδηρον – «вынес из кораблей награды: тазы и треножники, коней, волов и крепкоголовых быков, а также женщин с прекрасными поясами, и седое железо» (*Ил.* 23, 259-261). Затем в стихах 264-270 призы распределяются по степени ценности: так первый приз в беге на колесницах – γυναῖκα ἀμύμονα ἔργα ἰδυῖαν 'умелая мастерица' и τρίποδ' ὀτώεντα δωκαεικοσίμετρον 'ушатый треножник двадцатидвухмерный'; второй приз – ἵππον ἀδμήτην βρέφος ἡμίονον κυέουσαν 'беременная кобылица'; третий приз – ἄπυρον λέβητα καλὸν τέσσαρα μέτρα κεχανδότα λευκὸν 'новый, не бывший в огне серебряный таз'; четвертый приз – δῶω χρυσοῖο τάλαντα 'два таланта золота'; пятый приз – ἀμφίθετον φιάλην ἀπύρωτον 'не бывшая в огне двуручная чаша'.

Отдельно упоминаются призы в других состязаниях по два в каждом (победителю и побежденному): в кулачном бою: ἡμίονον ταλαεργὸν 'мул, выносливый в трудах' и δέπας ἀμφικύπελλον 'двуручная чаша' (*Ил.* 23. 654-655); победителю в борьбе μέγαν τρίποδ' ἐμπυριβήτην, // τὸν δὲ δωδεκάβοιον ἐνὶ σφίσι τῖον Ἀχαιοί – «огромный пригодный для огня треножник, оцененный в двенадцать быков», побежденному поставил γυναῖκ' ἐς μέσσον ἔθηκε, // πολλὰ δ' ἐπίστατο ἔργα, τῖον δὲ ἐ τεσσαράβοιον – «женщину искусную во многих работах, оцененную в четыре быка» (*Ил.* 23. 702-705).

Три награды в беге: первому – ἀργύρεον κρητῆρα ‘серебряный кратер’, второму – βοῦν μέγαν καὶ πίονα δημῷ ‘жирного быка’, третьему – ἡμιτάλαντον δὲ χρυσοῦ ‘полталанта золота’ (II. 23. 740-751).

Приз за победу в поединке – φάσγανον ἀργυρόηλον ‘среброгвоздный кинжал’ и вдобавок обоим участникам доспехи Сарпедона (τεύχεα) (II. 23. 807-806); награды лучникам – δέκα μὲν πελέκεας, δέκα δ’ ἡμιπέλεκκα ‘десять секир’ и ‘десять полусекир, то есть с лезвием с одной стороны’ (II. 23. 851); метателям копья – λέβητ’ ἄλυρον ‘таз, не бывший в огне’ (II. 23. 885).

Многие из наименований ценных даров или призов можно сопоставить с микенским лексическим материалом, так как такого рода списки с точными количественными значениями и повторяющиеся в стандартных выражениях могут быть сопоставимы с текстами микенских документов. «Точность в перечислении — каждый раз с подробным указанием на качество и на количество в одних и тех же стандартных выражениях — представляет собой отличительную черту документального свидетельства» (Kazansky 2021). Так, например, для φάσγανον хорошо засвидетельствована в микенская форма nom. pl. *pa-ka-na* /*phasgana*/ ‘кинжалы или мечи’¹⁰⁵ в кносской серии KN Ra рядом с идеограммой PUG , напоминающей короткий меч или кинжал. «Кинжал среброгвоздный» φάσγανον ἀργυρόηλον соотносим с артефактом, который относится к домикенскому прошлому, так как подобные украшения серебряными гвоздями по датируется XVI или XV вв до н. э. Для τεύχεα есть микенская форма instr. pl. *te-u-ke-pi* /*theukhesphi*/ ‘с оснащением’ как определение к слову *a-ni-ja* /*hānia*/ (ср. ἡνία) ‘поводья’ в тексте таблички PY Ub 1315. И форма *a-te-u-ke* /*atheukhēs*/ ‘невооруженный’ (KN V(1) 150) относящаяся к

¹⁰⁵ *DMic II*: 70.

лучнику *to-ko-so-ta* /toksotās/ ср. τοξότης. Предметы одежды и утвари будут подробно рассмотрены в следующих главах.

Женщины-мастерицы ἀμύμονα ἔργα ἰδυίας¹⁰⁶ включены и в перечни выкупа Агамемнона, в список даров Одиссея, и в число призов на состязаниях. У Гесиода в «Каталоге женщин» упоминаются женщины мастерицы с золотыми чашами в руках в числе даров за Елену:

τοσσαύτας δὲ γυναῖκας ἀμύμονα ἔργ' εἰδυίας,
πάσας χρυσείας φιάλας ἐν χερσὶν ἐχούσας
(Hes. fr. 197, 2 Merkelbach, West)

В микенских текстах содержатся перечни женщин-работниц. В пиловских текстах они обычно перечисляются вместе с детьми, причем указывается, откуда они родом, их умения. Вероятно, таблички упоминают о женщинах-рабынях, вывезенных в результате пиратских рейдов из различных малоазийских городов и соседствующих с побережьем островов. Среди них появляются ‘милетянки’ *mi-ra-ti-ja*, *mi-ra-ti-ja-o* gen. pl. /*militiai*/, /*militiāōn*/ (PY Aa 798, Ad 380); ‘женщины из Книда (в Карию)’ *ki-nidi-ja*, *ki-ni-di-ja-o* gen. pl. /*knnidiai*/, *knidiāōn*/ (PY Aa 792, Ab 189, Ad 683, An 292); ‘лемносянки’ *ra-mi-ni-ja* /*lamniai*/ (PY Ab 186); ‘женщины из г. Зефирии (Гиликарнас)’ *ze-pu₂-ra*, *ze-pu₂-ra-o* gen. pl. /*zephuriai*/, /*zephurāōn*/ (PY Aa 61, Ad 664). Их умения и обязанности также обозначены в табличках, например, *a-pu-ko-wo-ko* /*amphuko-worgoi*/ ‘изготавливающие ἄμψυξ’, *re-wo-to-ro-ko-wo* /*lewotro-khowoi*/ ‘банщицы’ (ср. λοῦτρον, гомер.

¹⁰⁶ Эпитет ἰδυίαι ‘знающие работы (ἔργα)’ имеет параллели в микенском мужском имени /*widwos-ios/-iōn*, (ср. PY Ae 344) *pi-ro-wo-na*, *wi-do-wo-i-jo*, i-*65 VIR 1 /*Philowonas* (ср. Φιλώνας) *Widwohjo hius* (ср. υἱός) / ‘Филон, сын (i-*65) Видвоя’ (Казанский 2021).

λόετρον), *ra-pi-ti-ra*₂ /*raptriai*/ ‘швей’, *pa-wo-ke* /*pan-worges*/ ‘разнорабочие’ (букв. ‘на все руки’), *pe-ki-ti-ra*₂ ‘стряпухи’, *ri-ne-ja* /*lineiai*/ ‘обработчицы льна’ и *o-pi-ro-qo* /*opi-loipoi*/ ‘остальные’¹⁰⁷.

Возможно, об их статусе говорит несколько раз употребляющийся термин *ra-wi-ja-ja*, *ra-wi-ja-ja-o* gen. pl. /*lawijajai*/ ‘пленные’¹⁰⁸ от греч. ληΐα, дор. λαΐα из **lāwja* ‘добыча’ (PY Aa 807, Ab 586, Ad 686). И тогда можно провести параллель из «Илиады» (II. 20, 191-194), места, в котором Ахилл повествует о своем походе на Лирнесс¹⁰⁹: ληΐάδας δὲ γυναῖκας ἐλεύθερον ἦμαρ ἀπούρας // ἦγον – «пленных женщин привел, лишив свободы». Редкое поэтическое слово ληΐάς < **lawiad-*, образованное от того же корня что и ληΐα ‘добыча’ и служащий специальным обозначением взятой в плен женщины, представляет точный синоним и словообразовательный вариант к микенской форме. «Включенный в описание опустошительного ахейского набега на анатолийский город, он (термин ληΐάδας) по-видимому, может рассматриваться в качестве весьма архаичного элемента гомеровской лексики, восходящего к словарю ахейских героических песен микенской эпохи» (Гиндин, Цымбурский 1996: 52).

В следующих главах будут рассмотрены такие лексемы для обозначений ткани и одежды: φᾶρος, χιτῶν, τάπης, χλαῖνα и πέπλος; наименования утвари: ἡλακάτη, τάλαρος, τρίπους, λέβης ἀσάμινθος, κρατήρ, φιάλη, ἀμφιφορεύς и δέπας, так как они входят в списки даров у Гомера и могут быть сопоставимы с микенскими текстами, потому что таблички с регистрацией типов тканей и с перечнями предметов утвари представлены среди корпуса микенских текстов. При этом необходимо учитывать

¹⁰⁷ Казанский 2021.

¹⁰⁸ Не всеми принятая интерпретация, вероятнее, это обозначение места от топонима **lāwiā* ср. Λήϊον (DMic II: 233)

¹⁰⁹ ср. имя мик. *ru-na-so* (KN Dv 1439), которое может быть прочитано как /*lurnassos*/ и сопоставимо с названием троянского города).

ограниченный характер микенского лексикона, обусловленный случайным сохранением временных глиняных табличек. Писцы вели на глине только текущую документацию, не заботясь о длительной сохранности табличек. Эти записи хранились не более одного года, причем наиболее важные данные впоследствии должны были писаться на других материалах, а сами таблички могли использоваться повторно. Поэтому таблички оставались необожженными (например, документы Фиванского дворца – около 1320 г. до н.э.), а некоторые подверглись случайному обжигу в огне пожаров, разрушивших помещения дворцовых архивов Кносского дворца (около 1400 г. до н.э.) и Пилосского дворца (около 1200 г. до н.э.).

Глава вторая. Одежда и ткани.

Одежда и ткани появляются в списках даров наряду с ценной утварью из драгоценных металлов. Дары в общем — это ткани и золото ἐσθῆτα χρυσόν те упоминаются в 8-й песни «Одиссеи», в которой феаки, образцовые гостеприимцы, одаривают Одиссея: ἐξέφερεν θαλάμοιο, τίθει δ' ἐνὶ κάλλιμα δῶρα, // ἐσθῆτα χρυσόν τε, τά οἱ Φαίηκες ἔδωκαν — «вынесла из внутренних комнат (сундук χηλὸν), положила в него прекрасные дары: ткани и золото, которые феаки отдали» (*Od.* 8, 440-441). Ткани наличествовали в доме радушного хозяина, который, приглашая гостя на ночлег, постилал ему мягкую постель; постель и чистая смена белья входили в типическую сцену гостеприимства. В речи Нестора, зовущего Телемаха и Афины-Ментора отправиться к нему во дворец ночевать, они фигурируют как аргумент заночевать у него (*Od.* 3, 348 - 350): ὥς τέ τευ ἢ παρὰ πάμπαν ἀνείμονος ἢ πενιχροῦ, // ᾧ οὐ τι χλαῖναι καὶ ῥήγεα πόλλ' ἐνὶ οἴκῳ, // οὐτ' αὐτῷ μαλακῶς οὔτε ξείνοισιν ἐνεύδειν. // αὐτὰρ ἐμοὶ πάρα μὲν χλαῖναι καὶ ῥήγεα καλὰ — «как будто у какого-то нищего оборванца, у которого в доме ни шерстяных плащей, ни покрывал нет, и у которого мягко гостям поспать невозможно. Все-таки есть у меня и шерстяные плащи и прекрасные покрывала!» Ложу из мягких тканей велит постелить Ахилл в *Il.* 24. 644-646¹¹⁰: δέμνι' ὑπ' αἰθούσῃ θέμεναι καὶ ῥήγεα καλὰ // πορφύρε' ἐμβαλέειν, сторέσαι τ' ἐφ' ὑπερθε τάπητας, // χλαῖνας τ' ἐνθέμεναι οὔλας καθ' ὑπερθεν ἔσασθαι — «(Ахилл приказал) две постели устроить, бросить прекрасные пурпурные покрывала, снизу застелить их коврами, сверху положить шерстяные плащи».

Верхняя одежда плащ φᾶρος или χλαῖνα и нижняя хитон χιτὼν появляются в типической сцене гостеприимства, которая включает в себя

¹¹⁰ Повтор стихов в *Od.* 4, 297-299; 7, 336-338.

принятие ванны, которое предполагает нагрев воды на треножнике, омовение: служанка поливает водой из этого треножника гостя, который сидит в ванне ἀσάμινθος (*Od.* 8. 426, 433-37; 10, 358-63); затем слуга моет гостя и умащивает его оливковым маслом λοῦσέν τε καὶ ἔχρισεν λίπ' ἐλαίῳ (*Od.* 3, 466; 4, 49, 252; 8, 454; 10, 364, 450; 17, 88; 23, 154; 24, 366). Наконец, выдает свежую смену одежды: φᾶρος καλὸν βάλεν ἠδὲ χιτῶνα или χλαίνας οὔλας (χλαίναν καλήν) βάλον ἠδὲ χιτῶνας (*Od.* 3, 467; 4, 50; 6, 214; 8, 455; 10, 365, 451; 17, 89; 23, 55; 24, 367).

В качестве дара выступали наборы свежей одежды. Так, Алкиной призывает принести дар (ξεινήϊον) от каждого феакийского царя набор одежды и талант золота: τῶν οἱ ἕκαστος φᾶρος ἐϋπλυνὲς ἠδὲ χιτῶνα // καὶ χρυσοῖο τάλαντον ἐνείκατε τιμήεντος (*Od.* 8. 392). Затем в *Od.* 8, 425 Алкиной распоряжается, чтобы служанки принесли искусной работы сундук χηλός и сложили в него для Одиссея хорошо выстиранный плащ и хитон φᾶρος ἐϋπλυνὲς ἠδὲ χιτῶνα, они же упоминаются в *Od.* 13, 67. Интересную интерпретацию подарков предлагает С. Рис: «Своеобразный характер подарков феаков гостям, собранных со всей знати (*Od.* 8.387-95), беспрецедентный в сравнении с другими сценами гостеприимства, хорошо подходит для истории, в которой эти знатные люди были бы соперничающими женихами. Дары тесно связаны с состязаниями, и можно сказать, что Одиссей заслужил их победой в метании диска. Это отражает лежащую в ее основе сказку, в которой подарки были выкупом за невесту от женихов, соревнующихся за руку царской дочери. Это согласуется с народной сказкой о том, что все это сокровище положено к ногам царицы (*Od.* 8, 417-20), матери невесты, которая проявляет крайнюю заботу о его сохранности, поскольку это выкуп за ее дочь. Она бережно укладывает его в сундук и просит удачливого жениха завязать его специальным узлом (*Od.* 8, 438-48). Позже сокровище помещают на корабль, который стоит на якоре

в гавани, готовый отвезти молодоженов в дом жениха (*Od.* 13, 66-76)» (Reese 1993: 116).

Рассмотрим одежды и ткани, упоминаемые в выкупе Гектора (*Il.* 24. 229-234) и в вымышленном перечне даров Одиссея (*Od.* 24. 274-79): двенадцать прекрасных пеплосов δώδεκα περικαλλέας πέπλους, двенадцать простых шерстяных плащей δώδεκα δ' ἀπλοῖδας χλαίνας, столько же ковров τόσσους δὲ τάπητας, столько же белых плащей τόσσα δὲ φάρεα λευκά, и столько же хитонов под них τόσους δ' ἐπὶ τοῖσι χιτῶνας.

2.1. φᾶρος

В первом тысячелетии слово фᾶρος было только эпическим и поэтическим (*DELG*: 1179). Бекес предполагает, что оно может принадлежать догреческому субстрату (Beekes 2010: 1555). Не индоевропейское происхождения термина, обозначающего ткань, вытканную на широком ткацком станке, подтверждается наблюдениями Элизабет Барбер¹¹¹, которая реконструирует для и.-е. технологию сшивания узких лент (микенские греки и хетты имели технологию пряжи длинных узких лент и сшивания их в одежды), но не ткачество на широких ткацких станках (Barber 2015 : 207). В микенском греческом, как и в других индоевропейских языках, проводится различие между ткачеством на ткацком станке ὑφαίνειν и плетением πλέκειν. Для последнего в микенских текстах встречаются однокоренные формы *pe-re-ke-u* /*plekeus*/ ном. sg. и *pe-re-ke-we* /*plekewes*/ ном. pl. Примечательно, что это профессиональное

¹¹¹ «And I had already shown in Prehistoric Textiles that the Greek textile vocabulary was layered: the terms needed for band-weaving and plaiting were Indo-European, whereas the terms for weaving on a large loom were later borrowings – some of them (recognizable by their word-shapes) clearly from the Minoans» (Barber 2015: 207).

обозначение, связанное в первую очередь с шерстяными ткани, встречается как в Микенах (MY Oe 130), в Пилосе (запись о животных PY Sn 1287 и в перечне мужчин PY Ae 574), а также в Фивах (TH Oh 208).

В «Одиссее» словом φᾶρος обозначен погребальный плащ¹¹² Лаэрта, который ткёт и распускает Пенелопа¹¹³: φᾶρος // ἐκτελέσω... Λαέρτη ἥρωι ταφῆιον (*Od.* 2, 97; 19,138 и 143, 24, 147), с определением ταφῆιον ‘погребальный’ (*Od.* 2, 99; 19, 144; 24, 134), упоминается в качестве синонима σπεῖρον (*Od.* 2, 102; 19, 147; 24, 137) и ἰστὸν (*Od.* 2, 104; 19, 149; 24, 139). Слово σπεῖρον у Гомера встречается только в «Одиссее» и употребляется в других значениях: плащ, под которым скрывается переодетый Одиссей в Трое (*Od.* 4. 245); ‘парус’ и рею выбрасывает в море ужасная буря (*Od.* 5, 318) и при перечислении мореходных снастей в храме Посейдона у феаков (*Od.* 6, 269); кусок старой ткани ῥάκος¹¹⁴ Одиссей просит Навсикаю дать ему, чтобы прикрыться, в которую она завернула белье σπεῖρων: δὲς δὲ ῥάκος ἀμφιβάλεσθαι, / εἴ τί που εἴλυμα σπεῖρων ἔχες ἐνθάδ’ ἰούσα (*Od.* 6, 179). Согласно Шантрёну σπεῖρα и σπεῖρον: «очевидно, родственны и происходят от корня, означающего ‘складывать’, ‘окружать’, ‘оборачивать’, что-то вроде наволочки, который встречается в σπάρτον, σπάργανον» (*DELG*: 1035). Слово εἴλυμα в этом пассаже также интересно, так как оно имеет прямое соответствие в микенских текстах и обозначает ‘накидки’ в табличке, перечисляющей предметы одежды, на которые требуются кожи: *we-ru-ma-ta* в PY Ub 1318: /*welumata*/ nom. pl., букв. ‘то, во что заворачивают’ от и.-е. **uel-u-*.

¹¹² ср. термин плащаница.

¹¹³ Ткачество погребального полотна Лаэрта рассматривается как метафора создания поэтического текста: West 2007: 36-38.

¹¹⁴ У Гомера только в «Одиссее» в значении ‘лохмотья’ или ‘рубище’, старая ткань противопоставлена χλαῖνα или φᾶρος: *Od.* 6, 178; 13, 434; 14, 342, 349.

В качестве синонима слову φᾶρος появляется ἴστος ‘ткацкий станок’, когда иллюстрируется процесс ткачества и конечный результат ткани¹¹⁵. Так, например, в «Одиссее» (*Od.* 2, 94-95): στησαμένη μέγαν ἴστον ἐνὶ μεγάροισιν ὕφαινε, // λεπτόν καὶ περίμετρον — «поставив большой ткацкий станок в комнате, ткала она тонкую и широкую (ткань)» слово ἴστον в 94 стихе подразумевает ‘ткацкий станок’, в то время как в стихе 95 ἴστον понимается как объект ὕφαινε и должно обозначать ‘ткань’¹¹⁶. В «Илиаде» ἴστον как ‘ткань’ которую ткёт Елена, изображая на ней «подвиги конных троян и медянодоспешных данаев»¹¹⁷ — ἧ δὲ μέγαν ἴστον ὕφαινε / δίπλακα πορφυρέην, πολέας δ’ ἐνέπασσεν ἀέθλους / Τρώων θ’ ἱπποδάμων καὶ Ἀχαιῶν χαλκοχιτώνων (*Il.* 3. 125-127). Обозначение ткацкого станка ἴστός восходит к и.-е. корню *stH₂-. К этому корню относятся микенские специальные обозначения ткачих: *i-te-ja-o /histejahon/* gen. pl. ‘ткачих’ (PY Ad 684) и *i-te-we /histewei/* dat. sg. ‘ткачу’ или */histewes/* nom. pl. ‘ткачи’ (PY Un 1322)¹¹⁸.

Помимо упомянутых контекстов для значения φᾶρος ‘погребальная ткань’, ‘плащ’ добавим упоминания в «Илиаде»: погребальный плащ Патрокла (*Il.* 18, 355); ткани, которые ткут нимфы в пещере: φάρε’ ὑφαίνουσιν ἀλιπόρφυρα (*Od.* 13. 108); как и упоминаемое выше для слова σπεῖρον, так и для φᾶρος есть контекст в значении ‘парусины’ (*Od.* 5. 257): τόφρα δὲ φάρε’ ἔνεικε Καλυψώ, δῖα θεάων, / ἱστία ποιήσασθαι.

¹¹⁵ «[...] a loom is essentially more a method or a process than a thing. A so-called ‘primitive loom’ may consist of nothing but a few sticks and bits of string in addition to the cloth or imminent cloth being woven [...] The loom materializes temporarily in the process of weaving and is not necessarily separable in thought from either process or product, as is evident in the introduction of Penelope’s ruse» (Edmunds 2012: §11).

¹¹⁶ В переводе В. В. Вересаева мы находим оба значения: “Ткань начала она ткать, станок у себя поместивши, — Тонкую, очень большую...”

¹¹⁷ Пер. Н. И. Гнедича

¹¹⁸ О ткачестве в микенском обществе (Shelmerdine 2008: 140f.).

В списках даров названы белые ткани *φάρεα λευκά*. Другие определения, встречающиеся в текстах, кроме уже упомянутого *ταφῆϊον* ‘погребальный’, уточняющего функцию ткани, и «периферийных эпитетов»¹¹⁹ *μέγα* и *καλόν*, все прилагательные относятся к цвету и яркости ткани: *λευκός* ‘белый’ (*Il.* 18, 353; 24, 231, 580, 588), *άλιπόρφυρος* ‘пурпурный как море’ (*Od.* 13, 108). Из рассказа женихов в загробном мире мы узнаем, какой получилась ткань, которую ткала Пенелопа (*Od.* 24.148): *Εὖθ' ἡ φᾶρος ἔδειξεν, ὑφήνασα μέγαν ἰστόν, // πλύνασ', ἠελίῳ ἐναλίγκιον ἠὲ σελήνῃ* — «она показала нам ткань, вытканную на большом ткацком станке и выстиранную, сиянием подобную солнцу или луне». Погребальная ткань Патрокла и, возможно, Гектора, белая, потому что именно с этим определением *φάρεα λευκά* она упоминается в списке вещей для выкупа тела (*Il.* 24, 231), из которых пару оставляют служанки Ахилла покрыть тело Патрокла. Вероятно, сравнение с блеском солнца и луны подразумевает, что *φᾶρος* Лаërта мог быть также ослепительно белым. Определение *εὐπλῆρης* ‘хорошо выстиранный’ также встречается в описании плаща Менелая, который он надевает поверх хитона (*Od.* 15, 61), а также Афина меняет внешность Одиссея и одевает его в ‘хорошо выстиранный’ плащ: *φᾶρος μὲν οἱ πρῶτον εὐπλυνὲς ἠδὲ χιτῶνα / θῆκ' ἀμφὶ στήθεσσι* (*Od.* 16, 174).

При перечислении вещей, которые идут стирать Навсикая и другие девушки в также появляется *φᾶρος*: *φᾶρός τε χιτῶνά τε εἴματ'* — «плащ, хитон, одежда» (*Od.* 6, 214; повтор *Od.* 7, 234). В «Илиаде» мы находим более подробное описание одеяния Агамемнона (*Il.* 2, 43-44). Сперва он надевает мягкий хитон прекрасный *μαλακὸν χιτῶνα καλὸν νηγάτεον*, с определением *νηγάτεον* ‘недавно сделанный’¹²⁰, затем большой плащ *περὶ δὲ*

¹¹⁹ То есть такие, которые максимально нейтральны по отношению к контексту и метрически удобные. (Bakker 1991: 63-64).

¹²⁰ Значение эпитета неизвестно (*LfgreE*), этимология неизвестна (Beekes 2010: 1015).

μέγα βάλλετο φᾶρος, подвязывает прекрасные сандалии καλὰ πέδιλα. Еще раз плащ Агамемнона появляется в 8-й песни «Илиады», здесь мы встречаем новое определение цвета порφύρεον: Агамемнон придерживает сильной рукой большой плащ, шагая к кораблям созывать ахейцев на сражение: порφύρεον μέγα φᾶρος ἔχων ἐν χειρὶ παχείῃ (Il. 8, 222).

В описании одежды нимф Калипсо и Кирки также упоминается слово φᾶρος. В *Od.* 5, 230 и 10, 503: αὐτὴ δ' ἀργύρεον φᾶρος μέγα ἔννυτο νύμφη, // λεπτὸν καὶ χαρίεν, περὶ δὲ ζώνην βάλετ' ἱζυῖ // καλὴν χρυσεῖην, κεφαλῇ δ' ἐφύπερθε καλύπτρην — «нимфа надела сперва большой серебристый плащ, тонкий и мягкий, прекрасный золотой пояс препоясала на талии, поверх головы накинула вуаль» (*Od.* 5, 230, повтор стихов *Od.* 10, 503).

В «Илиаде» (Il. 24, 588) появляется формульное выражение φᾶρος καλὸν βάλεν ἡδὲ χιτῶνα в контексте омовения, умощения и одевания мертвого тела Гектора (ср. типическую сцену гостеприимства с ритуалом омовения и умощения). Предшествует этому месту приказ Ахилла оставить из даров для выкупа тела Гектора «два хорошо сотканных плаща и хитон, чтобы покрыть тело»: καὶ δ' ἔλιπον δύο φάρε' ἐϋννητόν τε χιτῶνα / ὄφρα νέκυν πυκάσας δοίῃ οἶκον δὲ φέρεσθαι (Il. 24, 580). Прилагательное ἐϋννητός встречается в описании хоровода девушек и юношей, изображенных Гефестом на щите Ахилла Il. 18. 595-596. У девушек тонкие льняные одежды αἱ μὲν λεπτὰς ὀθόνας ἔχον; у юношей хорошо сотканные хитоны, слегка блестящие от масла: οἱ δὲ χιτῶνας / εἶατ' ἐϋννήτους, ἦκα στίλβοντας ἐλαίῳ. В микенских текстах упоминается *ri-no re-po-to* (KN L 693.1), соответствующее λίνον λεπτόν 'тонкий лен'. Тонкий лен упоминается в девятой песни «Илиады»: Ахилл приказывает служанкам постелить постель Фениксу овчину, покрывало и тончайший лен: κώεά τε ῥῆγός τε λινόιο τε λεπτὸν ἄωτον (Il. 9. 660).

Тело Патрокла служанки обернули льняной тканью, положив на ложе, а затем покрыли его с ног до головы белым плащом: ἐν λεχέεσσι δὲ

θέντες ἐανῶ λιτὶ κάλυψαν // ἐς πόδας ἐκ κεφαλῆς, καθύπερθε δὲ φάρεϊ λευκῶ — «затем, сложив на ложе его и обернув в льняную ткань с головы до ног, покрыли его белым плащом» (*Ил.* 18, 352-353). В этом пассаже интересна метрическая характеристика слова, а именно окончанию -ει, которое, как у слов с сигматической основой, можно реконструировать **-ehi < *-esi*. Эта форма занимает пятую дактилическую стопу, свидетельствуя о диерезе: фаре-и, восстанавливая древнюю микенскую форму **pharwehi* (dat. sg.) с согласным /h/, относящимся к микенскому слою эпической традиции. Это подтверждается древним контекстом, который содержит описание обряда приготовления тела к погребению: омовение тела, умощение, оборачивание льняной тканью, накрывание плащом. Описание погребального обряда мы находим в «Илиаде» *Ил.* 23. 233–262 (погребение Патрокла) и в *Ил.* 24, 783f. (погребение Гектора). Обряд интересен тем, что в нем прослеживаются сходные черты с хеттским ритуалом погребения, описанным в табличках из Бозазкёя (Kassian, Korolëv, Sidel'tsev 2002). Хеттский и гомеровский ритуалы имеют общие черты: сжигание тела на костре; после сожжения тела погребальный костер кропят напитками (пивом — хетты, вином у Гомера); кости умершего окунают в масло или обкладывают жиром, а затем заворачивают в льняную ткань или в дорогие одежды (Vs (KUB 30.15 + 39.11 + 39.19 + KBo 41.26)¹²¹:

2. *na-aš-ta IZI IŠ-TU 10 DUG KAŠ 1/0 DUG*

GEŠTIN]10 DUG (wa)-al-hi {x} ki-iš-ta-nu-wa-an-zi

3. *n(u) 1 hu-up-pár KÙ.BABBAR ŠA ½ MA.NA 20-ja [IŠ-T]U*

Ì.DÙG.GA šu-wa-an nu ha-aš-ta-i

4. *IŠ-TU la-ap-pa KÙ.BABBAR da-aš-kán-z[i n]a-at-kán A-NA Ì.DÙG.GA hu-u-pár KÙ.BABBAR an-da*

5. *zi-ik-kán-zi IŠ-TU Ì.DÙG.GA-ma-ta-kán ša-ra-a da-aš-kán-zi na-at-kán*

¹²¹ Kassian, Korolëv, Sidel'tsev 2002: 260-261.

GAM-ta

6. A-NA ^{GADA}gaz-za-ar-nu-li zi-ik-kan-zi A-NA GADA-ma GAM-an

TUG.SIG ki-ḫd-da-ri

7. nu ma-ah-ha-an ha-aš-ta-i li-eš-šu-u-wa-an-zi zi-in-na-an-zi na-at QA-DU

GADA

8. IŠ-TU TUG.SIG-ja an-da ka-ri-ja-an-zi ...

«2. И огонь десятью сосудами с пивом, дес[ятью сосудами свином] (и) десятью сосудами с w.-напитком тушат. 3. И h.-сосуд серебряный в двадцать мин с половиной (?) (весом) драгоценным маслом наполненный (берут.) И кости 4. щипцами? серебряными беру[т. И] их (т. е. кости) в драгоценное масло внутрь h.-сосуда серебряного 5. кладут. Из драгоценного масла же их поднимают. И их вниз 6. на льняную g.-ткань кладут. Подо льном/сукном же внизу тонкая ткань лежит. 7. И когда кости разбирать заканчивают, то их в лен 8. и в тонкую ткань заворачивают.»¹²²

В II. 24. 796. καὶ τὰ γε χρυσεῖν ἐς λάρνακα θῆκαν ἐλόντες / πορφυρέοις πέπλοισι καλύψαντες μαλακοῖσιν. После этого кости помещают в мавзолей у хеттов, в фиалу (φιάλη) или ларнак (λάρνακα) у Гомера¹²³.

В гомеровском гимне к Аполлону мы находим φάρει λευκῷ в той же метрической позиции и с той же просодией окончания -εῖ. Новорожденного Аполлона на Делосе богини спеленали белой тканью, тонкой и новой, и

¹²² Текст и перевод по Kassian, Korolëv, Sidel'tsev 2002: 260-261.

¹²³ В статье, реконструирующей этапы развития гомеровской формулы Γερήνιος ἱπλότα Νέστωρ, Н. Н. Казанский упоминает фрагмент Стесихора (M. Davies PMGFr. Appendix, fr. 62) в связи с исследованием родословной Эола, в котором появляется φᾶρος μέγα в погребальном контексте: Ἐστόλισεν με[γ]α φάρος ἀνεψιὸς / Αἰόλου Ἱπποτάδα (Казанский 1988: 347). Таким образом употребление в сходном контексте слова в архаической поэзии подтверждает наше предположение о древнем состоянии исследуемого места у Гомера.

обвязали золотой повязкой: σπάρξαν δ' ἐν φάρει λευκῷ // λεπτὴ νηγατέφ' περὶ δὲ χρύσειον στρόφον ἦκαν (h.Ap. 121-122).

Иная просодическая окраска окончания -ει формы φάρει в *Od.* 8, 186. На пиру у феаков Одиссей накрывает голову плащом, чтобы скрыть слезы, вызванные песней Демодока и незаметно совершить возлияние: πορφύρεον μέγα φᾶρος ἐλὼν χερσὶ στιβαρῆσι // καὶ κεφαλῆς εἴρουσσε, κάλυψε δὲ καλὰ πρόσωπα (*Od.* 8, 84-85). И этот же плащ появляется ниже эпизоде метания диска в *Od.* 8, 186, уточненный местоимением αὐτός: ἧ ῥα καὶ αὐτῷ φάρει ἀναΐξας λάβε δίσκον // μείζονα καὶ πάχετον, — «в этом же самом плаще¹²⁴ (не снимая его), Одиссей, поднявшись взял большой и массивный диск...» В этом месте окончание -ει занимает место краткого гласного в третьей стопе перед трохеической цезурой. Сокращение дифтонга перед гласным обычно объясняется попаданием конечного полугласного элемента дифтонга в интервокальную позицию и кратким гласным перед ним¹²⁵. Контракция в окончании слов с основой на -s встречается редко и свидетельствует в большинстве случаев не об архаическом контексте, а наоборот об инновации: «diese Contraction immer in Gesellschaft anderer Indicien einer jüngeren Sprachstufe zu Tage kommt»¹²⁶. Вероятно, различные контексты и контекстные значения ‘погребальная ткань’ / ‘плащ’ появляются в различных слоях эпической традиции. И более древняя форма появляется в списках, сценах гостеприимства и ритуальных контекстах.

¹²⁴ αὐτῷ φάρει — идиоматический “с тем же плащом” — см. комментарий Хойбека (Heubeck, West, Hainsworth, Hoekstra, Russo 1988: 353) и (Monro 1891: 138).

¹²⁵ Перед цезурой как правило происходит удлинение гласного (Chantraine 1958: 215).

¹²⁶ Речь там идет о стяженном окончании акузатива -εα слов третьего склонения с основой на -s. Слияния в дативе Бехтель называет “исключениями” (Bechtel 1908: 42-46ff).

pa-we-a

В микенских дворцах Кносса, Пилоса, Микен и Фив ткачество было важной частью дворцовой экономики, и писцы вели строгий учет тканей, их типа, количества, назначения и происхождения. Исследования организации микенского текстильного хозяйства и технологий подробно рассмотрены и описаны на материале табличек из Кносса и Пилоса (Killen 1984), из Фив (Nosch 2001-2002), а также из Микен (Varas 2010)¹²⁷. Наименования различных типов тканей и текстильной терминологии имеют параллели с гомеровским лексиконом.

Гомеровскому *φάρσα* соответствует *pa-we-a* /*phārweha*/, обозначающее предметы текстиля или одежды (кносская серия KN Lc(1) и Ld) или в виде акрофонической силлабограммы РА для *pa-wo* /*pharwos*/ (в сериях табличек из Кносса KN Uf; Пилоса PY Sh, Un; и Фив TH Of), а также ТЕЛА+РА появляются на табличках с перечнем подношений Посейдону в пилосской табличке PY Un 853. «В некоторых случаях трудно сказать, обозначали ли существительные предмет одежды или текстиль. То же самое можно сказать и о *pa-we-a*¹²⁸ /*pharweha*/, поскольку у Гомера *φᾶρος* — это либо одежда, либо кусок ткани, в зависимости от контекста» (Del Frego, Nosch, Rougemont 2010: 347).

Засвидетельствованы различные типы тканей *pa-we-a*: *e-qe-si-ja* ‘типа *e-qe-ta*’ (ср. *ἐπέτας*), *ke-se-nu-wi-ja* ‘гостевые’ (ср. *ξένιος*), *o-re-ne-ja* ‘с рукавами’ (ср. *ὀλένη*), *nu-wa-i-ja ko-u-ra* — не имеющие надежной интерпретации. Различались по цвету: ‘серо-синие’ (*pa-ra-ku-ja* ср. *βαρακίς·γλαύκινον ἱμάτιον* у Гесихия), с *o-nu-ke* ‘бахрома’(?) (ср. *ὄνυξ*); в техническом значении: *po-ki-ro-nu-ka* (ср. *ποικίλος*) — ‘с разноцветной бахромой’, *re-u-ko-nu-ka* (ср. *λευκός*) — ‘с белой бахромой’.

¹²⁷ См. более полную библиографию: Del Frego, Nosch, Rougemont 2010.

¹²⁸ Вариант *pa-we-a*₂ в текстах из Пилоса и Микен содержит знак *a*₂ = /ha/.

Помимо плащевых тканей *pa-we-a*, выделяются иные виды, описывающие идеограмму ткани TELA: *pa-we-a ko-u-ra* /*phārweha koura?*/ ‘ткань плащевая типа *koura*’¹²⁹; *tu-na-no* TELA не имеет надежной интерпретации, TELA+TE (идеограмма TELA с вписанным внутрь знаком *te*) ткани типа *te-pa* ‘ковровая ткань’ (ср. *τάπης?* см. ниже), TELA+KU, соотносящееся со знаком *ku*, относящемся к шерсти LANA в Фивах, TELA+PO — ‘ткани окрашенные в красный или с цветными элементами’ *po-ni-ki-jo*, *po-ki-ro-nu-ka* или *po-pu-re-jo*; TELA+PU, то есть типа *pu-ka-ta-ri-ja* /*puktalia*/ ‘двойная, сложенная вдвое’ (ср. *πτυκτός*); TELA+ZO не имеющее соответствующего слова и интерпретации.

Для обозначения цвета, участвующего в окрашивании ткани, в микенских текстах есть *e-ru-ta-ra* /*eruthra*/ (ср. *ἐρυθρός*), *po-pu-re-ja* /*porphureja*/, *po-pu-re-jo* /*porphurejos*/ или *po-pu-ro* /*porphur^hos*/ (ср. *πορφύρεος*). Кроме того, такие обозначения, как TELA+PO или *re* TELA/ ‘*re*’ TELA+TE могут пониматься как включающие сокращения цветов¹³⁰. *po-pu-re-ja*, *po-pu-re-jo* или *po-pu-ro* связано с процессом окрашивания текстиля с использованием моллюска *murex* *порфύρα*, как и в случае *ἐϋπλυνής*, прилагательное метонимически описывает внешний вид ткани (результат процесса вместо самого процесса) с эффектом переливающегося спектра цветов, которые мерцают и меняются (от кажущегося красного до кажущегося темно-синего или коричневого).

KN Ld(1) 587

.1 *to-sa* , *po-ki-ro-nu-ka* TELA₂ 24 *re-u-ko-nu-ka* TELA₂ 372
 .2 *ko-ro-ta*₂ TELA₂ 14 *56-*ra-ku-ja* TELA_x 42 *po-ri-wa* TELA₂ 1
lat. inf.

¹²⁹ Не имеет надежной интерпретации, возможные варианты см. *DMicI*: 396.

¹³⁰ Del Freo, Nosch, Rougemont 2010: 348.

/tossa poikilōnukha TELA₂ 24 leukōnukha TELA₂ 372 krot(h)ia TELA₂ 14
parakuja?? TELA_x 42 poliwa TELA₂ 1/

«всего столько тканей¹³¹: с разноцветной бахромой 24, с белой бахромой 372, окрашенная / с бахромой 14, серо-синих 42, серых 1»

Проблема толкования терминов, составных с о-ни-ка, которое встречается в табличках различных кносских серий (KN Od 681, Ln 1568, Ld 584 и др.), имеет несколько возможных решений, так, Хосе Мелена утверждает, что о-ни — это уток (Melena 1975: 112-113), Джон Киллен видел в этом термине указание на какой-то орнамент, добавленный к ткани в процессе отделки, вероятно, клиновидные орнаменты или бахрома (Killen 1979: 164–167). Интересен в этой связи термин *ko-ro-ta₂ /krot(h)ia/* (KN Ld 587, 598, 599), соответствующее κροσσόι ‘кисти, бахрома’ у Гесихия и в словаре Поллукса (Казанскене, Казанский 1986: 83), другая интерпретация: специальный термин производное прилагательное от κλώθω ‘прясть’ или χρῶζω ‘окрашивать’ (*Companion* 266).

Существует профессиональный термин, описывающий работниц, образованный от о-ни: о-ни-ке-ја, но, что интересно, это существительное не встречается в Кноссе, только в двух пилосских табличках (PY Ab 194 B и PY Ad 675). Вместо этого в Кноссе упоминаются *a-ke-ti-ri-ja / a-ze-ti-ri-ja / askētriai/* ‘мастерицы по отделке’ ἀσκήτριάι встречается в контекстах, которые предполагают, что именно эти рабочие были ответственны за

¹³¹ Различные индексы рядом с идеограммой TELA обозначают количество штрихов под идеограммой (их может быть от 1 до 4), различия виды ткани. См. Luján 2010: 376.

.a a-ze-ti-ri-ja ne-ki-ri-de [
.b o-pi , ma-tu-wę o-nu-ke LANA I o-pi , po-ni-ke-ja [

«в распоряжение та-ти-уе (мужское имя в *dat. sg.* *Μαντευς?), (смотрящего за) мастерицами с о-пи-ке шерсти I (порция), для женщин, занимающихся пурпуром и саванами»¹³³.

В Микенах упоминания *pa-we-a₂* засвидетельствованы на трех различных табличках: *pa-we-a₂* (MY L 710.2, Oe 111.2 и Oe 127). В табличке MY L 710 рядом с *pa-we-a₂* стоит прилагательное *ko-u-ra*, часто встречающееся в кносской серии Lc(1) и пилосских табличках (PY La 630.a), обозначающее скорее всего определенный вид отделочного процесса¹³⁴. Обозначение профессиональных работниц, образованный от *ko-u-ra*: *ko-u-re-ja* встречается только в кносских текстах и всегда сочетается

¹³⁴ Melena 1979.

с топонимом, например, в Кноссе *ko-no-so*, *ko-u-re-ja* в KN Lc(1) 548 или в Амниссе *a-mi-ni-so ko-u-re-ja* в KN Lc(1) 550. Однако текстильное изделие под названием *pa-we-a ko-u-ra* изготавливалось не только специализированными работницами *ko-u-re-ja*. В других табличках мы находим, что *pa-we-a*, *ko-u-ra* были созданы другими группами работниц: *pa-we-a ko-u-ra* производят *a-ra-ka-te-ja* /*alākātejai*/ — ‘прядильщицы’ (KN Lc(1) 531), *e-ro-pa-ke-ja* (Lc(1) 540) и *da-te-we-ja* (KN Lc(1) 534) — профессиональные термины, не имеющие надежной интерпретации.

Встречается в микенских текстах и *dat. pl. pa-we-si* /*pharwessi*/ (MY Oe 111)¹³⁵. На табличке записано количество шерсти для изготовления *pa-we-a*:

MY Oe 111, .2.

.1	<i>pe-ru-si-nwa</i> , <i>o-u-ka</i> [	
.2	<i>wo-ro-ne-ja</i> , <i>pa-we-si</i> / [•]- <i>me-'jo-i'</i>	<i>LANA</i> [
.3	<i>ne[-wa</i>] <i>o-u-ka</i>	<i>LANA</i> [
.4	<i>] -k̄i-ni-*</i> 56	<i>LANA</i> 100[
.5	<i>] o-ta-pa-ro-te-wa-ro</i>	<i>LANA</i> 200[

Содержание таблички разделено на две части: заголовок состоит из первых двух строк, а вторая часть — из строк 3, 4 и 5. В заголовке ‘прошлогодня шерсть’ — *pe-ru-si-nwa o-u-ka*, во второй части ‘новая или шерсть этого года’ *ne[-wa]o-u-ka* (строка 3). К сожалению, количество шерсти в каждом случае отсутствует, но оно, должно быть, было очень большим, согласно цифрам, сохраненным в строках 4 и 5. Слово в записи *o-u-ka* неясно, поскольку его интерпретация как **ōFiká*: ‘овечья’ неприемлема¹³⁶. Во 2-й строке слово *pa-we-si*, которое следует за *wo-ro-ne-*

¹³⁵ Интерпретация MY Oe 111 и MY Oe 127 согласно (Varias 2010: 156-157).

¹³⁶ *DMic II*: 56.

*ja /wornejā/ < *wɾn-* ‘ягнячья (шерсть)?’, указывает, для какого типа ткани предназначалась шерсть, записанная в этой строке. Назначение таблички Ое 111, по-видимому, состоит в том, чтобы записать количество шерсти для изготовления *pa-we-a₂*, простой тип которого можно понять из строк 4 и 5. Представляет интерес еще одна табличка из микенского центра МУ Ое 127:

pa-we-a₂ , e-we-pe-se-so-me-na , LANA 20

Это единственная запись микенских документов, которая начинается с *pa-we-a₂*, и которая, возможно, является частью того же *pa-we-si*, записанного в Ое 111.2. В конце записи обозначение количества шерсти — 60 кг. Между *pa-we-a₂* и идеограммой LANA слово *ha*рах *e-we-pe-se-so-me-na* — пассивное причастие будущего времени в ном. pl., согласованное с *pa-we-a₂ /ewepsesomena/* со значением ‘ткани, которые должны быть сотканы’¹³⁷, связанное с глаголами *Fέφω, *έFέφω, ύφάω, ύφαίνω ‘ткать’, которые восходят к и.-е. корню *ueb^h-, имеющему производные в других индоевропейских языках, например, англ. weaving, нем. weben, в греческом ύφαίνω нулевая ступень корня *h₂ub^h- (Hajnal 2002). Трудность заключается в интерпретации значения этого причастия, т. к. в других табличках МУ Ое, где указано количество шерсти ‘для изготовления’ какого-либо вида ткани, рассматриваемая ткань записана в дательном падеже¹³⁸: *te-pa-i* в Ое 107.1 и *pa-we-si* в Ое 111.2¹³⁹. Возможно, речь идет о специальной последующей обработке (Barber 1991).

¹³⁷ Казанский, Казанскене 1986: 104.

¹³⁸ Возможна ошибка писца (Melena 1979: 67).

¹³⁹ Чтение Чедвика формы как εῦ έψησόμενα от έψω ‘варить’ отвергается Палмером (Palmer 1963: 421). Чедвик предполагает, что процедура кипячения ткани применялась для удаления естественного жира шерсти, а также полагает, что речь идет о шерстяных плащах: «Корреляция *pa-we-a₂* с шерстью вместо ткани вызывает недоумение; трудно поверить, что это

Прилагательное *ri-ta* /*lita*/ ‘льняной’ или его аббревиатура RI применяется к различным тканям: *146, *166+WE, TUN+KI, TUN+RI, а также *kito* /*khitōn*/ ‘хитон’ и *pa-we-a*. Это прилагательное *ri-ta* в сочетании только с *pa-we-a* встречается в табличках: KN L 594, L 648, 5927, вероятно, L 8158. Например, KN L(1) 594:

- .a] *ri-ta* , *pa-we-a*
 .b]*da-te-we-ja*¹⁴⁰ TELA;1 1 TUN+KI 1

Обращает внимание, что на табличке представлен комплект из льняного плаща *pa-we-a* и хитона (TUN+KI).

В микенских текстах также появляются *ke-se-ne-wi-ja* и *re-u-ka* встречается в качестве определения фѣроѣ, например, в табличке KN Ld 649:

- a] *e-ru-ta-ra-pi* [[*re-u*]]
 .b *pa-we-ja* / *ke-se-ne-wi-ja* , / *re-u-ka*[

/pharweha ksenwija eruthraphi leuka/ — «ткани гостевого типа, белые с красными».

Масло и ткани для (божественных?) гостей с прилагательным *ke-se-ni-wi-jo*, относящимся к маслу, описаны в PY Fr 1231. Тот факт, что гостям предлагают новую смену одежды в виде хитона и плаща, и упоминание ‘гостевого типа’ плаща *ke-se-ne-wi-ja* может свидетельствовать о том, что это сохранившаяся в эпосе черта обычаев микенских дворцов, зафиксированная в хозяйственных табличках.

шерсть для изготовления тканей, если только *e-we-re-se-so-me-na* может относиться к изготовлению, а не к обработке. Возможно, объяснение заключается в том, что количество ткани измерялось по весу, а не путем подсчета; следовательно возможный перевод текста таблички: «60 кг шерстяных плащей» (*Documents*²: 488).

¹⁴⁰ Не имеет надежной интерпретации (*DMic I*: 159).

Форма *pa-we-a /paweha/*, широко засвидетельствованная в микенских текстах, сохранилась у Гомера в контекстах списков даров *φάρεα λευκά* (*Il.* 24, 231) и *φάρεα καλά* (*Od.* 24, 277). Войдя в эпический язык еще в микенское время, лексема *φῶρος* в контекстах, которые можно назвать архаическими, сохраняет древнюю фонетическую форму с согласным /h/ (*Il.* 18. 353).

2.2. χιτών

Греческое слово, обозначающее длинную мужскую рубашку без рукавов, *χιτών* мик. *ki-to*, *ki-to-na* (асс. sg.), *ki-to-ne* (ном. pl.) заимствование из семитских языков корня *ktn*; аккадское слово, обозначающее лён *kitûmbut*; древнеассирийский текстиль *kutânum* изготавливается из шерсти, современное арабское *el koton* и англ. *cotton*, обозначающее хлопок, имеют тот же корень.

Хитоны у Гомера упоминаются в паре с теплыми плащами *φῶρος* или *χλαῖνα* в качестве подарка в списке даров или в качестве чистой сменной одежды для гостя. Часто упоминаются тройственные наборы одежды, в котором к паре добавляется *εἵματα* ‘одежда’: *φῶρος / χλαῖνάν τε χιτῶνά τε εἵματα* (*Od.* 6, 214; 7, 234; 10, 542; 14, 320; 14, 516; 15, 338). В микенских текстах для обозначения *ki-to* существует отдельная идеограмма, которую обозначают как TUN, которая дополнялась знаками KI = *ki-to*, RI = *ri-no* (λίνον), идеограмма TUN QE относится к доспехам. Кносская табличка KN L 178 регистрирует ткани очень похожую на гомеровскую пару одежды: шесть шерстяных плащей и два льняных хитона.

KN L 178 + 281:

we-we-e-a *161¹⁴¹ *TELA₃+PA*¹⁴² 6 / *u-po-we* *TUN+RI*¹⁴³ 2

/werweheha *161 *TELA₃+PA* 6 *hupowēs* *TUN+RI* 2/

«Шерстяные плащи 6 шт., нижние льняные хитоны 2 шт».

Прилагательное *we-we-e-a* */werweheha/* < **werwesieja* от и.-е. корня **werw-* (ср. εἶρος). Похожее содержание на табличке KN L 870, там также упоминается один шерстяной плащ (*we-we-e-a* *TELA₃*) и один хитон (*TUN+KI*), ср. глоссу Гесхия: ὑποέστης (*ὑποFέστης) χιτῶν (Hsch.).

Иногда хитон единственная одежда, дающаяся в дар. Так, например, в обманной речи Одиссея описывается подарок: хитон и меч: καὶ οἱ ἐγὼ χάλκειον ἄορ καὶ δίπλακα δῶκα // καλὴν πορφυρέην καὶ τερμιόεντα χιτῶνα — «и я ему подарил бронзовый меч и двойной красивый темный хитон, снабженный каймой» (*Od.* 19, 241-2). Прилагательное *τερμιόεις* словари связывают с глоссой Гесихия *τέρμις* = *πούς*, обозначая или длинный до пят, или с каймой. Гесиод в «Трудах и днях» советует зимой надевать мягкий плащ *χλαῖνάν μαλακὴν* и такой хитон *τερμιόεντα χιτῶνα*, о котором говорится *στήμονι δ' ἐν παύρῳ πολλὴν κρόκα μηρύσασθαι* — «вытканый густо уточною нитью по редкой основе»¹⁴⁴ (*Hes. Op.* 538). Элизабет Барбер предлагает видеть в *τερμιόεις* 'с бахромой': «когда полотно готово, грузила обычно срезают с нижней части основы, оставляя бахрому из концов основы. Сейчас обрезанные концы основы, оставленные на ткацком станке, называется по-английски “thrums”, от нулевой ступени и.-е. корня **terh₂*, от которого происходит лат. *terminus* и др. От того же корня происходит *τερμιόεις*, которое встречается в описании некоторых типичных особенностей туник. Судя по изображениям на микенских вазах, воин,

¹⁴¹ Идеограмма для шерсти .

¹⁴² Идеограмма для ткани *ra-we-a* .

¹⁴³ Идеограмма для хитона .

¹⁴⁴ пер. В. В. Вересаева

одетый в тунику с веревочками на кратере из Микен, примерно 1200 до н.э., обрезанные концы основы часто оставались внизу туник в микенское время и архаическую эпоху»¹⁴⁵. В микенских текстах встречаются, вероятно, однокоренные слова в табличке KN V 280: *o-u-ki-te-mi* (при описании стола *to-pe-za*); *o-u-te-mi*, у которых отрицание *ou*, *ouk(h)i* и */termis/* ‘без каймы’ и *te-mi-dwe /termidwents/* при описании колес в табличке из кносса KN So 84, термин, обозначающий, вероятно, технологию крепления спиц к колесу или же орнамент по колесу¹⁴⁶.

Учитывая микенское употребление, хотелось бы видеть в гомеровском *τερμίοεις* описание ткани с бахромой.

Эпитеты хитонов *ἐϋννήτους χιτῶνας* ‘хорошо сшитые хитоны’, при описании танцующих юношей на щите Ахилла (*Il.* 18, 595), такой же эпитет, как у *φᾶρος*; божественно-прекрасный хитон осыпает пеплом Ахилл, охваченный горем по Патроклу: *νεκταρέφ δὲ χιτῶνι μέλαιν’ ἀμφίζανε τέφρη* (*Il.* 18, 25). Агамемнон надевает «мягкий, прекрасный, сшитый недавно хитон» *μαλακὸν χιτῶνα καλὸν νηγάτεον* (*Il.* 2, 42-3; *Od.* 1, 437). Хитоны в значении брони (*Il.* 2, 416; 11, 100 и др.), а также сложные прилагательные: *χαλκοχίτωνας Ἀχαιοῦς* ‘меднодоспешные’ (*Il.* 10. 287 и др.), *ἀμτροχίτωνας ἑταίρους* ‘не носящие пояса под броней’ — эпитет ликийцев (*Il.* 16, 419).

Интересен эпизод 19 песни «Одиссеи»: Пенелопа испытывает неузнанного гостя Одиссея: *εἰπέ μοι ὄπλοϊ ἄσσα περὶ χροῖ εἵματα ἔστο* — «скажи мне, какую одежду носил он» (*Od.* 19. 218). И Одиссей описывает двойной шерстяной плащ *χλαῖναν πορφυρέην οὔλην διπλῆν*, золотую фибулу с изображением собаки и оленя, хитон: *τὸν δὲ χιτῶν’ ἐνόησα περὶ χροῖ σιγαλόεντα, // οἷόν τε κρομύοιο λопὸν κάτα ἰσχαλίοιο // τὼς μὲν ἔην μαλακός,*

¹⁴⁵ Barber *ibid.*

¹⁴⁶ *DMic II*: 238.

λαμπρὸς δ' ἦν ἡέλιος ὥς — «блестящий хитон я запомнил на нем, подобно сухой луковой шелухе, — таким мягким он был, и сиял словно солнце» (*Od.* 19, 232-234). Особое указание на тонкость ткани имеет параллель с упоминаемым в микенских текстах тонким льном *ri-no re-po-to /linon lepton/*, например, в кносской табличке KN L 693 рядом с названием *ki-to /khitōn/* ‘хитон’ и производным от него *e-pi-ki-to-ni-ja* — ‘то, что надевается поверх (хитона)’ встречается только в кносской серии KN L (писец 103)¹⁴⁷.

KN L 693

.1 *ri-no* , / *re-po-to* , 'qe-te-o' *ki-to* , AES M 1 [

.2 *sa-pa* P 2 Q 1 *e-pi-ki-to-ni-ja* AES M 1[

*/linon lepton kweitehos*¹⁴⁸ *khitōn sa-pa epichitōnija* — «тонкого льна хитон, 1 кг бронзы, *sa-pa*¹⁴⁹ около 68 гр, что-то поверх хитона, 1 кг бронзы».

Возможно, имеется в виду доспех, внутри которого льняная подкладка. Ср. эпитет эпитет *λινόθώραξ* — ‘одетый в льняной панцирь’ (*Il.* 2, 529).

В табличке KN Lc(1) 536 приводятся итоговые записи количества различных видов ткани: типа *pa-we-a*, типа *tu-na-no*, типа *pe[-ko-to*, а также упоминается ткань *a-ro-zo ki-to /khitōn/* — ‘хитон типа *a-ro-zo* (нет надежной интерпретации)’. Табличка дальше повреждена и мы не знаем, какой идеограммой снабжен и снабжен ли вообще этот термин. В пилосских табличках встречается термин *a-ro-ta* сопоставляемый с глоссой Гесихия (ἄλωστοι ἄρραφοι, Hsch.) ‘несшитые’, характеризующий плащи *pa-we-a*

¹⁴⁷ Кносская серия Lc, написанном писцом 103 — самый информативный набор табличек, касающихся микенской текстильной промышленности, содержащий обширную текстильную терминологию.

¹⁴⁸ ср. отглагольное прилаг. от *τείνω* *DMic II*: 201.

¹⁴⁹ Не имеет надежной интерпретации, вероятно, тип ткани *DMic II*: 280.

(PY La 626, La 630¹⁵⁰). В кносских табличках встречается, вероятно, антонимичный термин e-ra-pe-me-na /errapmena/ — ‘сшитые’ ткани.

Падежные варианты ki-to: ki-to-na /khitōna/ (acc. sg.) KN Ld(2) 785 и ki-to-ne /khitōnes/ (nom. pl.) KN L 771.

KN Ld(2) 785

.1 po-]k̄i-ro-nu-ka, '*161' TELA² 3 ki-ri-ta , / e-ru-ta-ra-pi , *161 TELA³ [

.2a] e-ru-ta-ra-pi [

.2b]T̄ELAx 2 ke-ro-ta , / *161 ki-to-na TELA^x[

/poikilonucha *161 TELA² 3 khrista erutrapi *161 TELA³ ke-ro-ta *161

khitōna TELA/ — «с разноцветными декоративными элементами 3 ткани, окрашенные красным ткани ... ткани короткие (?) *161, ткань для хитона...»

Слову ke-ro-ta словари предлагают три интерпретации: /geronta/ “старые” (ср. γέρων), /kherrōta/ “с рукавами” (ср. χεῖρ) или /kheirota/ “короткие” (ср. κείρω)¹⁵¹. Эухенио Лухан предлагает видеть в ki-ri-ta /khrista/ (ср. χρίω), указанное в KN Ld 785.1, возможно, обозначение технического процесса, при котором краска наносилась на ткань, в отличие от ko-ro-to /khrōston/ (ср. χρώζω) на табличках KN Od 485, 486, 487; MY Oe 106, что подразумевало погружение шерсти/ткани в краску¹⁵². Однако он также указывает, что нельзя полностью исключить предпочтение писца, который употреблял различные слова для одного и того же процесса. Идеограмма *161 𐀓 часто встречается в табличках с тканями, надежной интерпретации не имеет. Исследователи понимают употребление слова ki-to-na рядом с идеограммой для ткани TELA как ткань для пошива хитонов,

¹⁵⁰ Таблички сохранились фрагментарно, на обеих могли быть несохранившиеся начальные знаки, форма имеет вид:]a-ro-ta.

¹⁵¹ DMic I: 351.

¹⁵² Luján 1996–1997: 351.

тогда как идеограмма TUN подразумевает законченное изделие (Killen 2015: 237).

Таким образом, проведённый анализ позволяет выявить ряд устойчивых соответствий. Двойственная функция хитона в гомеровском эпосе — в качестве как одежды, так и элемента доспеха — полностью согласуется с его употреблением в микенских документах. Эпитет **τερμίδεις** ‘с бахромой’, вероятно, также восходит к микенской эпохе. Наконец, характерная деталь микенской описи (KN L 693), где упоминание тонкого льна соседствует с подсчётом бронзы, находит параллель в гомеровском сложном эпитете **λινόθωρηξ** (‘носящий льняной панцирь’), что указывает на вероятное сохранение в эпосе конкретной реалии бронзового века.

2.3. τάπης

Ложе из шерстяных тканей (*Il.* 24, 644-646; повтор стихов *Od.* 4, 297-299; 7, 336-338): δέμνι' ὑπ' αἰθούσῃ θέμεναι καὶ ῥήγεα καλὰ // πορφύρε' ἐμβαλέειν, στορέσαι τ' ἐφύπερθε τάπητας, // χλαίνας τ' ἐνθέμεναι οὔλας καθύπερθεν ἔσασθαι — «(Ахилл приказал) две постели устроить, бросить прекрасные пурпурные покрывала, снизу застелить их коврами, сверху положить шерстяные плащи»; Постель Диомеда сооружена из бычьей кожи и сложенного под головой блестящего ковра: ὑπὸ δ' ἔστρωτο ῥινὸν βοὸς ἀγραύλοιο, // αὐτὰρ ὑπὸ κράτεσφι τάπης τετάνυστο φαεινός (*Il.* 10, 155-6). Эвриклея приказывает служанкам убратся, подмести пол, протереть столы, помыть кубки и постелить пурпурные ковры на стулья: ἐν τε θρόνοις εὐποιήτοισι τάπητας // βάλλετε πορφυρέους (*Od.* 15, 150-1); служанка Елены несет из мягкой шерсти ковер на стул: Ἀλκίππῃ δὲ τάπητα φέρεν μαλακοῦ ἐρίοιο (*Od.* 4, 124); Ахилл усаживает “послов” на стулья, покрытые пурпурными коврами: εἶσεν δ' ἐν κλισμοῖσι τάπησί τε πορφυρέοισιν (*Il.* 9, 200); в сундуке у Ахилла вместе с кубком хранятся хитоны и

защищающие от ветра плащи и шерстяные ковры: ἐὺ πλήσασα χιτῶνων // χλαινάων τ' ἀνεμοσκεπέων οὔλων τε ταπήτων (Il. 16, 224).

По словообразовательной модели форма *τάλης* стоит в одном ряду с лексемами *λέβης* ‘таз’, *κάλπις* ‘кувшин’, которые, являясь наименованиями утвари, культурной лексикой, и которые часто бывают заимствованиями, не имеет надежной этимологии (Chantraine 1933: 267). Колебания в оформлении, представленные в языке формами *τάλις* и *δάλις*, также говорят о том, что имеет место заимствование. Бекес говорит об иранском заимствовании, но также не исключает догреческой происхождения (Beekes 2010: 1450); ср. иран. *tāb-ад*, inf. *tāftan*, *tābīdan* ‘вращать, оборачивать’, производные от **tāpaуа-* из *tap-* из и.-е. *tmṛp-*. Шантрэн говорит о восточном заимствовании неясного происхождения: «emprunt oriental, d'origine obscure» (DELG: 1093).

te-ра

В микенских текстах этому слову по своему значению соответствует термин *te-ра*, однако нарушая фонетические соответствия, в словаре Ауру Хорро указывается на семантическое сходство, но говорится, что в языке первого тысячелетия соответствующего слова нет (DMic II: 322).

Ткани типа *te-ра* ‘ковровая ткань’: *pe-ko-to* TELA+TE /pektōn/ ‘с ворсом’ (ср. *πέκω*). Интересно, что существует профессиональное существительное *pe-ki-ti-ra₂* /pektrihai/ ‘чесальщицы’, которое встречается также в пилосских текстах (PY Aa 891, Ab 578.B, Ad 694 и др.) и кносских табличках других серий Ld(1) 656 и Xe 8537. Параллель мы находим в «Одиссее», Одиссей советует служанкам пойти к Пенелопе, заняться ткачеством, прядением или чесанием шерсти: *εἴρια πέικετε χερσίν* (Od. 18. 316). Другой эпитет к ‘ковровым тканям’ *wa-na-ka-te-ra* TELA+TE /wanāktera/ ‘царские ткани’, которые производились только в месте *se-to-i-ja*, упоминаемом в KN Lc(1) 525 и в Le 654 (писец 103). На табличках KN

Le 641 и Ln 1568 встречается логограмма TELA+TE дополненная знаком “mi”, который является сокращением от прилагательного *mi-ja-ro* /*mia-ro*/ — ‘нерасчесанные, грубые’¹⁵³ (KN Ln 1568), вероятно, антоним к *pe-ko-to*. Интересна табличка PY Un(2)6 с перечисленными жертвенных животных и подношений в святилище Посейдона, среди которых упоминаются ковры (TELA+ TE) для жрицы *i-je-re-ja* /*hierejāi*/ и для ‘жрицы с ключом’ *ka-]ra-wi-po-ro* /*klawiphorōi*/¹⁵⁴. Количество шерсти, необходимое для изготовления *te-pa*, весьма велико: около 30 килограммов сырой шерсти для одного *te-pa pe-ko-to*¹⁵⁵.

Заимствованный характер *te-pa* может также подкрепляться тем фактом, что в линейном письме А вероятно существовала силабограмма АВ 54+04 (TEL Zb 1), которые исследователи считают соответствующей TELA+TE линейного письма В. Кроме того, следует отметить, что знаки 54 и 04 линейного письма А, соответственно *te* и *pa*, попадают в группу из 14 силабограмм, которые можно отождествить с уверенностью.

Тем не менее, не смотря на поразительное лексическое соответствие, фонетические трудности не позволяют видеть гомеровское *τάλης* производным микенского *te-pa*. Во-первых, нет примеров, где бы произошла замена микенского /e/ на /a/, если только мы не примем интерпретацию *o-je-ke-to* в фиванской табличке TH Fq 130 с первым элементом от οἴαξ ‘яремное кольцо’, что, однако, представляется маловероятным (Bernabé, Pierini 2017: 527-528). Вторая проблема - отсутствие *-t-* основы в форме dat. pl. *te-pa-i*.

¹⁵³ или ‘крашенные ткани’ (Luján 2010: 381).

¹⁵⁴ Лурье замечает, что «в надписи IG, V(1), 1447, в классическое время κλακφορός ‘ключарь’ оставалось названием одной из жриц в Мессении. В Кarii, в области, некогда колонизованной из Пилоса, одна из жриц называлась также κλειδοφοροῦσα (BCH, V, p. 186)» (Лурье 1957: 315).

¹⁵⁵ Del Freo, Nosch, Rougemont 2012: 357.

Таким образом, нельзя надежно отождествить микенское *te-ra* и гомеровское *τάπης*, несмотря на семантическое сходство.

2.4. *χλαῖνα*

χλαῖνα — верхний шерстяной плащ или покрывало, который как *φᾶρος* использовался как одежда и как ткань, часто в паре с *χιτών*, когда речь идет об одежде; ткани при описании ложа: *δέμνια / κώεα καὶ χλαίνας καὶ ῥήγεα σιγαλόεντα* — «овечья шкура, шерстяной плащ и сверкающе покрывало» (*Od.* 19, 318, 23, 180). В списке упоминаются *ἀπλοῖδας χλαίνας* ‘простые (одинарный) плащи’ (*Il.* 24. 230), противоположные им — *διπλῇ* ‘двойной’ (*Il.* 10, 233); плащи, как правило, шерстяные *χλαίνας οὔλας* (*Il.* 24, 646; *Od.* 10. 451). *χλαῖνα* всегда теплая, шерстяная, зимняя, защищающая от ветра, *χλαινάων ἀνεμοσκεπέων* в сундуке Ахилла с другими ценными тканями (*Il.* 16. 224).

Одеяние Нестора с подробным описанием плаща *χλαῖνα* (*Il.* 10. 232-33): *ἀμφὶ δ' ἄρα χλαῖναν περονήσατο φοινικόεσσαν // διπλῇν ἑκταδίην, οὔλῃ δ' ἐπενήνοθε λάχνη* — «фиолетовый плащ застегнул, длинный, двойной, покрытый шерстяным ворсом (оὔλῃ λάχνη)». *λάχνη* иногда обозначает мех или щетину животного, например, щетинистая шкура вепря в рассказе о Каледонской охоте (*δέρματι λαχνήεντι Il.* 9. 548). Меховые шкуры упоминаются при описании одежд: шкура леопарда на плечах Александра *παρδαλέην ὁμοῖσιν ἔχων* (*Il.* 3, 17), львиная шкура *δέρμα λέοντος*, надетая поверх хитона Агамемнона и Диомеда (*Il.* 10. 23, 177). В культовом контексте в микенских текстах упоминаются *di-pte-ra-po-ro* (PY Un 212.6) /*diphtheraphoroi*/ ‘одетые в шкуры’.

Синонимом *χλαῖνα*, помимо упоминаемого *φᾶρος*, является редкое слово *λώπη* ‘плащ’. Один раз встречается в «Одиссее» — двойной плащ, прекрасной работы (*δίπτυχον εὐεργέα λώπην*) на плечах у Афины, в образе

благородного юноши (*Od.* 13. 224). Слово λώπη в более поздних текстах появляется как явный гомерзим у Феокрита, Аполлония Родосского, и в форме среднего рода λῶπος у поэтов (Гиппонакт, Анакреонт, Герод). Интересно, что в микенских текстах есть вероятное производное от λώπη в кносской табличке KN Od 696 с тканями и шерстью упоминается]e-pi-ro-ra-ja /epilōraia/ *ἐπιλωπαῖα (ἐπί) в строке с тканями (идеограмма *164), ср. словообразовательную модель с e-pi-ki-to-ni-ja (KN L 693).

Для лексемы χλαῖνα в микенском греческом нет соответствия. Этимологически слово “неясного происхождения” (*DELG*: 1262), Бекес уверенно реконструирует догреческое происхождение: «группа слов χλαῖνα, χλανίς и χλαμύς без сомнения догреческое, с суффиксом -υδ- и колебанием ν/μ» (Beekes 2010: 1636).

2.5. πέπλος

В перечне даров Одиссея в 24-й песни «Одиссеи» и в выкупе Приама в «Илиаде» упоминаются двенадцать прекрасных пеплосов: δώδεκα περικαλλέας πέπλους. Пеплос, как правило, у Гомера обозначает женское одеяние, пеплосы особо тонкой работы характеризуют искусных мастериц. Сложные с πέπλος прилагательные всегда описывают женщин (тогда как с χιτών — мужчин): Эос с шафранным пеплосом (κροκόπεπλος); Елена и Фетида с длинным пеплосом (τανύπεπλος); троянки, ‘влачащие пеплосы’ ἐλκεσιπεπλος; с красивым пеплосом Навсикая εὐπέπλος, ахейки (Ἀχαιῖάδων εὐπέπλων), сестры мужей и жены братьев (γαλόων ἢ εἰνατέρων εὐπέπλων). Синонимом к слову может выступать ὀθόνη (*Il.* 3, 141; 18, 595), а также в схолиях к этому стиху: ὀθόνη δὲ ὁ ἐάνος, ὃν καὶ “πέπλον” (E 734 al.) καλεῖ.

В подарок Телемаху Елена выбирает прекрасный пеплос, за которым Мегапенф и Менелай отправляются в кладовую¹⁵⁶, где хранятся пеплос и другие сокровища Менелая. Атрид взял чашу (δέπας ἀμφικύπελλον), сыну Мегапенфу приказал взять серебряный кратер (κρητῆρα ἀργύρεον); а Елена подошла к сундукам, в которых лежали разноцветные пеплосы, которые она сама выткала (οἱ πέπλοι παμποίκιλοι οὓς κάμεν αὐτή). Самый большой из них и с самой прекрасной вышивкой, сияющий как звезды, лежащий в самом низу сундука: ὃς κάλλιστος ἦν ποικίλμασιν ἡδὲ μέγιστος, // ἀστὴρ δ' ὥς ἀπέλαμπεν· ἔκειτο δὲ νεῖατος ἄλλων (*Od.* 15, 105)¹⁵⁷. Его вручает Елена Телемаху со словами: μνημ' Ἑλένης χειρῶν, πολυηράτου ἐς γάμου ὥρην, // σῇ ἀλόχῳ φορέειν· τεῖος δὲ φίλῃ παρὰ μητρὶ // κεῖσθαι ἐνὶ μεγάρῳ — «вспомни руки Елены, когда в свадебный час желанный наденет его супруга твоя; а до тех пор у матери твоей будет лежать в покоях»¹⁵⁸.

Интересен перечень даров женихов Пенелопе в 18 песни «Одиссеи» с подробным описанием каждого. Антиной велел послать вестников, чтобы принести всем женихам подарок для Пенелопы. В нем упоминается пеплос с золотыми застежками, ожерелье из золота и янтаря (*Od.* 18, 292-294). Подарки для Пенелопы имеют параллель с одеянием Геры (*Il.* 14, 178-85), в который входил прекрасный покров (ἀμβρόσιον ἑανόν) с золотыми застежками (χρυσείης δ' ἐνετῆσι κατὰ στῆθος περονᾶτο), сотканный Афиной,

¹⁵⁶ О типической сцене в кладовой см. de Jong 2001: 368 п. 99-110 анализ этих сцен.

¹⁵⁷ см. повтор стихов *Il.* 3. 294-295, пеплос, который троянки жертвуют Афине.

¹⁵⁸ Беата Вагнер-Хазель (Wagner-Hasel 2000). Так, например, мать Навсикаи, царица Арета, узнает тунику и плащ, которые Навсикая подарила Одиссею: они являются результатом ее собственного ремесла, сделанного вместе со служанками (*Od.* 7.234-5). Она также понимает, что хочет сказать ее дочь, подарив ей одежду: это чужестранец, достойный брака. Таким образом, ткани и предметы одежды служат средством общения между женщинами – матерью и дочерью – на “языке”, поскольку узнавали свою работу.

пояс, украшенный подвесками (ζώνη θυσάνοις ἀραρυίη), серьги (ἔρματα τρίγληνα μορόεντα), белоснежная вуаль (κρηδέμνω καλῶ νηγατέω: λευκὸν δ' ἦν ἡέλιος ὥς).

Этимологически πέπλος образовано с помощью редупликации пе-плό-σ от и.-е. **pl(H)*- ‘сгибать’, которое также присутствует в ἀπλός, διπλόος, διπλοῦς. Проблема этимологии διπλόος в мик. было бы и стало **dipלות*.

Альтернативной этимологией может быть корень **pl*- “кожа, шкура” ср. πέλμα (Beekes 2010: 1174).

ре-ро-го

В микенских текстах встречается мужское имя ре-ро-го, которое, вероятно, можно читать как Πέπλος¹⁵⁹ (KN De 6060; PY Jn 601). В текстах с перечнями тканей и наименований предметов одежды ничего подобного нет. Исследователи обращают внимание, что в микенских документах не различалась мужские и женские предметы одежды, тогда как это сильно контрастирует с иконографическим миром фресок позднего бронзового века и тем различием, которое прослеживается в эпических поэмах и позже в литературе¹⁶⁰. В культовой одежде на фресках прослеживается «четкое гендерное разделение: женские церемониальные костюмы с лифом с короткими рукавами и юбкой с воланами длиной до щиколоток, в то время как мужчины носят набедренную повязку» (Nosch 2012: 50). В гомеровском мире различаются мужские хитоны и женские пеплосы, например, Афина снимает с себя мягкий (ἐάνον) разноцветный пеплос, который она сделала своими руками: πέπλον μὲν κατέχευεν ἐάνον πατρός ἐπ' οὔδει // ποικίλον, ὃν ῥ' αὐτὴ ποιήσατο καὶ κάμε χερσίν (Il. 8, 385-6), и надевает хитон: ἦ δὲ χιτῶν'

¹⁵⁹ Имя встречается в эпиграфических надписях (SEG XIV 553 II, 49).

¹⁶⁰ Nosch 2012: 49-50.

ἐνδύσῃ (Il. 8. 387). Ван Вес, рассматривая различия мужской и женской одежды у Гомера, подчеркивает, что именно гендерная дифференциация перевешивала различия в статусе: бедный свинопас и царь носят одинаковый набор одежды (хитон и плащ)¹⁶¹. Тем не менее в описании одеяний нимф упоминается плащ φῶρος (Od. 5, 230 и 10, 503), что говорит скорее не о разделении одежды на мужскую и женскую, но на различные ткани, пригодные для одежды. Например, тонкие пеплосы как покрывала лежат на стульях во дворце Алкиноя: ἐνὶ πέπλοι λεπτοὶ εὐννήτοι βεβλήατο, ἔργα γυναικῶν (Od. 7, 96). Таким образом, можно усомниться в правильности категоричного утверждения Нош, что «стандартизированный и массово производимый микенский текстиль и предметы одежды, описанные на табличках линейного письма В, сильно отличаются от гендерных, утонченных и индивидуальных костюмов, представленных на фресках и в эпическом мире» (Nosch 2012: 50) и проследить отголоски микенского быта, в котором ткани распределялись в первую очередь по типу (плащевая, ковровая и т.д.), а не принадлежности к мужской / женской одежде. Тем не менее, как будет показано ниже, некоторые элементы именно мужской одежды можно найти в микенских текстах.

2. 6. ἐάνος

Определением и синонимом к πέπλος у Гомера часто стоит ἐάνος ‘гладкий’ или ‘одежда’. Так, например, Елена укрывается серебристым покрывалом κατασχομένη ἐανῷ ἀργῇτι φαεινῷ (Il. 3, 419). Причем, когда ἐάνος существительное ‘одежда’, начальная дигамма закрывает слог: ἀμφὶ δ’ ἄρ’ ἀμβρόσιον ἐάνον ἔσαθ’, ὃν οἱ Ἀθήνη (Il. 14, 178), ἀμφὶ δ’ ἄρ’ ἀμβρόσιος ἐάνος τρέμε (Il. 21, 507), в то время как прилагательное ἐάνος ‘гладкий’ не

¹⁶¹ Van Wees 2005: 16.

создает такую метрическую позицию: ἐν λεχέεσσι δὲ θέντες ἑανῶ λιτὶ κάλυψαν (Il. 18, 352, 613; 23, 254). Бекус различает этимологии существительного и прилагательного ἑανός, первое из которых имеет краткую альфу и и.е. происхождение из **ues-* (ἔννυμι) и суффикса ср. στέφανος, и соответствует микенскому *we-a₂-no* /*wehanos*/ — ‘одежда’.

we-a₂-no

Микенская форма *we-a₂-no* (PY Un 1322), dat. pl. *we-a₂-no-i* /*wehanohi*/ встречается на пилосской табличке PY Fr 1225 с записями подношения масла для жертвоприношения богине *po-ti-ni-ja* /*potnia*/, именуемой *u-po-jo*.

PY Fr 1225

.1 *e-ra₃-wo* , *u-po-jo* , *po-ti-ni-ja*

.2 *we-a₂-no-i* , *a-ro-pa* OLE+A S I

/elaiwon *u-po-jo potnija wehanohi aloiphā*/ — «Масло для богини Потнии *u-po-jo*, ароматное масло для одежд 9,6 л масла».

Некоторые ученые интерпретируют обозначение богини как *hurojōn* < *huro* как эпитет божества ответственного подземного мира (Лурье 1957: 316) или обозначение как ‘богиня ткачества’ < **hyrhoio* ὑφαίνω¹⁶².

¹⁶² Voëlle 2004: 46, сноска 47. Исследователь предлагает видеть производное от незасвидетельствованного **hyrphos*. Для микенского греческого прилагательное от сущ. с сигматической основой было бы **u-po-e* /*huphehos*/. Нош предпочитает читать *u-po-jo po-ti-ni-ja* как ‘богиня ткачества’ (Del Freo, Nosch, Rougemont 2012: 361), но, необходимо признать, интерпретация не надежна (*DMic II*: 388).

Также интересно, что ‘мягкая льняная ткань’ ἑανῶ λιτὶ¹⁶³, в которой оборачивают тело Гектора (Ил. 18, 352) и его кости (Ил. 23, 254) имеет параллель в микенских текстах. В пиловской табличке PY Un 1322 можно прочесть *we-a₂-no* [ri]-no *re-po-to* *146 GRA 5 /*wehanos linō leptō*/ — «одежда из тонкого льна». Текст таблички представляет собой перечень выплат работникам (*o-no* ср. ὀνίνημι)¹⁶⁴.

Существуют также предположения видеть обозначение *we-a₂-no* за идеограммой *146 (DMic II: 414). Ив Дюу (Duhoux 1974) интерпретирует идеограммы *146, *160, *165, *166¹⁶⁵ как предметы обозначения мужской одежды. Причем идеограмма *146 с вписанным внутри знаком WE он соотносит со *we-a₂-no* /*wehanos*/ ἑανός ‘одежда’, что подтверждает контекст пиловской таблички (PY Un 1322.4). Как пишет Дюу, само его название *we-a₂-no* не имеет общего значения, поскольку оно, вероятно, будет относиться не только к идеограмме *146, но и к другим предметам одежды, таким как набедренная повязка (идеограммы *165, *166). Таким образом, это должно быть микенское обозначение общего термина ‘одежда’, что соответствует его этимологии (**wesanos* происходит от **wes-* ‘одеваться’ (DELG: 308)).

Какой могла быть одежда, представленная идеограммой *146 ? Ив Дюу, опираясь на идеограммы, предполагает, что это сшитая рубашка без рукавов, с вырезом спереди (иногда спереди и сзади) из шерсти (определение *re-ko-to* πεκτός относится к шерстяным тканям, встречается рядом с этой идеограммой) или из льна. Появление этой идеограммы в

¹⁶³ Λῖτα (асс. sg.) — льняная ткань в качестве покрывала упомянута в «Одиссее»: αὐτὴν δ' ἐς θρόνον εἴσεν ἄγων, ὑπὸ λῖτα πετάσσας, // καλὸν δαιδάλεον (Od. 1, 130 -1) и «Илиаде»: ἄρματα δ' ἄμ βωμοῖσι τίθει κατὰ λῖτα πετάσσας (Ил. 8, 441).

¹⁶⁴ Это работники, кто работает в системе *ta-ra-si-ja* - урок на дом (Killen 2015:1070)

¹⁶⁵ Идеограммы см. в статье Дюу (Duhoux 1974) или полный список (Killen 2024: 128): *146 , *160 , *165 , *166+WE .

табличках, относящихся к культовому контексту (подношения Посейдону PY Un 853 и “Колебателью” *e-ne-si-da-o-ne* — dat. sg. /*enesidahoni*/ теоним или эпитет божества KN M 719 (ср. эпитеты Посейдона ἐνοσίχθων, ἐννοσίγαιος; ἐννοσίδης (Pind. Pyth. 3, fr. 60a), Стесихора (Stesich. fr. 143), позволяет судить о том, что эти одежды могли носить во время религиозных церемоний. Идеограммы *165 , *166 Ив Дюу предлагает читать как обозначение набедренных повязок, появляющиеся в ритуальных контекстах (KN Oa 745+7374, PY Un 6, Ua 1413), в контекстах военного оснащения (KN Sc 225, 246, 247, 248, 5141, 7461, 7462), хорошо изученных по сохранившемуся изображениям на фресках и других изображениях¹⁶⁶, а также в контексте текстильных предметов (PY La 626, 640).

Производное от того же корня εἶμα ‘одежда’ часто встречается в поэмах, например, ‘бессмертную одежду’ Аполлон надевает на Сарпедона: περὶ δ’ ἄμβροτα εἶματα ἔσσον (Il. 16, 670, 680); ‘одежды’ погибшего Гектора упоминает Андромаха: ἀτὰρ τοι εἶματ’ ἐνὶ μεγάροισι κέονται // λεπτά τε καὶ χαρίεντα τετυγμένα χερσὶ γυναικῶν — «ведь в покоях одежды, лежат тонкие и мягкие, сотканные руками жен»; εἶματα упоминается в наборах одежды для гостя (Od. 14. 132 и др.). Микенская форма *we-e-wi-ja* /*wehēwīāi*/ dat. sg. вероятно обозначающая ‘для швеи’ (от **ʔehēwās* “швец”) на табличке PY Ub 1318 с распределением кож на разные работы: ‘кожа на пошив’, другая интерпретация *we-e-wi-ja* ошибочное написание вместо **we-we-i-ja* (ср. ὄειος ‘свиной’)¹⁶⁷

Выводы по второй главе

¹⁶⁶ Sapouna-Sakellarakī 1971: 55 (fig. 138), 61-62, 115-117; Evans 1921- 1935 (II): 704-707, 719-726.

¹⁶⁷ DMic II: 416.

Анализ терминологии, связанной с тканями, выявляет целый пласт микенских соответствий гомеровским эпитетам и синонимам. Существенным результатом этого анализа может считаться параллель употребления лексем φᾶρος (мик. *pa-we-a*) в паре с χιτῶν (мик. *ki-to*) с микенскими текстами на лексическом и контекстном уровнях. В гомеровских поэмах содержится формульное выражение в сценах гостеприимства: φᾶρος καλὸν βάλεν ἥδὲ χιτῶν (*Od.* 3, 467; 23, 155), описывающее обычай дарения одежды гостю. В кноских табличках (KN Ld 649, KN L 178, 870; KN L 594) присутствуют записи, в которых фигурируют плащи и хитоны, что, вероятно, отражает существование наборов одежды, аналогичных описанным в гомеровском эпосе. Вероятно, гостевые наборы одежды/ткани существовали и в микенское время, если допустить, что определение *ke-se-ne-wi-ja* действительно значит ‘гостевой’, значит на лексическом уровне мы находим реликты микенской дворцовой практики.

Еще одна заметная параллель — лексема ἐάνῳ соответствующая микенской форме *we-a₂-no*, стоящей рядом с *[ri]-no re-po-to* — «одежда из мягкого льна» (PY Un 1322). Для гомеровского λιτή в контексте ἐάνῳ λιτή κάλυψαν (*Il.* 18, 352; 23, 254) существует точная микенская параллель *ri-ta* /lītā/ ‘льняной’, что подтверждает сохранение в эпосе конкретной терминологии, связанной с материалами.

Новыми соответствиями можно считать εἶλυμα ‘накидка, покров’ и в *we-ru-ma-ta*, а также ἄσκητός ‘искусный’ и микенский профессиональный термин *a-ke-ti-ri-ja* ‘мастерицы по отделке’. Гомеровское обозначение плаща λώπη, вероятно, отражено в микенском *e-pi-ro-ra-ja* ‘накидка поверх плаща’, а также эпитет τερμίοεις ‘с бахромой’ косвенно подтверждается микенскими формами *o-u-ki-te-mi* и *o-u-te-mi* ‘без каймы’.

Лексические единицы τάπηс и χλαῖνα, встречающиеся в гомеровских перечнях даров, не находят параллелей в микенском лексическом корпусе.

В свою очередь, для слова πέπλος прослеживается вероятная связь с микенским именем *pe-ro-ro*.

Глава третья. Утварь.

Наряду с тканями и одеждой в списках даров часто фигурируют ценные предметы утвари. Список даров из четвертой песни «Одиссеи» примечателен тем, что там перечислены “мужские” и “женские” дары, в отличие от выкупа Приама (*Il.* 24. 229-234) или Агамемнона (*Il.* 9. 121-32, 9.264-73; *Il.* 19.243-48), или ложных даров Одиссея (*Od.* 24. 274-79).

Рассмотрим сперва “женские дары” Елены из четвертой песни «Одиссеи» — золотая прялка и серебряная корзинка для шерсти: χρυσέην τ' ἡλακάτην τάλαρόν θ' ὑπόκυκλον ὄπασσεν // ἀργύρεον, χρυσῶ δ' ἐπὶ χεῖλεα κεκράαντο (*Od.* 4, 131-132).

3.1. ἡλακάτη

Золотая прялка (χρυσέην τ' ἡλακάτην), которую приносит служанка по имени Фило Елене, лежит на сработанной шерсти в корзинке: αὐτὰρ ἐπ' αὐτῷ // ἡλακάτη τετάνυστο ἰοδνεφὲς εἶρος ἔχουσα — «сверху лежала прялка с фиолетовой шерстью» (*Od.* 4, 134-135).

Упоминание в этом контексте слова ἡλακάτη уточнило его значение как ‘веретено’, которое уверенно восстанавливает Элизабет Барбер: «когда мы подходим к слову ἡλακάτη, мы обнаруживаем, что нам приходится пересматривать словари, написанные людьми, которые ничего не понимали в прядении. За исключением отрывка из Государства Платона (*Plat.R.*616c), где веретено описывается по частям, все случаи употребления этого слова обычно переводятся как ‘прялка’. И все же, где бы ни существовал какой-либо определяющий контекст, единственной разумной интерпретацией является то, что ἡλακάτη обозначает веретено, а не прялку»¹⁶⁸. При этом

¹⁶⁸ Barber 1991: 264.

именно упоминаемый выше контекст из 4-й песни «Одиссеи» послужил обоснованием для такого определения: «если у Елены есть только корзина для шерсти и прялка, она не может пряхть обычным способом; но, если у нее есть корзина и веретено, у нее все готово для типичного для бронзового века способа прядения»¹⁶⁹. Таким образом Барбер настаивает, что у Гомера ἡλακάτη имеет значение только ‘веретено’ несмотря на то, что в более поздних текстах это слово приобрело значение ‘прялка’¹⁷⁰. Однако, как замечает В. В. Зельченко в своей диссертации «*Творчество Эринны в контексте античной литературы*»¹⁷¹: «каковы бы ни были происхождение и ранняя история слова [ἡλακάτη], его употребление в паре с ἄτρακτος – бессмысленное, если бы оба значили одно и то же – надежно засвидетельствовано начиная уже с Геродота».

Лексема ἄτρακτος ‘веретено’ приводится среди других как производное от *terk- ‘крутить’ (> ‘скручивать, пряхть’). Ср. lat. *torqueo* (фонетич. проблема с реализацией лабиовелярного см. DELG: 134). Широко распространенный корень в и.-е. языках в нескольких диалектных областях

¹⁶⁹ Barber 1991: 264.

¹⁷⁰ Под прялкой понимается тонкая деревянная или металлическая палочка, на которую пряжа насаживала кудель и которую держала во время работы в левой руке или за поясом. (Blümner 1912: 120–134; Forbes 1956: 162–171; Barber 1991: 39–79). В словаре Эбелинга: «Colus, al. fusus; sunt haec simillima atque vix discerni queunt» (Ebeling 1885: 538). Подробное описание процесса есть у Катуллы Catull. 64. 310–320:

aeternumque manus carpebant rite laborem.
laeua colum molli lana retinebat amictum,
dextera tum leviter deducens fila supinis
formabat digitis, tum prono in pollice torquens
libratum tereti versabat turbine fusum,
atque ita decerpens aequabat semper opus dens,
laneaque aridulis haerebant morsa labellis,
quae prius in leui fuerant exstantia filo:
ante pedes autem candentis mollia lanac
vellera uirgati custodibant calathisci.

¹⁷¹ Зельченко 2003.

(албанском, греческом, древнеиндийском) приобрел специальное значение ‘прясть’, предположительно, начиная с понятия ‘скручивания’ волокон шерсти или льна вместе, чтобы получилась длинная нить (Mallory, Adams 1997: 572).

Индоевропейского происхождения лексемы ἄτρακτος нет у Гомера, она появляется позже, начиная с Геродота и часто в паре с ἡλακάτη. Так, например, в IV книге: οἱ ἐξέπεμψε δῶρον ὁ Εὐέλθων ἄτρακτον χρύσειον καὶ ἡλακάτην, προσῆν δὲ [οἱ] καὶ εἶριον — «ей (Феретиме) Эвельфонт отправил в дар золотое веретено и прялку, и добавил еще шерсть для пряжи» (Hdt. IV. 162). Нам интересен этот пример еще и потому, что здесь говорится о “типичных” женских дарах. Речь идет о подарках Феретиме, которая просила у Эвельфонта войско, чтобы вернуться с сыном Арекселам в Кирену. Тот же посылал ей всевозможные подарки, но только не войско. И последним подарком были упомянутые прялка, веретено и шерсть, со словами τοιοῦτοισι γυναῖκας δωρέεσθαι ἀλλ' οὐ στρατιῇ — «вот такими предметами одаривают женщин, не войском» (Hdt. IV. 162). Еще один пример у Николая Дамасского из Ксанфа (*Nicol. Damasc. fr. 71 [= Xanthus fr. 8b] Mueller*): διήρχετο ἡ γυνὴ τοῦ Θρακὸς, ἐπὶ μὲν τῆς κεφαλῆς βαστάζουσα στάμνον, ἐπὶ δὲ τῶν χειρῶν ἡλακάτην καὶ ἄτρακτον, ὀπισθεν δὲ πρὸς τὴν ζώνην ἵππος τις προσεδέδετο· καὶ ἐπὶ μὲν τῆς κορυφῆς ὁ στάμνος ἦν μεστὸς ὕδατος· ἐν δὲ ταῖς χερσὶν εἰργάζετο νήθουσα ἐκ τῆς ἡλακάτης τὸν ἄτρακτον — «пришла жена фракийца с кувшином на голове, в руках у нее были прялка и веретено, сзади к поясу привязана лошадь; на голове кувшин был наполнен водой, а руки были заняты пряжей (наматывающейся) с прялки на веретено». Таким образом в паре с ἄτρακτος слово ἡλακάτη может обозначать только прялку.

В схолиях к нашему месту «Одиссеи» (Schol. Hom. *Od.* 4, 131 E) говорится, что ἡλακάτη — это τὸ ξύλον ἐν ᾧ περιειλοῦσι τὸ εἶριον — деревянная палочка, на которую насажена шерсть. Далее идет различие

ήλακάτη (ἐργαλεῖον ‘инструмент’) и ήλάκατα — “τὰ περιειλούμενα τῇ ήλακάτῃ ἔρια” — ‘шерсть на ήλακάτῃ’¹⁷². Контекст, проясняющий значение ήλάκατα в 7-й песни «Одиссеи»: во дворце Алкиноя 50 работниц, среди которых были прядильщицы и ткачихи: αἱ δ’ ἰστοὺς ὑφώσι καὶ ήλάκατα στρωφῶσι // ἥμεναι, οἷά τε φύλλα μακεδνῆς αἰγείροιο· // καιρουσσέων δ’ ὀθονέων ἀπολείβεται ὑγρὸν ἔλαιον. — «Они ткани ткани и пряли п ряжу, сидя, тесно, как листья высокого тополя, а с натянутой на ткацком станке ткани струилось жидкое масло» (*Od.* 7, 105-107). В схолиях к этому месту (*Schol. Od.* 7, 105) приводится чуть более подробное различие ήλάκατα и ήλακάτη: ἡ μὲν γὰρ ήλακάτη δηλοῖ τὸ ξύλον εἰς ὃ περιειλοῦσι τὸ ἔριον, ήλάκατα δὲ αὐτὰ τὰ ἔρια περιειλούμενα τῇ ήλακάτῃ. τὴν μὲν οὖν ήλακάτην διὰ τούτων δεδήλωκεν ήλακάτῃ τετάνυστο ἰοδνεφὲς εἶρος ἔχουσα (*Od.* 4, 135). τετανύσθαι δὲ αὐτὴν εἶπε διὰ τὸ εἶναι ἐπιμήκη καὶ λείαν «он сказал, что она (прялка) растянулась (τετανύσθαι), потому что она была продолговатой и гладкой». Служанки скручивают, то есть прядут (στρωφῶσι) шерсть ήλάκατα.

В другом месте однокоренной глагол употребляется в сходном контексте: Одиссей обращается к служанкам в 18-й песни «Одиссеи» (*Od.* 18, 314-316): ἔρχεσθε πρὸς δώμαθ’, ἵν’ αἰδοίῃ βασίλεια· // τῇ δὲ παρ’ ήλάκατα строφαλίζετε, τέρπετε δ’ αὐτὴν // ἥμεναι ἐν μεγάρῳ, ἥ εἶρια πείκετε χερσίν· — «ступайте в комнаты к вашей почтенной царице, рядом с ней прядите пряжу (букв. скручивайте строφαλίζετε), развлекайте ее сидя в комнате или готовьте чесаную шерсть».

Рассмотрим еще один схолий, в котором ήλακάτη понимается скорее как прялка нежели веретено (*Schol. Il.* 183): Ἠλακάτην γὰρ καλοῦσι τὸ βέλος,

¹⁷² ήλάκατα обозначает шерсть, готовую к прядению, и, вероятно, может соответствовать русскому слову "кудель", обозначающему длинные, неплотно спрессованные рулоны расчесанных волокон (Barber 1991: 264). На греческих вазах классического периода присутствуют изображения нескольких женщин, работающих с шерстью, чесаная шерсть, уложенные в корзины для шерсти, готовые к прядению.

καὶ τὸ γυναικεῖον ἐργαλεῖον, ἐξ οὗ τὸ νῆμα ἔλκουσιν. Ὡς ἐκεῖ ὁ Ποιητής: Ἥλακάτη τετάνυστο ἰοδνεφὲς εἶρος ἔχουσα. — «прялкой называют заостренный дротик (τὸ βέλος), женский инструмент, с которого тянут нить».

Таким образом, значение ‘веретено’ для ἡλακάτη, восстанавливаемое Барбер исходя из гомеровского контекста *Od.* 4, 130-35 и понимании технологии прядения, не имеет надежного обоснования внутри гомеровского текста и традиции, и, нуждается в объяснении, каким образом произошло изменение значения с веретена на прялку в позднейшей литературе. Контексты с глаголами στρωφάω (*Od.* 6, 53; *Od.* 7, 105) и строφαλίζω (*Od.* 18, 315) относятся к шерсти, не к инструменту, и если мы верно понимаем схолии, то значение ἡλακάτη как ‘палочки, на которой находится шерсть’ так же относится к прялке. Поэтому принимая значение ‘прялка’, неточность описания условий для прядения Елены в *Od.* 4, 131 может объясняться, с одной стороны, типичностью женских даров (ср. место у Геродота *Hdt.* IV. 162) относящихся к типичной женской работе. Так, например, ‘женская работа’ τὰ σ’ αὐτῆς ἔργα Андромахи и Пенелопы — это ἰστόν τ’ ἡλακάτην τε «ткацкий станок и прялка» (*Il.* 6, 491; *Od.* 1, 357; 21, 351), противопоставленные «мужским военным делам» πόλεμος δ’ ἄνδρεσσι μελήσει (*Il.* 6, 492). С другой стороны, почему Гомер не знает слова ἄτρακτος? Возможно ли, что у Гомера эти два инструмента не различаются?

Изображения прялки и веретена достаточно распространены в греческой вазописи, древнейшим является рисунок на стеле из Приньяса на Крит примерно 650 г. до н. э., на которой женщина держит в одной руке оба инструмента. По словам Барбер среди археологических находок прялки появляются достаточно поздно, и до римского времени нет убедительных археологических находок (Barber 1991: 70), в то же время большое количество пряслиц (spindle whorls) и веретен бронзового века было найдено на территории Малой Азии, Египта. Для Греции «по крайней мере,

два, а может и четыре веретена слоновой кости были обнаружены на территории микенских поселений (Перати в Аттике) XII в. до н.э.»¹⁷³. К любопытным и несколько иным выводам приходит Кэролайн Соваж (Sauvage 2014), которая, основываясь на археологических находках восточного Средиземноморья в бытовых, религиозных и погребальных сооружениях Леванта, Кипра и Эгейского региона, датированные поздним бронзовым веком и началом железного века, утверждает, что существовали универсальные прядильные наборы, состоящие из трех частей: древко (shaft), пряслице (whorl) и набалдашник в виде граната из слоновой кости, которые могли использоваться в качестве веретен (древко + пряслице) или прялок (древко + набалдашник в виде граната). Составные части таких наборов, то есть стержни из слоновой кости, набалдашники в виде граната и пряслица собираются различным способом: так, пряслица, когда они находятся на стержнях (т.е. составляют веретена), всегда располагаются на утолщенном конце стержня, в то время как набалдашник (т.е. составляют прялки) всегда закрепляется на заостренном конце. Контекст находок (бытовой и погребальный) говорит о том, что помимо основной функции, эти наборы обменивали и хранили в гробницах или храмах из-за их ценности (Sauvage 2014: 185)

Обращение драгоценных веретен из драгоценных металлов, камня (оникс), слоновой кости или рога в качестве официальных подарков между царями подтверждает их статус ценных предметов, например, в письме из Миттани. Письмо касается вопросов брака Пудухепы с Аменхотепом III, упоминает о её приданом (при этом указывается, что в одном из предыдущих писем перечислялись предметы, входящие в приданое Тадухепы) и уверения в дружбе, а также лояльности Митанни по отношению к Египту. В числе прочего упоминаются веретена, EA 25 (70-

¹⁷³ Barber 1996: 63, с ссылкой Iakovides 1969.

72): «х золотых веретен весом 8 шекелей (shekels), 26 серебряных веретен весом 10 шекелей. [х золотых веретен весом ...]. 10 веретен из лазурита (lapis lazuli). 16 веретен из алабастра. [х веретен из ...] ... 11 веретен из ... [...] камня. 33 веретена из рога» (Moran 1992: 79).

Таким образом, археологические свидетельства говорят о том, что, во-первых, прялки и веретена могли быть частью одного комплекта, распространенного в конце бронзового века и, возможно, иметь общее название, а во-вторых прялки и веретена обнаруживаются в захоронениях, культовых археологических контекстах, а также упоминаются в списке даров как особо ценный предмет. Может быть так, что упоминаемое в гомеровские поэмах ἡλακάτη в качестве ценного дара восходит к пряильным наборам, восстанавливаемым Кэролайн Соваж. Тогда дары Елены вписываются в общую картину даров бронзового века, а формула ἰστόν τ' ἡλακάτην τε — «тканье и прядение», то есть “женская работа” приобретает более ясное значение, так как и ἰστός может быть и ткацким станком и вытканым полотном, так и ἡλακάτη может быть универсальным орудием для прядения (и прялкой и веретеном).

a-ra-ka-te-ja

В микенских документах из Пилоса, Кносса и Фив встречается слово *a-ra-ka-te-ja /ālakatejai/* — профессиональное обозначение ‘пряжи’ (TH Of 34, KN Ak 5009, Lc [1] 531, PY Aa 89, PY Aa 240). Например, в пилосской табличке PY Aa 8 перечисляются мастерицы, девочки и мальчики, а также надсмотрщик:

PY Aa 8

a-ra-ka-te-ja MUL 37 ko-wa 26 ko-wo 16 TA 1

/ālakatejai korwai korwoi/ — «37 женщин прядильщиц, 26 девочек, 16 мальчиков, один надсмотрщик¹⁷⁴»

Слово *a-ra-ka-te-ja* образовано от **a-ra-ka-ta*, которое является микенским предшественником греческого ἄρακάτη¹⁷⁵. Ева Андерсон и Мэри-Луиз Носх¹⁷⁶ выдвинули предположение, что *a-ra-ka-te-ja* специализировалась на некоторых видах прядения, например, на производстве основной пряжи или пряжи очень высокого качества¹⁷⁷. В качестве возможного доказательства этой идеи предлагается текст таблички из Кносса KN Lc 531:

.A	]	'pa-we-a	ko-u-ra'	*161	TELA;1	15[
.B	]a-ra-ka-te-ja /		tu-na-no	TELA;1	1	

/ālaktejai phārweha ko-u-ra tu-na-no/

«Прядильщицы / 15 (отрезов) ткани типа ko-u-ra¹⁷⁸, 1 (отрез) ткани типа tu-na-no»

На этой табличке идеограммы TELA, обычные для обозначения готовой ткани, в отличие от фиванской таблички TH Of 34, в которой появляется идеограмма LANA «шерсть».

¹⁷⁴ Работники текстильного производства в Пилосе и Кноссе перечисляются в списках в соответствии со строгой схемой: сначала женщины-работницы, затем надсмотрщики DA и TA, затем девочки и, наконец, мальчики (Nosh 2001-2002: 186).

¹⁷⁵ Не имеет и.-е. этимологии, возможно, анатолийское заимствование или догреческий субстрат (Beekes 2010: 514)

¹⁷⁶ Andersson, Nosch 2003.

¹⁷⁷ Del Freo, Nosch, Rougemont 2012: 356.

¹⁷⁸ Не имеет надежной интерпретации, вид ткани, попытки видеть в нем κοῖλος не представляется возможным, см. *DMicI*: 394

TH Of 34

- .1 *a-pi-qo-ro* , *ne-wa* , *ko-tu-ro*₂ , *DA* , *LANA* 3 *[[PA 1]]* [
.2 *a-ra-ka-te-ja* , *pa-ra-ja* *LANA* 1

/amphiqolōi news kotyljos ālakatejā palaja/

«Служанке (при) наблюдающем Котиле¹⁷⁹ 9 кг новой шерсти,
прядильнице 3 кг старой шерсти¹⁸⁰».

Джон Чедвик видит в табличках фиванской серии Of сведения о распределении шерсти для жертвоприношений или других культовых мероприятий, так как общее количество ее невелико¹⁸¹. Он также интерпретирует профессиональные группы в этой серии табличек (*a-ra-ka-te-ja*, *te-pe-ja*, *a-pi-qo-ro*) как имеющие культовые функции. В качестве примера приводится термин *a-pi-qo-ro* в пилосской табличке Fr 1205¹⁸². Серия документов Fr содержит записи масла для жертвоприношений, и, следовательно, название *a-pi-qo-ro* может иметь какое-то отношение к специальным культовым профессиям. Другую интерпретацию серии предлагает Джон Киллен¹⁸³. Он рассматривает фиванскую серию Of как распределение шерсти по мастерским, которые могли быть как дворцовыми, так и предназначаться для подношений в святилищах. Штефан Хиллер¹⁸⁴ видит распределение шерсти среди *a-pi-qo-ro*, как

¹⁷⁹ Имя надсмотрщика вызывает вопросы, см. DMicI: 393.

¹⁸⁰ Несколько иначе читает этот текст Нош: “Servants, young, the DA supervisor Κότυλος, 3 units of wool Spinners, old, 1 unit of wool” (Del Freo, Nosch, Rougemont 2012: 356.)

¹⁸¹ Chadwick, Spyropoulos 1975: 92.

¹⁸² Текст таблички: *a-pi-qo-ro-i*, *we-ja-re-pe* OLE+PA S 2 V 4
/amphiqolohi ualeirphes/ «служанкам масла для натирания 18 литров»

¹⁸³ Killen 1985: 289.

¹⁸⁴ Hiller 1987.

домашней профессиональной группы, а не производственных дворцовых работников.

Для ἄτρακτος в микенских текстах нет соответствий, но есть слово, вероятно, образованное от того же корня *to-ro-qo* (KN Od 563):

.1 *ri-jo-ni-jo* , / *e-ze-to* , *to-ro-qo*

.2 *a-to-mo-na* , / *su-mo-no-qe* LANA 14

В табличке речь идет о распределении шерсти женщине по имени *a-to-mo-na* и, возможно, мужчине по имени *su-mo-no*, в местности *ri-jo-ni-jo*, хорошо известной в кносских текстах, топоним, вероятно, образован от *ρίον* ‘мыс’; *e-ze-to* не имеет надежной интерпретации, а в *to-ro-qo* некоторые исследователи видят или продукт или профессиональное название */trok^wos/* ср. *τροπός* ‘шнур’ (*τροποῖς ἐν δερματίνοισι* в *Od.* 4, 782), *τροπόω* ‘закреплять шнуром’, или понимать *to-ro-qo* как название ремесленника — ‘шнурочник’. Или же */strok^wos/* ср. *στροφός* ‘шнур, веревка’. В обоих случаях речь идет о скручивании шерсти в шнур или веревку, но не о прядении, которое подразумевается в ἄτρακτος ‘веретено’.

Этимология ἡλακάτη неясная — “Obscure” (DELG: 409). Фриск связывает этимологию с арм. *il*, gen. *iloy* ‘веретено’ (от и.-е. **ēlo-*), и привлекает лит. *lenktūvas*, *lanktis* ‘катушка, бобина для пряжи’. Против этих связей возражает Шантрэн (DELG *ibid.*). О малоазийском заимствовании пишет Фриск «ἡλακάτη ist ein kleinasiatisches Wort zu sehen, das von den dortigen Griechen aufgenommen wäre» (Frisk 1970: 623). Однако Шантрэн замечает, что это недоказуемо “a supposé un mot d'emprunt, ce qui est indémontrable» (DELG *ibid.*). В энциклопедии индоевропейской культуры Мэллори Адамса (Mallory, Adams 1997: 569-574) в главе об изготовлении текстиля, ничего похожего на ἡλακάτη связанного с прядением нет.

Интересное словообразовательное гнездо представлено в хеттском лексемами *GIŠ_{hulāli}-* ‘прялка’ и *GIŠ_{hueša}-* ‘веретено’: интерпретация

прялки и веретена основывается на их употреблении в паре, например, в КВо 6.34 ii (42) *nu TÚG ŠÁ MUNUS* ^{GIŠ}*hu-la-a-li* ^{GIŠ}*hu-e-ša-an-n-a* (43) *ú-da-an-z* — «Они приносят женскую одежду, прялку и веретено». По формальным причинам очевидно, что *hulālije/a-zī* ‘вплетать, оборачивать’ производное от *hulāli-*, что поддерживается употреблением *figura etymologica* в KUB 59.2 ii (8) *nu=za=kán* ^{GIŠ}*hu-la-li hu-la-li-ja-az-zi* — «Он оборачивает прялку». Поскольку прялка — это инструмент, на который находилась шерсть и из которой выпрядалась нить, наматываясь на веретено, то вполне вероятно, что *hulāli* является родственным корню **hul-* ‘шерсть’, который содержится в *hulana-* ‘шерсть’ и *hulija-* ‘шерсть’. Этимологически оно родственно санскр. *úrṇā*, гр. *λῆνος*, лат. *lāna*, гот. *wulla*, лит. *vilna*, рус. волна и др., и восстанавливается с некоторыми фонетическими трудностями в форме **h₂ulh₁neh₂-* (Kloekhorst 2008: 356-357). При этом видеть в ἡλακάτη корень *hul-* проблематично, но тот факт, что в хеттском прялка, веретено и шерсть представляют собой однокоренные слова, интересно. Возможно, как уже было сказано выше, за ἡλακάτη скрывается общий прядильный набор и вместе с ἡλάκατα ‘шерсть’ представляет собой параллельное “гнездо” с хеттскими ^{GIŠ}*hulāli-* ‘прялка’ и ^{GIŠ}*hueša-* ‘веретено’ и *hulana-* ‘шерсть’ и *hulija-* ‘шерсть’.

Фиолетовая шерсть (ἰοδνεφὲς εἶρος), лежащая в корзинке Елены, упоминается при описании цвета шерсти овец Полифема (*Od.* 4, 426), а также другой эпитет (ἀλπόρφυρα), обозначающий, вероятно, тот же цвет в «Одиссее» (*Od.* 6, 53): Навсикая застаёт свою мать за прядением: ἡ μὲν ἐπ’ ἐσχάρῃ ἦστο σὺν ἀμφιπόλοισι γυναῖξιν // ἡλάκατα στρωφῶσ’ ἀλπόρφυρα — «Она сидела перед очагом среди женщин служанок, пурпурную шерсть пряла» (*Od.* 6, 53). Микенские прилагательные *ki-ri-ta* /*khristos*/ (χρίω - ‘натирать’, ‘мазать’) в табличке KN Ld 785.1, возможно, обозначало

технический процесс окрашивания ткани, при котором краска наносилась на ткань, и *ko-ro-to* /*chrōston*/ (ср. *χρῶζω*, ‘красить’) в табличках KN Od 485, 486, 487; MY Oe 106, могло обозначать погружение шерсти/ткани в ванну с краской.

Упоминание масла в *Od.* 7, 107 *καιρουσσέων δ' ὀθονέων ἀπολείβεται ὑγρὸν ἔλαιον* — «с натянутой ткани сочится жидкое масло», вероятно, сохраняет следы технологии окрашивания или иной обработки ткани бронзового века, которые убедительно восстанавливает Цинция Шелмердайн¹⁸⁵, сравнив гомеровские эпитеты ткани *σιγαλόεις*, *φαεινός*, *ἀργύφεος*, *στίλβων* ‘сияющий, блестящий’ (ср. уже упоминавшийся место *Il.* 18, 595-6: *οἱ δὲ χιτῶνας / εἴατ' ἐϋννήτους, ἦκα στίλβοντας ἐλαίῳ*), свидетельства поздних авторов (Плутарха и схолиастов), понимающих это место или как очень плотное сотканное полотно, с которого стекало масло, не просачиваясь¹⁸⁶, или же, что ткань сияла так, что казалась покрыта маслом, которые, по мнению Шелмердайн не были знакомы с технологией, восходящей к микенскому времени, косвенные свидетельства которой мы находим в микенских текстах. Примером могут быть таблички из Микен, связанные текстильным хозяйством¹⁸⁷. В отличие от кносских табличек, в

¹⁸⁵ Shelmerdine 1995: 100. См. также в комментарии Хэйнсворта (Hainsworth 1988: 328) с ссылкой на работу Спиридона Маринатоса об использовании масла (*ἀμωρή*) для обработки шерстяной ткани.

¹⁸⁶ Plutarch. *Moralia* 396B-C: *ἐφ' ὧν καὶ Ὅμηρος (η 107) εἶπε “καί<ροσέ>ων δ' ὀθονῶν ἀπολείβεται ὑγρὸν ἔλαιον” ἐνδεικνύμενος τὴν ἀκρίβειαν καὶ λεπτότητα τοῦ ὕφους τῇ μὴ προσμένειν τὸ ἔλαιον ἀλλ' ἀπορρεῖν καὶ ἀπολίσθάνειν τῆς πυκνότητος οὐ διείσης* — «как сказал Гомер в стихе «*καί<ροσέ>ων δ' ὀθονῶν ἀπολείβεται ὑγρὸν ἔλαιον*», значит техничность и тонкость тканья такая, что масло не оставалось, но стекало, не впитываясь, из-за плотности (ткани)».

¹⁸⁷ Почти 80% всех табличек, найденных в Микенах, относятся к этим зданиям. Их местоположение довольно уникально по сравнению с другими местами, где были найдены таблички линейного письма В, места находок которых находятся в основном во дворцах или рядом с ними. Тем не менее, содержание текстов соответствуют данным хозяйственных

Микенах не сохранились записи об овцеводстве, но их существование под контролем дворцового центра не вызывает сомнений, поскольку там найдено множество записей о шерсти (серия Ое). Кроме того, на пяти различных табличках, найденных в Микенах, указаны три очень известных вида ткани: *pa-we-a₂* /*phārweha*/ (L 710.2, Ое 111.2 и Ое 127), *pu-ka-ta-ri-ja* /*puktalia*/ (X 508) и *te-pa-i* (Ое 107.1). Табличка Fo 101 содержит записи о распределении 68,8 литров оливкового масла между четырьмя группами текстильных работниц, что можно заключить из собирательного существительного, состоящего из двух групп: *e-ro-pa-ke-ja* — профессионального термина, который обозначает категорию мастериц, связанных с производством *ki-to-ne* (χιτῶνες) ‘хитоны’ в строке 9 и *a-ke-ti-ri-ja-i* /*akestria*hi**/ - dat. pl. ‘мастерицам по отделке’ в строке 10, которые, вероятно, являются теми же женщинами, которые указаны в табличке серии Ое 119.1¹⁸⁸. Что касается назначения масла, выданного этим работницам, то существует два предположения: Шелмердайн полагает, что масло, вероятно, предназначено для профессионального использования этими женщинами, второе предположение принадлежит Турнавиту¹⁸⁹, который считает, что они получают это масло в качестве вознаграждения за работу (именно поэтому руководители получают в три раза больше масла, чем обычные рабочие).

Таким образом, в гомеровском языке сохранилось лексема ἡλακάτη ‘прялка’, но неизвестно ἄτρακτος ‘веретено’, при этом в микенском сохранились наименование *a-ra-ka-te-ja* ‘прядильщицы’, образованное от, вероятно, имеющегося в микенском языке **a-ra-ka-ta* ‘прялка’, или

записей дворцовых комплексов Кносса, Пилоса, Фив и Микенского дворца, показывает, что это были дворцовые склады (Varias 2012)

¹⁸⁸ Обломок таблички с начальными словами двух строк: .1a-ke-ti-ri[.2 ka-na-pe[.

¹⁸⁹ Tournavitou 1995.

‘прядильный набор’, воспоминание о котором может содержать гомеровская формула женской работы: ἰστόν τ' ἠλακάτην τε. Еще одной параллелью (в реалиях) может быть упоминание масла в описании тканья у Гомера (*Od.* 7, 107) и распределения масла в микенских табличках, связанных с текстильным хозяйством.

3.2. τάλαρος

Еще один дар Елене от египетской царицы — серебряная корзинка на колесиках с золотым ободком по краю: τάλαρόν θ' ὑπόκυκλον ὄπασσεν // ἀργύρεον, χρυσῷ δ' ἐπὶ χεῖλεα κεκράαντο (*Od.* 4, 131). К этому месту имеется параллель в «Илиаде» (*Il.* 18, 373-375), в описании треножников на колесах, которые мастерит Гефест, чтобы они сами (αὐτόματοι) ездили к богам и возвращались обратно: τρίποδας γὰρ ἐείκοσι πάντας ἔτευχεν // ἐστάμεναι περὶ τοῖχον ἐϋσταθέος μεγάρου, // χρύσεα δέ σφ' ὑπὸ κύκλα ἐκάστῳ πυθμένι θῆκεν — «он [Гефест] двадцать треножников изготавливал, чтобы они стояли у стен своего хорошо устроенного дома, и золотые колеса под каждого прилаживал». Среди археологических находок подобный треножник был найден на Кипре, датированный ок 1250 г. до н.э. — 1100 г. до н.э. Другое (обычное) название корзинки для шерсти — κάλαθος не встречается у Гомера, но часто у более поздних авторов (Аристофана (*Ar. Av.* 1325), Аристотеля и др.) В микенских текстах это слово встречается в форме *ka-ra-to* /*kalathos*/ — ‘корзина’ в табличках регистрируются специи (MY Ge 603, Ge 605), которое может заменять идеограммой, изображающей корзинку¹⁹⁰. Слово τάλαρος не всегда обозначает корзинку для шерсти у Гомера, иногда в плетеных корзинках фрукты или молоко ср. πλεκτοῖς ἐν ταλάροισι φέρον μελιιδέα καρπὸν (*Il.* 18, 568; *Od.* 9. 247).

¹⁹⁰ *155 , иногда со вписанным знаком DI.

Слово *tálaros* этимологически восходит к корню **telh₂-* ‘взвешивать’¹⁹¹ и имеет отношение к отмериванию шерсти по весу. В микенских документах существует специальный термин *ta-ra-si-ja* /*talansija*/, обозначающий количество, взвешенное и направленное в работу. Организация такой системы контроля производства засвидетельствована в хозяйственных документах, связанных с обработкой бронзы в Пилосе (серия Jn) и текстиля в Кноссе (серия Lc) и в одной табличке из Микен (MY Oe 110). Преобладающая интерпретация системы *ta-ra-si-ja* — это совокупность работ, для производства которых основные материалы поставлялись дворцом (Killen 2001: 803–24). По-видимому, обычная процедура в микенские времена заключалась в том, чтобы в самом начале взвесить шерсть необходимую для конкретного типа ткани, и распределить ее для следующего этапа обработки. Например, в микенской табличке MY Oe 110 содержится запись о передаче шерсти для обработки работницам по имени *re-ka-sa* и *a-ti-ke-ne-ja*:

.1	<i>re-ka-sa</i> , <i>ta-ra-si-ja</i>	<i>LANA 14[</i>
.2	<i>a-ti-ke-ne-ja</i>	<i>LANA 10</i>

Количество шерсти, зарегистрированное в Oe 110, не так уж мало: *re-ka-sa* получает 14 единиц шерсти, что составляет примерно 42 кг, и этого количества хватает на изготовление двух тканей типа *te-ra*, которые встречаются на табличке MY Oe 107; *a-ti-ke-ne-ja* получает 10 единиц шерсти, что соответствует изготовлению одного полотна *pe-ko-to te-ra* (Varias 2012: 158).

Сохранение специального значения, связанного с отвешиванием шерсти, сохраняется в греческом I тыс. *ταλασία* ‘прядение’ или

¹⁹¹ Beekes 2010: 1445.

‘шерстопрядение’ (также *ταλασιουργία*): παρέδομεν ταῖς γυναιξὶν διαταμιεύειν τε καὶ κερκίδων ἄρχειν καὶ πάσης ταλασίας — «мы передали женщинам [хозяйство] распоряжаться, заведовать ткацким утком и всяческим прядением» (Plat. Lg. 805e7)¹⁹². Также и *ταλασιουργία* определяется как общее название для работы с пряжей и тканью: Καὶ μὴν ξαντική γε καὶ νηστική καὶ πάντα αὖ τὰ περὶ τὴν ποίησιν αὐτὴν τῆς ἐσθῆτος ἧς λέγομεν μέρη, μία τίς ἐστι τέχνη τῶν ὑπὸ πάντων λεγομένων, ἡ ταλασιουργική — «и чесание шерсти, и прядение и все, что касается [этапов] производства одежды, — части, единое же название ремесла всеми называемое — *ταλασιουργική*» (Plat. Plt. 81e7).

У Плутарха находим интересное рассуждение о пении «таласия» и свадебном обряде: Διὰ τί ὁ πολυθρύλλητος ἄδεται Ταλάσιος ἐν τοῖς γάμοις; πότερον ἀπὸ τῆς ταλασίας (καὶ γὰρ τὸν τάλαρον τάλασον ὀνομάζουσι· καὶ τὴν νύμφην εἰσάγοντες νάκος ὑποστρωννύουσιν, αὐτὴ δ' εἰσφέρει μὲν ἡλακάτην καὶ τὴν ἄτρακτον, ἐρίῳ δὲ τὴν θύραν περιστέφει τοῦ ἀνδρός (Plut. Mor. Quaest. Rom. 271 f.) — «Почему на свадьбах поется знаменитый Таласий? Может быть, от слова *ταλασία* ‘пряжа’ (потому что слово *τάλαρον* ‘корзинка для шерсти’ римляне называют *τάλασον*). Когда невесту вводят в дом, ей под ноги постилают овечью шкуру, а сама она несет прялку и веретено, а дверь дома жениха украшается венками из шерсти».

Элизабет Барбер пишет о “шерстопрядении” и восстанавливает значение *ταλασιουργία* как «взвешивание определенного количества сырья, в частности, шерсти, и, в более широком смысле, переработка этой массы шерсти путем прядения до следующего этапа (ткачества)» (Barber 1991: 265). Можно сравнить лат. *pensum* — количество шерсти (урок), предназначенное для прядения или ткачества; а также само понятие ‘прядение или ткачество’ образованное от *pendere* ‘взвешивать’, к

¹⁹² см. также Xen. Mem. 3.9.11

сопоставлению Барбер можно привести пример из Петрония, явно заимствованные из греческого: *tres parcae aurea pensa torquentes* — «три парки, прядущие золотую пряжу» (Pt. Sat. 29). В 12-й песни «Илиады» равно сражающиеся рати ахейцев и троянцев сравниваются с женщиной, отмеривающей шерсть на весах: ἀλλ' ἔχον ὥς τε τάλαντα γυνὴ χερνῆτις ἀληθής, // ἥ τε σταθμὸν ἔχουσα καὶ εἴριον ἀμφὶς ἀνέλκει // ἰσάζουσ' (Il. 12, 433-435).

Весьма вероятно, что гомеровское *τάλαρος* изначально обозначало корзину определенного размера для взвешивания одной порции шерсти — (отвешенный урок). Интересно, что микенский термин *ta-ra-si-ja* одинаково употребляется и для обозначения количества отвешенной шерсти и для бронзы. И, как было показано выше, в слове *τάλαρος* сохранилось первое, в *τάλαντα* — второе, хотя в поэмах встречаются только таланты золота (не серебра, не бронзы), то есть определенный вес драгоценного металла. Слово *τάλαντα* появляется также в значении ‘весы’ или ‘чаши весов’ у Гомера в контекстах, описывающих как Зевс взвешивает судьбы людей: τότε δὴ χρύσεια πατὴρ ἐτίταινε τάλαντα — «тогда (Зевс) достал золотые весы» (Il. 8. 69 = 22. 209); γινῶ γὰρ Διὸς ἱρὰ τάλαντα — «потому что он понял священную судьбу = судьба склонилась (букв. весы) Зевса» (Il. 16.658); ἐπὶ κλίνῃσι τάλαντα // Ζεὺς — «когда Зевс склонит чашу весов» (Il. 19. 223-4).

Образованное от того же корня прилагательное *ἀτάλαντος* входит в древнюю, вероятно, микенского времени формулу *Δὶ μῆτιν ἀτάλαντος* — «имеющий в том, что касается мудрости, такой же вес, как Зевс» (Il. 2. 636; в аккузативе Il. 2. 169, 407; 10. 137; 11. 200; в вокативе Il. 7.47), в которой наблюдается просодическая “неправильность” и которая должна вписываться в метрическую последовательность: ~ — — ~ ~ — х. Долгота ι в окончаниях dat. sg. в *Δὶ* и во втором слоге *μῆτιν* может найти объяснение сохранением древней просодии. В первом случае форма дательного падежа основана на более древней форме *diwéi*, которая непосредственно

подтверждается в микенских текстах в Кноссе и Пилосе *di-we* и, вероятно, все еще имеет место в постмикенский период. Падежное окончание датива *-ei* и локатива *-i* атематического¹⁹³ склонения в микенском: например, *po-se-da-o-ne* /*podeidāhōnei*/ встречается чаще, чем *po-se-da-o-ni* /*podeidāhōni*/. В постмикенское время падежное окончание датива на *-ei* заменилось окончанием локатива *-i*, но в эпической традиции сохранилось достаточно примеров с удлинением конечного *-i* датива, что, вероятно, свидетельствует о вхождении формул с древним окончанием датива на *-ei*: Διφεῖ φίλος (кипрский диалект), которая была заменена на Δι(φ)ι φίλος с долгой ι (17 раз только в «Илиаде»)¹⁹⁴. Долгота последнего слога μῆτιν решается, если реконструировать начальный h в ἀτάλαντος < *sm̥-talanto- (где *sm̥ > sa > ha), тогда сочетание с закрытым слогом μῆτιν ἀτάλαντος возникло в то время, когда оно имело форму *mētīn *hatálantōs*. Таким образом, два явления: dat. sg. на *éi* и начальный h в качестве согласного могут принадлежать домикенской эпохе, но и могут также встречаться в постмикенский¹⁹⁵ период, являясь реликтом эпической традиции микенского времени.

Таким образом, лексема *τάλαρος*, упоминающиеся в списке даров (*Od.* 4, 131-132), хоть и не имеет прямого эквивалента в микенских текстах, может быть сопоставлена с микенским *ta-ra-si-ja*, и, вероятно, изначально обозначало корзину определенного размера для взвешивания одной порции шерсти — (отвешенный урок), и является древней лексемой эпического языка.

3.3. χρυσοῦ τάλαντα

¹⁹³ О дативе в системе и.-е. падежных окончаний Красухин 2005: 65-85.

¹⁹⁴ Wathelet 1962.

¹⁹⁵ Meier-Brügger 2006: 423.

В поэмах упоминаются таланты золота как отдельный предмет дарения. В выкупе Агемемнона, Приама, в числе даров Менелая упоминаются десять талантов золота: δέκα δὲ χρυσοῖο τάλαντα (*Il.* 9, 122, 264; 19, 247, 24, 232; *Od.* 4, 129), семь талантов от жреца Аполлона в дар Одиссею: χρυσοῦ μὲν μοι ἔδωκ' ἐυεργέος ἑπτὰ τάλαντα (*Od.* 9, 202) и семь талантов упоминается (*Od.* 24, 274); по таланту золота (и свежей паре одежды) Алкиной призывает принести феакийских басилевсов принести в дар Одиссею: τῶν οἱ ἕκαστος φᾶρος ἐϋπλυνὲς ἡδὲ χιτῶνα // καὶ χρυσοῖο τάλαντον ἐνείκατε τιμήεντος (*Od.* 8, 392-393). В награду четвертому в колесничных бегах (*Il.* 23. 269) Ахилл предлагает два таланта δύο χρυσοῖο τάλαντα, и полталанта золота в награду последнему в беге ἡμίτάλαντον δὲ χρυσοῦ λουσθήϊ' (*Il.* 23. 751, 756). “Универсальный” дар гостю включает одежду и золото, к последнему часто применимы прилагательные «истинно чтимое» ἐρίτιμος и τιμήεις. Золото как общее понятия почетного богатства встречается, например, в желании женихов Пенелопы стать ἀφνειότεροι χρυσοῖο τε ἐσθῆτός τε — «богаче золотом и прекрасными одеждами» (*Od.* 1, 165); а самый царственный (βασιλεύτατός) человек среди греков — это царь «златообильных Микен» — πολυχρύσοιο Μυκῆνης (*Il.* 11, 46).

Эпитеты золота: χρυσοῦ ἐυεργέος τάλαντα — «таланты хорошо обработанного золота» (*Od.* 9, 202; 24, 274), χρυσὸς πολυδαίδαλος ἄλλα τε πάντα — «все остальное искусно обработанное золото» (*Od.* 13, 11). Прилагательное πολυδαίδαλος — «то, что изящно сделано»: θώρηξ (*Il.* 3. 358), ἀσπίς (*Il.* 11. 32), ὄρμος χρύσειον (*Od.* 18.295 и др.); κλισμός (*Il.* 24.597); θάλαμος (*Od.* 6.15), но может относиться к людям: Σιδόνες πολυδαίδαλοι (*Il.* 23. 743) «искусные сидонцы».

Интересно место золота среди других ценных предметов гомеровского мира. Так, например, при перечислении призов в колесничных бегах появляются два таланта золота в качестве четвертого приза (*Il.* 23. 269), стоят меньше бронзового котла, который полагается

третьему в забеге. Причиной такого несоответствия Браун (Brown 1998: 167) видит в том, что таланты золота не имеют истории, они невидимы в доме героя, в отличие от треножников или котлов¹⁹⁶, о которых хозяин может рассказать “воспоминания Нестора”, и что «участник, выигравший в забеге два таланта, получает эквивалент современного “денежного приза”, что было бы более ценно для простого купца, которого не одобряет Эвриал (*Od.* 8.159-64), чем для настоящего героя» (Brown 1998: 167).

Сколько весил талант золота? Существует теория, что гомеровский талант имел точный исторический вес около 8,5 граммов (Ridgeway 1887). Оно основано главным образом на утверждении, найденном в александрийском источнике: Τὸ δὲ παρ' Ὀμήρῳ τάλαντον ἴσον ἐδύνατο τῷ μετὰ ταῦτα Δαρεϊκῷ. — «гомеровский талант весил столько же, сколько более поздний дарик»¹⁹⁷. Употребление такого таланта восходит еще к XVI в., как определил Риджуэй, исследовав вес золотых колец и спиралей из царских могил круга А в Микенах (Блаватская 1966: 95-96). Браун однако замечает, что «если гомеровский талант действительно весил 8,5 г, то тот, кто оставил 500-граммовый запас золота в горшке из Эретрии (клад с миниатюрными шарообразными золотыми слитками, относящимся к прото-геометрическому периоду, примерно IX в. до н.э.) обладал бы почти шестьюдесятью “гомеровскими талантами” золота — то есть больше, чем упоминается во всей «Илиаде» и «Одиссее» вместе взятых. На такого слушателя богатство эпических героев не произвело бы особого впечатления» (Brown 1998: п. 13). Таким образом, вычислить конкретный вес “гомервского таланта”, вероятно, невозможно, тем не менее Браун

¹⁹⁶ Победитель, выигравший треножник, может посвятить его богу, а не забрать с собой домой, как Гесиод посвятил музам бронзовый треножник, выигранный им в Халкиде. В более поздних надписях упоминаются посвящения золота или серебра (Meiggs, Lewis 1988)

¹⁹⁷ ἄγει οὖν τὸ χρυσοῦν τάλαντον Ἀττικὰς δραχμὰς β´. γράμματα с, τετάρτας δηλαδὴ τεσσαρεῖς. (Hultsch 1864: 301).

предлагает понимать его вес таким образом, чтобы зрители погребальных игр в память Патрокла могли увидеть половину таланта, когда Ахиллес устанавливает их в качестве приза в беге. И тогда «если бы слушатели гомеровских поэм понимали талант как весом более 25 кг (*RE Suppl.* 8: 791-848), а именно такой вес предполагал более позднее употребление слова, они бы представили половину таланта как слиток размером примерно в современный кирпич» (Brown 1998: 166).

ku-ru-so

Золото упоминается в микенских текстах и словесно *ku-ru-so* /*khrus(s)os*/ χρυσός, и в виде идеограммы (AUR), также засвидетельствовано в семитских языках (акк. *ḫurāṣu*, угар. *ḫrṣ*, финик. *hrṣ*, др. евр. *hāruṣ*), так что обычно допускается семитское происхождение этого термина (Beekes 2010 :1652). В и.-е. языках для золота существует корень *ǵelh₃-*, представленный в германских, индоиранский и славянских языках, например, гот. *gulf*, скр. *híraṇya-*, рус. *золото* и др., этот же корень представлен в греч. *χολή*. Золото в микенских текстах наряду с другими драгоценными металлами упоминается, например, при описании утвари в качестве материала сосудов и мебельных инкрустаций, например в РY Та 714:

.1 *to-no we-a2-re-jo a-ja-me-no ku-wa-no pa-ra-ku-we-qe ku-ru-so-qe o-pi-ke-re-mi-ni-ja*

.2 *a-ja-me-na ku-ru-so a-di-ri-ja-pi se-re-mo-ka-ra-o-re-qe ku-ru-so ku-ru-so-qe po-ni-ki-pi 1*

.3 *ku-wa-ni-jo-qe po-ni-ki-pi 1 ta-ra-nu a-ja-me-no ku-wa-no pa-ra-ku-we-qe ku-ru-so-qe ku-ru-sa-pi-qe ko-no-ni-pi 1*

«Одно кресло (украшенный) горным хрусталем с инкрустированной лазуритом, серебром и золотом, со спинкой, инкрустированной золотыми фигурками людей, золотой головами сирен и золотыми пальмами и пальмами из лазурита. Скамеечка для ног, инкрустированная лазуритом, серебром и золотом, с золотыми подпорками»

.1 jo-do-so-si , ko-re-te-re , du-ma-te-qe ,

¹⁹⁸ Повтор единицы во второй строке может быть связан с удобством подсчета, т.к. числовые знаки стоят, как правило, в конце строки, и дворцовому чиновнику удобно было вести счет, пробегая глазами край, а не вчитываясь во всю табличку.

- .2b *po-ro-ko-re-te-re-qe* , *ka-ra-wi-po-ro-qe* , *o-pi-su-ko-qe* , *o-pi-ka-pe-*
 .3 *ka-ko* , *na-wi-jo* , *pa-ta-jo-i-qe* , *e-ke-si-qe* , *a₃-ka-sa-ma*

/jōdōsonsi khōrētēres dumartesk^ue prokhōrētēresk^ue klāwiphoroik^ue opisūkoik^ue opiskaphe(h)ēwesk^ue khalkon nāwion paltajoihi-kwe enkhesik^ue aiksmans/

«Вот каким образом передадут начальники округа (*ko-re-te-re*), *dumartes*, их заместители (*po-ro-ko-re-te-re*), ключники-жрецы?, смотрители за смоквами (*o-pi-su-ko*), надзиратели за корабельными трюмами (*o-pi-ka-pe-e-we*) храмовую? (*nāwion*) бронзу (*ka-ko*) для наконечников (*aiksmans* ср. αἰχμή) для дротиков (*paltajoihi* ср. παλτόν) и копий (*enkhesi* ср. ἔγχος)».

Затем в табличке перечислены начальники округов и их заместители¹⁹⁹, дань, ожидаемая от различных *du-ma-te*, *ka-ra-wi-po-ro*, *o-pi-su-ko*, *o-pi-ka-pe-e*, которые мы упомянули в заголовке, вероятно, была записана на одной или нескольких пропавших табличках или еще не были записаны на момент разрушения дворца; или что в обязанности *po-ro-ko-re-te-re* входило координировать и доставлять во дворец бронзу для других должностных лиц, упомянутых от имени соответствующих округов (Palaima 2001: 158–59).

Текст другой пилосской таблички РY Jo 438 также сохранил записи о золоте. Около тридцати чиновников и высокопоставленных лиц *ko-re-te-*

¹⁹⁹ Высший слой господствующего класса микенского общества состоял из двух частей: центральной власти, представленной властителем (*wa-na-ka* ср. гом. ἄναξ), его первым министром-воеводой (*ra-wa-ke-ta* /*lāwāgetās*/) и свитой властителя (*e-qe-ta* /*heqwetās*/ ср. Pind. ἐλέτας), а также местного управления в отдельных административных округах, которых насчитывалось шестнадцать (Бартонек 1991: 87). По мнению Чедвика (Chadwick 1976: 73), во главе каждого округа стоял *koreter* со своим заместителем, называемым *prokoreter*.

*re u po-ro-ko-re-te-re, mo-ro-qa /mo(i)rokk^uās/²⁰⁰, qa-si-re-we /gwasilēwes/, а также отдельные лица, указанные только под личными именами, но у которых почти наверняка также был какой-то административный статус, должны были доставить различное количество золота, начиная примерно от 60 г (*p 3*) до почти 1 кг (*m 1*). В общей сложности получается около 6 - 7 кг — солидная сумма, но, к сожалению, получатель неизвестен, так как верх таблички утрачен. Представляется привлекательным вслед за Чедвиком (Chadwick 2002) выдвинуть гипотезу о том, что это золото, как и бронзу из РY Jn 829, в срочном порядке собирали, чтобы иметь возможность отреагировать на опасности, с которыми столкнулось пилосское царство накануне его уничтожения; однако мы не можем исключать, что это обычный административный акт.*

В пилосских текстах упоминается “священное золото” в РY Ae 303:

.a *i-je-ro-jo*
 .b *pu-ro , i-je-re-ja , do-e-ra , e-ne-ka , ku-ru-so-jo MUL 14[*

/pyloi hijerejās dohelai eneka khrūsojo hijerojo/

«В Пилосе рабыни жрицы (куплены/проданы/смотрят) за священное золото — (всего) 14 женщин»

Интерпретация таблички вызывает вопросы. То ли женщины-рабыни жрицы смотрят за священным золотом, то ли речь идет о купле-продаже рабынь за это золото. «Удивляет такое большое количество женщин-хранительниц золотого запаса храма, и, возможно, мы имеем дело с какой-то сделкой, и 14 женщин на самом деле являются покупкой за золото, реквизированного из храма при особых обстоятельствах» (Melena 2001: 22-23). К сожалению, это единственный в своем роде документ, поскольку

²⁰⁰ *μο(ι)ρόκκās “владелец земельного участка”, титул лиц с определенным статусом, владением земель, который, по-видимому, не указывает на конкретное занятие. См. проблему интерпретации и библиографию (Piquero Rodríguez 2019: 283).

остальные таблички пилосской серии Ae представляют собой списки пастухов (?), отвечающих за своих “четвероногих” (*qe-to-ro-po-pi* /*q^wetropopp^{hi}*/ instr. pl.). Тем не менее мы ясно читаем в тексте РY Ae 303 “священное золото” *ku-ru-so-jo i-je-ro-jo*.

Помимо упоминаемого выше текста, о золоте как единице платы за что-то в микенских документах не упоминается: «до сих пор не найдено никаких текстовых свидетельств того, что в качестве меры стоимости использовался какой-либо металлический стандарт, будь то драгоценный металл, медь или бронза» (Killen 2024: 284). Медные(?)²⁰¹ слитки упоминаются в KN Оа 730, 733 и весом чуть меньше таланта каждый, взвешены в соответствии с процедурой, обычной для домонетарных экономик (Killen 2024: 284). В частности, эта практика хорошо известна в обществах бронзового века Ближнего Востока, в которых уже был установлен стандарт серебряного шекеля. Интересно также и то, что в микенских текстах, в отличие от практики, распространенной на Ближнем Востоке, не указывается вес металлических предметов, будь то драгоценных или нет, при их инвентаризации (Killen 2024: 285); единственным исключением является вышеупомянутое взвешивание слитков в KN Оа 730, 733. Почти ничего не известно из микенских текстов о торговле²⁰², свидетельства ограничиваются одной табличкой из Микен, на

²⁰¹ на табличках изображена идеограмма *167 ‘слиток’, но не указан металл.

²⁰² Есть также несколько интересных случаев употребления глагола *πρίαμαι* (*qi-ti-ja-to*, аог., ср. *ἐπρίατο*), ‘я покупаю’ (KN В 822, В(1) 988; ср. KN Ai(3) 1037, Ai(3) 5976), которые относятся к покупке рабов. Присутствующее в гомеровском языке *πρίαμαι* в сочетании с инструменталисом *κτεάτεσσι*, например, *τὴν ποτὲ Λαέρτης πρίατο κτεάτεσσιν ἑοῖσι* // *πρωθήβην ἔτ’ ἐοῦσαν, ἔεικοσάβοια δ’ ἔδωκεν* — «когда Лаэрт приобрел в свое достояние ее (Евриклею) в расцвете юности, и отдал за нее двадцать быков» (*Od.* 1. 430-1); другие случаи употребления: *Od.* 14, 115, 452; 15, 483); следовательно, оно означает покупать «посредством чего-либо» и относится к сфере прямого обмена товарами. Редкие микенские свидетельства употребления

которой зафиксирована отправка в Фивы (*te-qa-de /thēg^wansde/*) определенного количества тканей типа *pu-ka-ta-ri-ja* (MY X 508).

Таким образом, в микенских текстах упоминается не вполне ясное “священное золото” *ku-ru-so-jo i-je-ro-jo* в контексте, который может равным образом трактоваться как акт купли-продажи женщин за определенную плату, так и факт хранения “священного золота” в святилище, для которого необходимы специальные служительницы. Тем не менее мы видим, что золото имело значение в ритуальном контексте и хранилось в микенских святилищах. И также золото в качестве дани от высокопоставленных чиновников в табличке PY Jo 438, контекст которой мы не понимаем, но видится заманчивым провести параллель с басилевсами Алкиноя (ἀριπρεπέες βασιλῆες), которые должны были принести по таланту золота Одиссею: τῶν οἱ ἕκαστος φᾶρος εὐπλυνὲς ἡδὲ χιτῶνα // καὶ χρυσοῖο τάλαντον ἐνεΐκατε τιμήεντος (*Od.* 8, 392-393).

3.4. τρίπους

Треножник можно считать эталонным даром: его вручали в дар гостю или как приз на состязаниях, его же посвящали божеству в храме или святилище²⁰³. Треножники упоминаются в списке даров Менелая: ὃς Μενελάῳ δῶκε δὺ' ἀργυρέας ἀσαμίνθους, // δοιοὺς δὲ τρίποδας, δέκα δὲ χρυσοῖο τάλαντα — «он (Полиб) подарил Менелая две серебряные ванны, два треножника и десять талантов золота» (*Od.* 4, 128-129); царь Алкиной призывает феакийских князей “советников” (βουλευφόροι) подарить Одиссею вдобавок к уже подаренным золоту и тканям еще по большому треножнику и котлу: ἀλλ' ἄγε οἱ δῶμεν τρίποδα μέγαν ἡδὲ λέβητα // ἀνδρακάς

этого глагола ограничиваются регистрацией передачи собственности и не указывают ни «цену», ни способ оплаты (Killen 2024: 283).

²⁰³ Буркерт 2004: 163-4.

(*Od.* 13, 13-14); упоминаются 7 новых треножников — ἑπτ' ἄλυροὺς τρίποδας²⁰⁴ в выкупе Агамемнона (*Il.* 9. 121-32, 9.264-73. *Il.* 19.243-48); в качестве первого приза в колесничных бегах на играх в честь Патрокла Ахилл ставит двадцатидвухмерный (δωκαεικοσίμετρον) ушатый треножник вместе с женщиной рабыней: θῆκε γυναῖκα ἄγεσθαι ἀμύμονα ἔργα ἰδυῖαν // καὶ τρίποδ' ὠτώεντα δωκαεικοσίμετρον (*Il.* 23, 263-264); победителю в борьбе на играх в честь Патрокла наградой служит огромный треножник пригодный для огня (ἐμπυριβήτην), оцененный в двенадцать быков: μέγαν τρίποδ' ἐμπυριβήτην, // τὸν δὲ δωδεκάβοιον ἐνὶ σφίσι τῖον Ἀχαιοί (*Il.* 23, 702-703); треножник (περὶ τρίποδος γὰρ ἔμελλον) в качестве награды в колесничных бегах вспоминает Нестор (*Il.* 11, 700); погоню Ахилла за Гектором поэт сравнивает с гонкой колесниц за награду треножник или рабыню: μέγα κεῖται ἄεθλον // ἢ τρίπος ἢ ἐ γυνή (*Il.* 22, 164); Агамемнон обещает подарить Тевкру треножник или коней с колесницей, или рабыню после разрушения Трои: ἢ τρίποδ' ἢ ἐ δύο ἵππους αὐτοῖσιν ὄχεσφιν // ἢ ἐ γυναῖχ', ἢ κέν τοι ὁμὸν λέχος εἰσαναβαίνοι (*Il.* 8, 290-291).

Евстафий в комментарии к *Il.* 9, 122 описывает ἄλυροι τρίποδες как сосуды для смешивания вина и утверждает, что под ἄλυροι τρίποδες у Гомера подразумеваются кратеры: ὁ δὲ ἕτερος κρατὴρ καλούμενος, ὅποιοι οἱ

²⁰⁴ ἄλυροι τρίποδες, согласно Афинею, обозначают треножники. Афиней также замечает, что другим названием треножников является существительное λέβης: τρίπους χαλκοῦς, οὐχ ὁ πυθικός, ἀλλ' ὃν νῦν λέβητα καλοῦσιν. οὗτοι δ' ἦσαν οἱ μὲν ἄλυροι, εἰς οὓς τὸν οἶνον εἰσεκεράννουν, οἱ δὲ λοετροχόοι, ἐν οἷς τὸ ὕδωρ ἐθέρμαινον, καὶ ἐμπυριβῆται. Καὶ τούτων ἔνιοι ὠτώεντες, τρίποδα δὲ τὴν ὑπόβασιν (*Athen. Deipnosoph.* II, 6, 16 - 23) — «Медный треножник, не пифийский, но подобный тем, что ныне называются котлами (λέβητα). Одни из них не ставились на огонь (ἄλυροι), но использовались для смешивания вина, а в других, предназначенных для омовения (λοετροχόοι), подогревалась вода, и они ставились на огонь. Некоторые из них (ὠτώεντες), но опиравшиеся на три ножки, назывались треножниками». Таким образом, получает объяснение постоянное упоминание треножников и котлов вместе при перечислении даров.

παρ' Ὀμήρῳ ἄλυροι, ἐν οἷς οἶνον ἐκίρνων (Eust. Commentarii ad Iliadem, II 672. 15-16). Приводится замечание о том, что некоторые интерпретируют ἄλυροι τρίποδες не как непредназначенные для нагревания на огне, а как еще не обожженные, т.е. новые сосуды, в противоположность αἵθωνες τρίποδες (II. 23, 233 выкуп Приама), которые обозначают сосуды, уже обожженные огнем: Ἐτεροι δὲ ἀλύρους μὲν νοοῦσι τοὺς μήπω πυρὶ ὀμιλήσαντας, αἵθωνας δὲ τοὺς ἤδη πυρωθέντας (Eust. Commentarii ad Iliadem, II 671. 20-22). И можно добавить сюда упомянутый приз победителю в борьбе — большой пригодный для огня треножник — μέγαν τρίποδ' ἐμπυριβήτην (II. 23, 702).

ti-ri-po

В микенских текстах упоминается несколько треножников *ti-ri-po* /*tripōs*/ (nom. dual *ti-ri-po-de*) в пилосской серии PY Ta 641, PY Ta 709, предназначенных для проведения пиршеств.

PY Ta 641:

.1a , ke-re-a2 , *201VAS/
 .1b ti-ri-po-de, a3-ke-u, ke-re-si-jo, we-ke *201VAS 2 ti-ri-po, e-me, po-de, o-wo-we *201VAS 1 ti-ri-po, ke-re-si-jo, we-ke, a-pu, ke-ka-u-me-ṇo[

/tripode aigēus krēsiowergēs *201VAS 2 tripōs hemei podei owowens *201VAS
 1 tripōs krēsiowergēs apukekaumenos skeleha *201VAS/

“Два треножника критской работы эгейского типа(?)²⁰⁵, треножник ушаты с одной ногой, треножник критской работы с обожженными ножками”.

²⁰⁵ Вентрис и Чедвик допускают в качестве одной из интерпретаций имя мастера, изготовившего треножники: a3-ke-u /aigeus/ ср. Αἰγεύς (Docs²: 336). Однако контекст скорее предполагает наличие прилагательного,

Табличка относится к серии пилосских табличек Та, цель которой – ревизия кухонной и столовой утвари в связи с большим праздником, проводимым по случаю назначения нового должностного лица (Killen 1998: 421). Перечисляются столы, троны, скамейки для ног, сосуды, для пира, в котором, по предположению Т. Палаймы, участвовало 22 человека²⁰⁶. На табличке РY Та 709 упоминаются *ti-ri-po*, *ke-re-si-jo*, *we-ke*, **34-ke-u* **201VAS /tripōs krēsīowergēs/* — «треножник критской работы, типа **34-ke-u*», а также *ti-ri-po*, *ke-re-si-jo*, *we-ke*, *o-pi-ke-wi-ri-je-u* **201VAS /tripōs krēsīowergēs/* — «треножник критской работы, типа *o-pi-ke-wi-ri-je-u*». Прилагательное *o-pi-ke-wi-ri-je-u* Палмер предлагает сопоставлять с греческим κεῖρις и интерпретировать как описание орнамента с птицами или другой форму ручек сосуда²⁰⁷. Кеῖρις встречается в лексиконе Гесихия и обозначает сокола или зимородка: κεῖρις ὄρνειον. ἱέραξ. οἱ δὲ ἀλκυόνα.

В микенских текстах также засвидетельствована уменьшительная форма с суффиксом -иок- *ti-ri-po-di-ko* */tripodiskos/* на микенской табличке МY Уе 611. Табличка интересна тем, что с одной этой ее стороны дан достаточно большой перечень сосудов (recto), с другой, возможно, описание жертвоприношения, включающее еду (verso). Обе стороны никак

характеризующего треножник, а не имени мастера, в этом случае аз-ке-и может быть прилагательным, образованным от αἴζ, αἰγός и обозначать треножник, украшенный изображением козьей головы с ручками, по форме напоминающими козлиные рога (*DMic I*, 133). Идеограмма

изображает треножник с вертикальными ручками . Палмер ссылается на эту идеограмму в качестве подтверждения интерпретации прилагательного аз-ке-и как «обладающий ручками в виде рогов козы» (Palmer 1963: 344).

²⁰⁶ Во всей серии перечислены 11 столов, исходя из того, что за каждым из них сидело по два человека, предполагается участие 22 человек (Palaima 2000: 237).

²⁰⁷ Идеограмма отличается от вида типа аз-ке-и, выглядит .

не связаны друг другом, что довольно редко встречается (еще один пример РY An 35). На месте находки таблички в «Доме сфинксов» обнаружено около 1000 сосудов, причем как минимум 19 различных видов. Среди перечисленных на табличке MY Ue 611 ясно читаются²⁰⁸ *ku-pe-ra* /*kupella*/ ср. κύπελλα; *pe-ri-ke* /*pelikes*/ ср. πέλικες; *Jka-ra-te-ra* /*kratēra*/ ср. κρατήρ; *po-ro-ko-wo* /*prokhowoi*/ ср. πρόχοος; *a-ta-ra* /*antla*/ ср. ἄντλον, *ka-na-to* /*kanasthoi*/ ср. κανάσθον, которое встречается в надписях IV в. до н.э., *ka-ra-ti-ri-jo* представляет собой /*kratrio*/, где суффикс -ter- в нулевой ступени + уменьшительный суффикс -io- (стоит также обратить внимание, что небольшие сосуды *ka-ra-ti-ri-jo* и *ti-ri-po-di-ko* стоят рядом), *a-po-re-we* /*amporēwes*/ ср. ἀμφορεύς; *pa-ke-te-re* отождествляют или с /*paktēres*/ ‘сосуд для сыра’ (ср. πήκτή) или /*sphakteres*/ ‘сосуд для крови жертвенных животных’ (ср. σφαγή). Вероятно, табличка содержит неполный их перечень, так как только семь из упоминаемых в табличке видов сосудов были найдены в «Доме сфинксов». К сожалению, табличка не содержит идеограмм, что не позволяет точно идентифицировать каждый сосуд.

Бронзовые треножки использовались в микенскую эпоху, позднее треножки изготавливались также из железа и могли представлять собой цельный предмет. Треножки, состоящие из бронзовых сосудов, украшенных изображениями сирен и грифонов, и железных трехногих подставок впервые появляются на Кипре вследствие влияния финикийцев (Boardman T., Hammond N. G. L. 1982: 62).

Примечателен эпитет ὠτώεις ‘ушатый’ (только в II. 23. 264 и Hes. Op. 657) тем, что сочетается только с треножкой (ὠτώεις τρίπους) и что имеет параллель с микенским прилагательным *o-wo-we* с тем же значением и в том же контексте (PY Ta 641). Микенская форма *o-wo-we* /*ohwowents*/ реконструируется как **ohFóFevs* (суф. -Fevт-, основа **ohFo-* < **ohwη-* <

²⁰⁸ Docs²: 331-332.

**ousn*) и **ohFáFevt-* (где /α/ < *n) с недопустимым в исполнении аэдов зиянием, которое преодолевается вставным -т- **ohFát-* > **ohFatóFevt-* > ион. οὐατόεντ-²⁰⁹. Последнее строится по продуктивной модели словообразования ср. αἰματόεις, ἄστερόεις (Lamberterie 2009: 92). Треножки Гефеста на колесиках описываются как уже готовые, но еще «без ушек»: οἱ δ' ἦτοι τόσσον μὲν ἔχον τέλος, οὔατα δ' οὐ πῶ // δαιδάλεα προσέκειτο τά ῥ' ἦρτυε, κόπτε δὲ δεσμούς — «хитроумные ушки еще не приделал, их он мастерил, ковал крепления» (Ил. 18. 378-379). Форма οὔατα является результатом метрического удлинения.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о микенском происхождении устойчивого сочетания τρίποδ' ὠτώεντα сохранившегося в эпической традиции.

3.5. λέβης

²⁰⁹ Реконструкция Ш. Ламбертери основы οὔς ‘ухо’ из **aus-* (лат. *auris*, *auscultare*) или **us-* (иран. dual. **uš-t-*), которые можно представить в виде **h₂eus-/h₂us-*. Форма **ous-* для греческого языка представляет собой ступень индоевропейского корня **h₂ous-*. Хотя в греческом языке второго тысячелетия засвидетельствована форма с **aus-* в слове «щека»: мик. *ra-wa-jo* (KN Sk 789, PY Sh 737) *παράφαίω* “нащечники”, пластинки, защищающие щеки, в гомеровских эпитетах как *καλλι-πάρης* «с красивыми щеками». Но **aus-* изменяется в **ous-sous* под влиянием основы **ok^u* ‘глаз’. Прибавлением к основе окончания среднего рода получается форма **ous-e/os*. Таким образом получают две реконструкции: 1. основа **ous-e/os* (например, *αμφῶες* у Феокрита (Theoc., Id. 1. 28); 2. основа **ous-n-*, которая расширяется до **ous- nt-*. Затем возникает вопрос о *n* в составе корня. Ссылаясь на работы П. Кипарского, Ламбертери восстанавливает его **-us-* в корне со следующим переходом: ослабление сибиланта + инверсия **-us-> *-uh-> -hu-* или инверсия, а затем ослабление сибиланта **-us-> *-su-> *-hu-*. В итоге реконструкция выглядит для ион. οὔς: **ohwos<*ous-os>* ион. **/ōwos/ > */ōos/ > */oōs/ > */ōs/*; для дор. ὠς **/ōwos/ > */ōos/ > */ōs/* (Lamberterie 2009).

В списках даров λέβης упоминается в выкупе Агамемнона (*Il.* 9, 123; 265; 19, 243): αἶθωνας δὲ λέβητας ἐείκοσι — «двадцать блестящих тазов»; в выкупе Приама: ἐκ δὲ δὺ' αἶθωνας τρίποδας, πίσυρας δὲ λέβητας — «два блестящих треножника, четыре котла» (*Il.* 24, 233); Менелай обещает Телемаху, что в поездке по соседним городам его щедро одарят: ἢέ τινα τριπόδων εὐχάλκων ἢέ λεβήτων// ἢέ δὺ' ἡμιόνους ἢέ χρύσειον ἄλεισον — «или какой-нибудь треножник медный или котел, или пару мулов или золотую чашу» (*Od.* 15, 84-85), Алкиной призывает одарить еще раз Одиссея треножником и котлом (*Od.* 13, 13).

В поэмах Гомера λέβης фигурирует как емкость (скорее таз или котел), в котором кипятили воду (*Od.* 12, 234) или омывали ноги (*Od.* 19, 386, 369), или в который стекала вода при омовении рук²¹⁰. О некоторой синонимии λέβης и τρίπους было сказано выше (см. цитату из Афинея в сноске 197), еще можно привести замечания из словаря Поллукса, что для нагрева воды перед омовением использовался небольшой медный сосуд, например, λέβης или τρίπους: καὶ γὰρ τὸ χαλκίον ἔν τι τῶν λουτρῶν, ὥσπερ καὶ λέβης καὶ τρίπους ὁ ἐμπυριβήτης (*Poll. Onomasticon.* X, 63,12- 64,1). Λέβης, также как и τρίπους, описывается в тексте эпитетами ἄπυρος и αἶθων (сверкающий, блестящий). При кипячении воды λέβης ставили на огонь: λέβης ὥς ἐν πυρὶ πολλῷ πᾶσ' ἀναμормύρεσκε κυκωμένη — «(Клокочущая вода в недрах Харибды) бурлит подобно тому, как вода в тазу, стоящем на огне» (*Od.* 12, 237-238). В двадцать первой песни «Илиады» описывается приречная битва – Гефест нагревает реку Ксанф, которая сравнивается с кипящим в котле жиром: ὥς δὲ λέβης ζεῖ ἔνδον ἐπειγόμενος πυρὶ πολλῷ // κνίσην μελδόμενος ἀπαλοτρεφέος σιάλοιο //πάντοθεν ἀμβολάδην, ὑπὸ δὲ ξύλα κάγκανα κέϊται — «словно котел, стоящий на жарком огне, кипит, растопляя

²¹⁰ Ebeling 1885: 975.

жир откормленного борова, полностью закипев под горящими дровами» (*Il.* 21, 362-364).

Украшенный изображениями цветов сосуд служил наградой в состязании на копьях между Агамемноном и критянином Мерионом, однако Ахилл решил наградить без боя Агамемнона как самого искусного в метании копий: καὶ δὲ λέβητ' ἄπυρον βοὸς ἄξιον ἀνθεμόεντα (*Il.* 23, 885). Тазы, как правило, были бронзовые. Так, например, тот сосуд, который в 10-й песни «Одиссеи» обозначен как ἐνὶ ἥνοπι χαλκῷ (*Od.* 10, 360), скорее всего и есть λέβης, а в 19-й песни описывается, как зазвенела медь (κανάχησε δὲ χαλκός (*Od.* 19, 369), после того как Эвриклея выронила ногу Одиссея, и она со звоном опустилась в λέβης.

В формуле омовения рук упоминается серебряный λέβης: χέρνιβα δ' ἀμφίπολος προχόῳ ἐπέχευε φέρουσα // καλῇ χρυσείῃ, ὑπὲρ ἀργυρέοιο λέβητος, // νίψασθαι (*Od.* 1, 136-134; 4, 53-55; 7, 172; 15, 130; 17, 84). Вызывает сомнение у комментаторов появление формулы в десятой книге (*Od.* 10. 367), так как в папирусах и в большинстве средневековых рукописей текст отсутствует. Герои «Илиады» обычно не моют руки перед едой, но этот обычай распространен в «Одиссее» и соблюдается даже тогда, когда герой только что вышел из ванны (*Od.* 4, 48ff.; 17, 68ff.). Это позволяет предположить, что он имеет, по крайней мере частично, религиозное значение²¹¹.

Прямого соответствия в микенских текстах эта лексема не имеет. Вероятно, что λέβης является новым гомеровским названием сосуда φιάλη, так как этим словом у Гомера обозначается некая более древняя форма сосуда, отличающаяся от классической плоской фиалы. В данном случае мог подразумеваться сосуд, по форме напоминающий микенскую идеограмму в табличке KN K 93, которая представляет собой обломок без

²¹¹ West S. 1987: 94.

слоговых знаков, а именно нижний сосуд . Можно провести параллель между сосудами на идеограмме и эпической формулой омовения рук. Тот факт, что котел ставился на огонь и синонимия с треножниками, может свидетельствовать о том, что этот сосуд должен иметь ножки, и такое изображение мы наблюдаем на идеограмме KN K 93. Найденный при раскопках Тиринфа бронзовый треножник на низких ножках имеет сходство с кносской идеограммой²¹².

Неизвестно, было ли слово λέβης в микенском греческом, однако такого рода сосуды определенно существовали в микенское время, название которых до нас не дошли, а ритуальное омовение рук весьма вероятно восходит к микенскому прошлому, если принять комплекс идеограмм с изображением набора ручной посуды на кносской табличке KN K 93 в качестве свидетельства.

3.6. φιάλη

Гомеровская лексема φιάλη, в отличие от обозначения в более поздних текстах, обозначает или котел или сковороду, пригодную для огня²¹³. Φιάλη упоминается в качестве пятого приза в состязаниях на колесницах: πέμπτῳ δ' ἀμφίθετον φιάλην ἀπύρωτον ἔθηκε – «пятому выставил двуручную не бывшую в огне чашу» (*Il.* 23, 270). Кости Патрокла помещают в золотую фиалу и покрывают двойным слоем жира: ἐν χρυσῇ φιάλῃ καὶ δίπλακι δημῷ (*Il.* 23, 243). В «Одиссее» упоминается золотая амфора, в которую положили кости Ахилла: δῶκε δὲ μήτηρ // χρύσειον ἀμφιφορῆα· Διωνύσοιο δὲ δῶρον // φάσκ' ἔμεναι, ἔργον δὲ περικλυτοῦ Ἠφαιστοῖο. // ἐν τῷ τοι κεῖται λεύκ' ὅστέα – «золотую амфору мать подала, дар Диониса, как она сказала, знаменитого Гефеста работа. В ней лежат твои белые кости» (*Od.*

²¹² Bruns G. 1970: Q 19.

²¹³ basin-shaped vessel of metal (*Lfgre IV*: 917).

24, 73-76). В «Илиаде» эта погребальная урна называется σορὸς ἀμφιφορεῦς: тень Патрокла просит Ахилла похоронить его, положить кости в урну золотую двуручную, которую подарила тебе мать: ὥς δὲ καὶ ὀστέα νῶϊν ὁμῇ σορὸς ἀμφικαλύπτοι // χρύσεος ἀμφιφορεῦς, τὸν τοι πόρε πότνια μήτηρ (Il. 23, 91-92). 92-й стих атетирован Аристархом и он отсутствует в птолемеевском папирусе (pap. 12) (Richardson 1993: 176 с ссылкой на West 1967: 171). Эти стихи цитирует Эсхин в речи против Тимарха, но они переставлены (Aeschin. In Tim. 149)²¹⁴.

pi-a2-ra

В микенских текстах встречается форма pi-a2-ra /phihala/ на пилосской табличке PY Tn 996.2 рядом с идеограммой *219 VAS , напоминающей таз. Подобные бронзовые тазы диаметром от 35 до 40 см., найденные на Крите и в континентальной Греции, датируемые дворцовым периодом микенского времени, все снабжены двумя или тремя ручками, расположенными вертикально. Иной вариант написания встречается на табличке PY 709 pi-je-ra3 /phijelai/ таблички Та 709: pi-je-ra 3 ,to-qi-de-ja 3, где /phijelai tork^u idejai/ – «φιέλαι украшенные спиралью».

Колебание гласных α / ε наблюдаются в догреческих заимствованиях: ὕαλος / ὕελος; так же встречается в словах и.-е. происхождения: ἱαρός: ἱερός из *isr: *iser-. К. Ройх предлагал рассматривать слово как πι-ᾱλα / πι-ῆλα (ἐπι + ἔλεϊν) (Rujigh 1967: 56, n 45). Однако, микенский материал не позволяет реконструировать -ι- или -sι- в середине слова, которые бы сохранила микенская запись. Шантрэн предлагает видеть заимствование (DELG: 1203), так же Бекес видит заимствование, замечая, что встраивается в ряд инструментов с исходом на -αλη- -αλο- (σκυτάλη, γύαλον, η) (Beekes 2010: 1571).

²¹⁴ Ed. Martin, V., de Budé, G. 1927.

3.7. ἀσάμινθος

ἀσάμινθος – ‘ванна’, встречается у Гомера с постоянным эпитетом ἐυξέστος и входит в состав формулы: ἔς ῥ' ἀσαμίνθους βάντες ἐυξέστας λούσαντο (*Od.* 4, 48, 17, 87, *Il.* 10, 576), в других контекстах стоит в начале стиха в определенной метрической позиции (– ∪ ∪ / – – / – [∪]) с предлогом и частицей: ἔς ῥ' (δ') ἀσαμίνθον(ους) / ἔκ ῥ' (δ') ἀσαμίνθου (*Od.* 3. 468; 8. 450, 456; 10. 361; 17 90, 23. 163; 24. 370). И только один раз мы находим ἀσάμινθος вне формульного выражения, в 4-ой песни при перечислении египетских даров Менелая: ὃς Μενελάῳ δῶκε δὴ ἄργυρέας ἀσαμίνθους (*Od.* 4. 128). Предшествующее списку даров описание богатств египетских Фив и само их появление в тексте проблематично: ὃς ἔναι' ἐνὶ Θήβης // Αἰγυπτίης, ὅθι πλεῖστα δόμοις ἐν κτήματα κεῖται, комментаторы приходят к выводу, что в этом эпизоде не могут подразумеваться Фивы XVIII династии (с.1417-1379гг. до н. э.), и вероятно, речь идет о Фивах конца VIII начала VII вв. до н. э.²¹⁵

Лексема ἀσάμινθος, вероятно, не была общеупотребительной во время создания поэм и являлось одним из элементов поэтического языка, так как после Гомера практически не употреблялось, кроме редких случаев, когда автору было необходимо передать характерные эпические формы, так, например, у Кратина, для создания комического эффекта: ἐξ ἀσαμίνθου κύλικος λείβων (*Cratin. com. fr.* 234), или когда речь шла об архаичном обряде. Так Павсаний упоминает ἀσάμινθος в описании обряда служения при храме Афины, находящегося в Фокиде: (*Paus.* 10. 34): ἱερᾶται δὲ ἔτη συνεχῇ πέντε, ἐν οἷς τὴν τε ἄλλην δίαιταν ἔχει παρὰ τῇ θεῷ καὶ λουτρὰ αἱ ἀσάμινθοι κατὰ τρόπον εἰσὶν αὐτῷ τὸν ἀρχαῖον — «Свои жреческие

²¹⁵ S. West 1987: 202. При чем Стефани Уэст замечает, что «none of the gifts mentioned in this catalogue is characteristically Egyptian».

обязанности он исполняет подряд пять лет, в течение которых он ведет особую жизнь при богине и для омовений пользуется, по древнему обычаю, большими чанами». Во всех остальных случаях для названия ванны были распространены слова: πύελος, βαλανεῖον, σκαφή, μάκρα, δροίτη и др.

ἄσάμινθος – греческое слово, как и многие слова из догреческого субстрата, оканчивающиеся на -ινθος (ср. Κόρινθος, λαβύρινθος, ὑάκινθος), возможно, автохтонное (Beekes 2010: 146). По другой версии может восходить к ближневосточному корню *asam-* (шумер. AN.ZA.AM – ‘питьевой сосуд’, аккад. *assammu(m)* “питьевой сосуд, преимущественно для пива”)²¹⁶. Семереньи предлагает иную интерпретацию, связывая происхождение с аккадским словом – *nemsētu*, которое в угаритском языке и текстах Нгузи встречается в форме *namsītu*, где общий корень *namsû* может значить как ‘ванна’, так и ‘сосуд’. Ранняя форма *namasû*, *namasītu*, как считает Семереньи, была заимствована греками в виде ἄσάμινθος: и.-е. *namasītu* > *namasittu* под воздействием диссимиляции > *namasint(h)-* > *amasinth-* > *asaminth-* (метатеза)²¹⁷.

a-sa-mi-to

В микенских текстах, помимо идеограмматических изображений, встречается форма *a-sa-mi-to* рядом *ke-ni-qa* и знаком бронзы AES над идеограммой сосуда *246 на подвеске KN Ws 8497. Текст расположен на небольшой глиняной подвеске, на трех сторонах содержащей знаки:

Fig. 9.19-21. KN Ws 8497 (CoMik IV, 64)

²¹⁶ DELG: 102; Furnée 1972: 45-46.

²¹⁷ Szemerényi 1971: 657. Бекес называет этимологию Семереньи “Improbable speculations” (Beekes 2010:146)

Точное значение этой идеограммы пока неизвестно²¹⁸, однако внешний вид и стоящие рядом *ke-ni-qa* и *a-sa-mi-to* дают основание предположить, что за идеограммой скрывается сосуд, имеющий отношение к омовению. Форма *a-sa-mi-to* уверенно читается как /asaminthos/ и соответствует лексеме греческого языка первого тысячелетия. Форма *ke-ni-qa* в силу слогового характера письма может быть прочитано тремя способами, при этом каждое из чтений отталкивается от композита $\chi\acute{\epsilon}\rho\nu\psi < \chi\acute{\epsilon}\iota\rho + \nu\acute{\iota}\pi\tau\omega$:

1. /khernig^us/ nom. sg. $\chi\acute{\epsilon}\rho\nu\psi$ - конечный слог представляет собой графическую условность, как *wa-na-ka* /wanaks/ или *me-na* /mēns/;
2. /khernig^ua/ nom.pl. $\chi\acute{\epsilon}\rho\nu\beta\omicron\nu$;
3. /khernig^uas/ acc. sg. от $\chi\acute{\epsilon}\rho\nu\psi$.

Композит $\chi\acute{\epsilon}\rho\nu\psi$ состоит из производных частей от $\chi\acute{\epsilon}\iota\rho$ и $\nu\acute{\iota}\zeta\omega$ без соединительного гласного: $\chi\epsilon\rho < \chi\epsilon\rho\rho- < \text{и.-е. } *g\acute{h}es-r-$ (эол. форма acc. sg. $\chi\acute{\epsilon}\rho\rho'$, acc. pl. $\chi\acute{\epsilon}\rho\rho\alpha\varsigma$)²¹⁹ и $\nu\psi < *n(e)igu + s$, микенская форма сохранила лабиовелярный. Словообразовательная модель относится к типу корневых композитов (Wurzelkomposita) без соединительного гласного, в которой встречается, в частности, тип Obj + Vb. Глагольное значение причастия может быть как активным, так и пассивным. В своей книге, посвященной словообразованию в языке гомеровских поэм, Эрнст Риш толкует $\chi\acute{\epsilon}\rho\nu\psi$ как 'Händewaschwasser' и определяет его к категории производных с активным значением, как $\kappa\acute{\omega}\lambda\eta\psi$ 'подколенная впадина', $\beta\omicron\upsilon\pi\lambda\eta\xi$ 'стрекало' и т.д.²²⁰.

Ив Дюу предлагает интересную интерпретацию этой формы – видеть в *ke-ni-qa* /khernig^uā/ прилагательное женского рода, определяющего

²¹⁸ Замечание Дюу с последующим разъяснением (*Companion*: 280). А. Bernabé и E.R.Luján в таблице микенских сосудов с полной уверенностью отождествляют идеограмму *246 с ἀσάμινθον (*Companion*: 226).

²¹⁹ NIL: 170.

²²⁰ Risch 1974: 177.

ἄσάμινθον. В качестве аргумента он приводит соответствие с табличкой РY

Tn 996, где идеограмме предшествуют прилагательные *a-te-re-e-te-jo* и *re-wo-te-re-jo*, последнее читается как /*lewotrejō*²²¹ (dual.) ‘для мытья’, тем самым указывая, что микенскому письму свойственно ставить прилагательное рядом с идеограммой, заменяющей собой название предмета, к которому относится прилагательное. Микенская форма *re-wo-to-ro-* /*lewotro*/ λοετρο- возникла из *lewo-* закономерно, а в послемикенское время слитная форма употреблялась в позднем греческом языке; гом. λοετροχόος результат неправильной интерпретации слитной формы λουτροχόος. Сомнение вызывает окончание женского рода *ā* для композита, так как такие прилагательные в микенских текстах являются прилагательными двух окончаний, а также и то, что **khernig^uos* не сохранилось в древнегреческом языке позднейшего периода. С другой стороны, существуют прилагательные, образованные по той же модели (ср. гом. κορυθαίξ ‘потрясающий шлемом’, παραβλώψ ‘глядящий искоса’), однако эта параллель не снимает вопрос об окончании. Еще одним аргументом служат для Дюу данные таблички MY Wt 503 из «Дома Сфинксов», содержащие наименования сосудов однокоренных с χέρνιψ: *ke-ni-qe-te-we* /*khernik^wtēwes*/ pl. или dual. Таким образом он предлагает читать *khernig^uā asaminthos* ‘рукомойная ванна’, снимая несоответствие идеограммы и двух сосудов. Для второго прилагательного, стоящего рядом с идеограммой *226 в табличке РY Tn 996 *a-te-re-e-te-jo* пока не удалось найти точное соответствие в греческом лексиконе, но предполагалось видеть в нем /*antles-et^e/o-īos* / производное от ἄντλος, где окончание *e-te-jo* может быть соотнесено с классическим -ητικός (ἀντλητικός ‘пригодный к

²²¹ *re-wo-te-re-jo* /*lewotrejoi*/ ‘для мытья’ – производное от глагола λούω, восходящего к и.-е. корню - **leu_{h3}-* ‘мыть’: лат. *lauo* < **lou-o* - < **leu-o* - < **leu_{h3}-e/o*.

промыванию’), но удвоение гласных, даже в слитных глаголах, — аномальное явления микенской графики²²².

Что касается внешнего вида ἄσάμινθος, то есть основания полагать, что идеограмма, изображенная на подвеске KN Ws 8497, отображает этот предмет. Помимо KN Ws 8497 идеограмма *246 встречается еще на табличках: KN U 437: /ko-so-ni-ja; *246 6 (также на табличке без слоговых записей KN U 5186). Точное соотношение идеограммы с предметом дать пока не удалось, но то, что она фигурирует в KN Ws 8497 рядом с ἄσάμινθος и χέρνιβον наводит на мысль, что это схематичное изображение ванны. С другой стороны табличка KN U 437 с стоящим рядом с идеограммой ko-so-ni-ja, которое J.-P.Olivier²²³ читает как /axonia/ “небольшие оси (для колесницы?)”, не допускает такую интерпретацию. Другая идеограмма —

 *225, единственный раз встречающаяся на табличке PY Tn 996 своим видом напоминает ванну, найденную в Кноссе²²⁴.

3.8. кратήρ

Кратер упоминается в списке ложных даров Одиссея: δῶκα δέ οἱ κρητήρα πανάργυρον ἀνθεμόεντα — «дал я ему серебряный украшенный цветами кратер» (*Od.* 24, 275), с тем же эпитетом (ἀνθεμόεντα), что и для λέβης (*Il.* 23, 885); первая награда бегунам на играх в честь Патрокла — прекрасный серебряный кратер сидонской работы, о котором рассказывается история, как его привезли финикийцы продать в Лемнос и предложили в дар Фоасу, как царь Эвней, выкупая пленного Ликаона, отдал кратер Патроклу: ἀργύρεον κρητήρα τετυγμένον: ἐξ δ’ ἄρα

²²² Docs²: 338.

²²³ Olivier, Vandenabeele 1979: 177.

²²⁴ Docs²: 338-339.

μέτρα // χάνδανεν, αὐτὰρ κάλλει ἐνίκα πᾶσαν ἐπ' αἶαν // πολλόν, ἐπεὶ Σιδόνες πολυδαίδαλοι εὖ ἤσκησαν (Il. 23.741-743). Жрец Аполлона Марон подарил Одиссею серебряный кратер, золото и двенадцать амфор вина: ὁ δέ μοι πόρεν ἄγλαα δῶρα· // χρυσοῦ μὲν μοι ἔδωκ' ἐυεργέος ἑπτὰ τάλαντα, // δῶκε δέ μοι κρητῆρα πανάργυρον, αὐτὰρ ἔπειτα // οἶνον ἐν ἀμφιφορεῦσι δώδεκα πᾶσιν ἀφύσσας (Od. 9. 202-205).

Кратеры использовались на пирах в типической сцене: κοῦροι δὲ κρητῆρας ἐπεστέψαντο ποτοῖο, // νόμησαν δ' ἄρα πᾶσιν ἐπαρξάμενοι δεπάεσσιν – «слуги (κοῦροι) смешивали питье в кратерах и обносили всех участников пира кубками δεπάεσσιν, чтобы налить первые капли для возлияния (ἐπαρξάμενοι)». Перед тем как выпить вина совершается возлияние в виде сбрызгивания нескольких капель вина на землю: οἶνον δ' ἐκ κρητῆρος ἀφυσσόμενοι δεπάεσσιν // ἔκχεον, ἢ δ' εὐχοντο θεοῖς αἰειγενέτησιν – «проливали вино, зачерпывая чашами из кратера, и молились вечным богам» (Il. 3, 295 - 296); здесь, очевидно, кратер – это объемный сосуд, в котором смешивали воду с вином, а чаши (δεπάεσσιν) – небольшие сосуды, а глагол χέω, который употребляется в контексте возлияния небесным богам (далее идет молитва Зевсу)²²⁵.

ka-ra-te-ra

В микенских текстах сохранилось слово *Jka-ra-te-ra /krātēra/* κρᾱτήρ в табличке MY Ue 611 перечисляющей различные сосуды. Вероятно, форма *ka-ra-ti-ri-jo* на той же табличке представляет собой *krā-tr-io*, где суффикс *-ter-* в нулевой ступени + уменьшительный суффикс *-io*. Этимологически восходит к и.-е. корню **k^herh₂-* ‘смешивать’, ср. κεράννυμι. Время первого появления кратеров (ПЭ (позднеэлладский) IIIA1 или начало ПЭ IIB) в

²²⁵ Вызывает интерес употребление глагола χέω, который обычно обозначает возлияние мертвым (Kirk 1990: 292).

керамике по археологическим находкам совпадает с появлением микенских дворцов в материковой Греции. Более того, сохранение керамических кратеров с этого периода вплоть до восьмого века позволяет предположить, что впоследствии практика их использования продолжалась без перерыва (Sherratt 2004: 326)

3.9. δέπας

В списке даров выкупа за тело Гектора, как особая ценность, μέγα κτέρα — «великое приобретение», упоминается чаша δέπας, в да: ἐκ δὲ δέπας περικαλλές, ὃ οἱ Θρῆκες πόρον ἄνδρες // ἐξεσίην ἐλθόντι μέγα κτέρα (*Il.* 24. 234-235); и упоминается δέπας в качестве награды побежденному в кулачном бою на играх в честь Патрокла: τῷ δ' ἄρα νικηθέντι τίθει δέπας ἀμφικύπελλον (*Il.* 23. 656). Упоминается δέπας у Гомера более 20 раз в обеих поэмах. Постоянными эпитетами его служат: χρύσεος и ἀμφικύπελλον; синонимичный ряд составляют три слова δέπας, ἄλεισον и κύπελλον. Так, например, золотой кубок в речи Писистрата назван δέπας, далее χρύσειον ἄλεισον (*Od.* 3. 50), в конце же Афина берет καλὸν δέπας ἀμφικύπελλον (*Od.* 3. 63). Очевидно, ἄλεισον и δέπας (а также κύπελλον) воспринимались как взаимозаменяемые.

Этимология κύπελλον кажется довольно прозрачной. Фриск и Шантрен в своих этимологических словарях совпадают: корень индоевропейский *kūra-* родств. лат. *cūra*, скр. *kūra-* + суффикс *-l-* и *-jo-*. Помимо этого, κύπελλον родственно греч. *κυφός*, которое имеет *ū*. Есть вероятность, что κύπελλον засвидетельствовано на табличке *MY Ue 611*: *ku-re-ra* (κύπελλα). Довольно интересное значение приводит Гесихий в своем словаре: κύπελλον (A 596) – εἶδος ποτηρίου αὐτοῦ <тетраώτου>, а Афиней дает несколько объяснений : κύπελλα ἐκπώματα σκύφοις ὅμοια; или Σιμάριστος δὲ τὸ δίωτον ποτήριον Κυπρίου, τὸ δὲ δίωτον καὶ τετράωτον

Κρήτας. Любопытно, что количество ручек-ушек чаши варьируется от нуля до четырех²²⁶, факт, имеющий параллель с микенскими *di-ra* (см. ниже).

У Стесихора *δέπας* появляется как чаша, в которой Гелиос переплывает океан: Ἀέλιος δ' Ὑπεριονίδας δέπας ἐσκατέβαινε // χρύσειον, ὄφρα δι' ὠκεανοῖο περάσας // ἀφίκοιθ' ἰαράς ποτὶ βένθεα νυκτὸς ἐρεμνᾶς – «Гелиос, сын Гипериона, вошел в золотую чашу (*δέπας*), чтобы, переплыв океан, достигнуть глубины священной черной ночи» (Stesich. fr. 8.1 Page 1962). В Титаномахии чаша названа *λέβης*: Athen. 11, 470b Θεόλυτος δ' ἐν δευτέρῳ Ωρών (FGrHist 478 F 1) ἐπὶ λέβητός φησιν αὐτὸν (sc. τὸν Ἥλιον) διαπλεῦσαι, τοῦτο πρώτου εἰπόντος τοῦ τὴν Τιτανομαχίαν ποιήσαντος (Tit. Cys. fr. 8 (Bernabé 1987: 14).

У Писандра также фигурирует *δέπας*: чашу Гелиоса заимствует Геракл, а у Паниасида Геракл берет чашу у Нерея, и она названа *φιάλη*: Athen. 11, 469 с Πείσανδρος ἐν δευτέρῳ Ηρακλείας (fr.5) τὸ δέπας, ἐν ᾧ διέπλευσεν ὁ Ἡρακλῆς τὸν Ὠκεανὸν εἶναι μὲν φησιν Ἥλιου, λαβεῖν δ' αὐτὸ παρ' Ὠκεανοῦ <τὸν> Ἡρακλέα. μήποτε δέ, ἐπεὶ μεγάλοις ἐχαιρε ποτηρίοις ὁ ἥρως, διὰ τὸ μέγεθος παίζοντες οἱ ποιηταὶ καὶ συγγραφεῖς πλεῖν αὐτὸν ἐν ποτηρίῳ ἐμυθολόγησαν. Πανύασις δ' ἐν πέμπτῳ Ἡρακλείας παρὰ Νηρέως φησὶ τὴν τοῦ Ἥλιου φιάλην κομίσασθαι τὸν Ἡρακλέα καὶ διαπλεῦσαι εἰς Ἐρύθειαν (Panyas. fr. 9. (Bernabé 1987: 176-177) — «Писандр во второй книге Гераклеи (fr. 5) говорит, что чаша, в которой переплыл Геракл Океан принадлежала Гелеосу, Геракл взял ее у Океана. может быть из-за того, что этот герой любил большие чаши, поэты, в шутку над его ростом и размером, сочиняли

²²⁶ Описание формы сосуда и народные этимологии также можно найти у Афиней (Deipn. 11.24): Ἀσκληπιάδης ὁ Μυρλεανός: «δοκεῖ μοι φιαλῶδες εἶναι τὸ δέπας: σπένδουσι γὰρ ἐν αὐτῷ. καλεῖται δὲ δέπας ἥτοι ὅτι δίδεται πᾶσι τοῖς σπένδειν βουλομένοις εἴτε καὶ τοῖς πίνειν, ἢ ὅτι δύο ὦπας εἶχε: ταῦτα δὲ ἂν εἴη τὰ ὦτα. τὸ δὲ ἄλεισον ἥτοι ἀπὸ τοῦ ἄγαν λεῖον εἶναι ἢ ὅτι ἀλίζεται ἐν αὐτῷ τὸ ὑγρόν. ὅτι δὲ δύο ὦτα εἶχε δῆλον: «ἥτοι ὁ καλὸν ἄλεισον ἀναιρήσεσθαι ἔμελλε χρύσειον ἄμφωτον».

что он плыл в чаше. Паниасид же в пятой книге Гераклеи говорит, что Геракл добыл чашу Гелиоса (φιάλην) у Нерея и поплыл в Эриффею». Таким образом синонимия появляется иной синонимический ряд: δέπας, λέβης, φιάλη.

Употребление слова δέπας в составе формулы χρυσεῖφ δέπαϊ / χρυσεῖφ δέπαι сохранило просодические особенности флексии датива в гомеровском языке. Форма δέπαϊ в гомеровских поэмах встречается в 6 случаях с диерезой и долгой йотой в окончании (δέπαϊ) и один раз без диерезы с сокращением дифтонга перед гласным (δέπαι), причем в трех примерах долгое ι в арсисе не может быть объяснено позиционным удлинением перед группой согласных в начале следующего слова (*Il.* 23. 196; 24. 284-285; *Od.* 3. 40-41; 10. 315-316).

Так, например, в двадцать третьей песни «Илиады» Ахилл совершает возлияние Борею и Зефиру, чтобы они помогли разгореться пламени ритуального костра с телом Патрокла: πολλὰ δὲ καὶ σπένδων χρυσεῖφ δέπαϊ λιτάνευεν – «и, раз за разом возливая с помощью золотой чаши, молился» (*Il.* 23, 196). Завершив молитву ветрам и убедившись, что огонь погребального костра разгорелся, Ахилл совершает возлияния мертвому Патроклу: теперь он льет на землю (χαμάδις χέε) вино, зачерпывая чашей (ἐλὼν δέπας) из золотого кратера: χρυσεῖου ἐκ κρητῆρος ἐλὼν δέπας ἀμφικύπελλον // οἶνον ἀφυσσόμενος χαμάδις χέε, δεῦε δὲ γαῖαν // ψυχὴν κικλήσκων Патрокλῆος δειλοῖο (*Il.* 23, 219-221) — «взяв двуручную чашу, зачерпывая из золотого кратера, он лил вино на землю и орошал ее, призывая душу несчастного Патрокла». Затем идет описание обряда погребения Патрокла, включающего в себя человеческие жертвоприношения.

Интересно, что культ ветров существовал в микенское время и архаичность контекста с восстановлением древней флексии может восходить к микенскому времени. В микенских табличках из Кносса KN Fr

1, Fr 13 упоминается a-ne-mo i-je-re-ja /anemōn iĵereĵa/ (жрица ветров), так что можно предположить, что существовал культ ветров (обожествление стихий), которым совершали подношения в виде масла. Это единственное ясное упоминание в комнате “глиняного ларца” (Clay Chest Room) о подношении, сделанном отдельному человеку, а не божеству или местности. Жрице, возможно, полагалось в определенные периоды года совершать подношения для призыва благоприятных ветров для плавания.

В примере πολλὰ δὲ καὶ σπένδων χρυσέῳ δέπαϊ λιτάνευεν (Il. 23, 196) форма δέπαϊ в dat. instr. при причастии σπένδων с долгой йотой в окончании перед одиночным согласным может указывать на микенскую древность примера: долгота гласного (если только это не употребление metri causa) может быть объяснена тем, что в этой позиции могла быть форма *depahei с древним окончанием датива в арсисе 5-й стопы дактилического гекзаметра. В греческом языке первого тысячелетия произошло замещение окончания древнего датива -ei локативным окончанием -i, которое получило значение трех падежей в результате синкретизма датива, локатива и инструменталиса²²⁷. Однако окончание -ei сохранилось в некоторых формах (например, в кипрском имени Διῒ Φειφίλος ‘милый Зевсу’) ²²⁸. Некоторые примеры флексии датива с долгим ī в эпических текстах объяснялись удлинением перед сонорным (напр., λίσσοιμ’ Ἀχιλλῆϊ μεθέμεν χόλον, ὃς μέγα πᾶσιν (Il. 1, 283) или влиянием последующей цезуры. Однако в гомеровских поэмах сохранилось немало форм с долгим ī вне позиционного удлинения и не перед сонорным, за которыми могут стоять архаические формы датива на -ei²²⁹, например, форма Δί ‘Зевсу’ (в строке ἄλλ’ ἴθι νῦν Πάτροκλε Διὶ φίλε // Νέστορ’ ἔρεο (Il. 11. 611) «а теперь иди, Патрокл, милый Зевсу, спроси Нестора»), которая после расшифровки

²²⁷ Rix 1992: 120.

²²⁸ ICS 327.A 8 (650–500 до н. э.); ICS 352.1.3 (400–325 до н. э.).

²²⁹ Wathelet 1962: 14.

микенских текстов была сопоставлена с формой *di-we* /*diwei*/ (‘Зевсу’), и долгое *i* в ней было объяснено сохранением просодии древнего датива *-ei*²³⁰.

di-pa

Слово *δέπας* обычно соотносится с микенским *di-pa* /*dipas*/ ‘кубок’. Бекес предполагает родство с лув. *tipas*/ *terpas*. Шантрэн определяет слово как лувийское заимствование и так же сравнивает с лув. *terpas-*. Хейнсворт связывает *δέπας* с хеттским *tapišana* (‘сосуд, чаша’). Проблема огласовки корня *δέπας* / *di-pa* может восприниматься как признак заимствования, как и *e/i* в микенском *ku-te-so* и *κύτις* в греческом первого тысячелетия (‘черное дерево’). *δέπας* относится к существительным среднего рода с древней сигматической основой на *-ας* < *-h₂s* (таким как *γέρας* ‘награда’, *κέρας* ‘рог’), которые являются более редкими, чем основы на *-ος* (*τὸ γένος*, *γένους*). От *δέπας* в гомеровских текстах встречаются формы gen. pl. *δέπων*, слитная форма асс. pl. *δέπα*, dat. pl. *δέπαεσσι* и более древняя форма *δέπασσι*. Форма с диерезой *δέπαϊ* отражает следы выпавшей сигмы, которая в виде придыхательного еще сохранялась в микенской форме nom. dual. *di-pa-e* /*dipahe*/ (< *-h₂s* - *H₁*).

В кносской табличке, KN К 829 (сохранившейся фрагментарно) отсутствует слово *di-pa*, но есть лигатура идеограммы *202 также со знаком

di и числом 75, есть также определение *te-wi-jo* (‘меньший’), но указание на количество меньших *di-pa* не сохранилось. В другой кносской табличке К 740 перечисленные 30 *di-pa* явно изготовлены из бронзы: представлена лигатура идеограммы *214 со знаком *di* внутри, который

может быть сокращением слова *di-pa*: . Перед ней есть идеограмма, обозначающая материал, из которого изготовлен сосуд (бронза). В

²³⁰ Ruijgh 1991: 223.

кносском тексте К 875 шесть сосудов *di-pa* без ручек (*a-no-wo-to*) сопровождается идеограммой *202 и принадлежат шести людям, вероятно, обладавшим статусом басилевса (*qa-si-re-wi-ja* /g^h*asilēuiā*/) или представителям шести деревень, допущенных на праздник, что позволяет предположить, что *di-pa* выполнял церемониальную функцию.

В РУ Та 641 идеограмма *202, представлена в трех вариантах: один с четырьмя ручками, расположенными сверху, один с тремя ручками и один без ручек . Эти идеограммы соответствуют письменным описаниям *qe-to-ro-we* ('с четырьмя ушками'), *ti-ri-jo-we* ('с тремя ушками') и *a-no-we* ('без ушек') соответственно. Также указывается размер сосудов: *me-zo* ('большой') и *me-wi-jo* ('меньший'). Весьма вероятно, что он не был индивидуальным сосудом для питья. Более вероятно, что *di-pa* являлся кувшином для разливания вина. При этом, в вышеупомянутых кносских текстах указывается большее количество сосудов: 30 в К 740 и 75 в К 829.

К восьмому веку до н. э. слово δέπας прочно закрепилось в эпическом языке, где оно обозначает сосуд для питья и возлияний и большой сосуд-кратер. Вполне возможно, что термин δέπας восходит к названию ритуального сосуда микенского времени для возлияния или другой формы подношения — функция, с которой ассоциировался *di-pa* в микенских текстах, и который в свою очередь может продолжать еще более древнюю традицию. Наличие разных определений при *di-pa* в микенских табличках (количество ручек и размер) указывает на то, что уже в микенский период этот термин, по-видимому, был относительно общим по сравнению с другими названиями сосудов.

Отражение микенских реалий мы находим у Гомера в передаче различных функций депаса: чаша для питья (*Il.* 3. 295; 16, 254; 23, 196; 219, 24, 285; *Od.* 3. 41, 63; 7, 137, 184; 8, 88; 13, 59; 5, 149; 10, 315; 18. 120; 18. 418; 20, 261; *Od.* 21, 263), большой сосуд типа кратера (*Il.* 7. 480, 11, 632), а

в просодии формулы χρυσεῖω δέπαϊ — черты ахейского слоя эпической традиции.

Подобно тому как значение титула βασιλεύς, в микенскую эпоху обозначавшего местного правителя или главу области, к архаическому времени возвысилось до статуса «царя» (II. 11.262), так и δέπας — *di-pa*, в кноских табличках (KN К 875) маркированный как «принадлежащий басилевсу», — в гомеровском эпосе превратился в аристократический атрибут. Вполне закономерно, что в классический период это обозначение сосуда выходит из живого употребления, сохраняясь исключительно в пласте эпической лексики.

Выводы по третьей главе

Проведя анализ значений и контекстов лексики, обозначающей утварь, можно констатировать, что из числа наименований даров (ἡλακάτη, τάλαρος, τάλαντον, χρυσός, τρίπους, φιάλη, ἀσάμινθος, κρατήρ и δέπας) лишь одна лексема — λέβης — не имеет надёжного эквивалента в микенских текстах. Все остальные имеют убедительные микенские параллели. При этом, можно сказать, что эпическая традиция сохранила не только отдельные микенские лексемы, но и целые устойчивые сочетания, такие как τρίποδ' ὠτώεντα 'ушатый треножник', что указывает на микенскую древность поэтической фразеологии.

Микенский термин, обозначавший стандартизированную меру для взвешивания шерсти и бронзы — *ta-ra-si-ja*, в гомеровском языке связан с двумя словами: лексема τάλαρος, которая сохраняет связь с ремесленной сферой (корзинка для шерсти), и τάλαντον, обозначающее определенную меру веса для драгоценных металлов. Идея меры отражена в значении гом. τάλαντα 'весы', а также в производном ἀτάλαντον 'одной меры', которая

появляется в древней формуле Διὶ μῆτιν ἀτάλαντον с сохранением микенской просодии.

Гомеровский язык сохранил лексему ἡλακάτη ‘прялка’, восходящую к реконструируемому микенскому **a-ra-ka-ta* на основании производного от него термина *a-ra-ka-te-ja* ‘пряжи’ в микенских текстах. При этом в поэмах отсутствует другое конкретное наименование — ἄτρακτος ‘веретено’. Подобная избирательность в сохранении терминов, где зафиксирована ἡλακάτη, но не имеет обозначение веретена, может указывать на то, что гомеровский язык в лексеме ἡλακάτη сохранил память о составном прядильном наборе (distaff set), реконструируемом по археологическим данным Кэролайн Соваж²³¹.

Кроме того, такие лексемы, как ἀσάμινθος, δέπας и φιάλη (последняя с эпитетом ἀπύρωτος — ‘не бывшая в огне’), в гомеровских текстах являются архаическими, которые в послегомеровскую эпоху сохранялись исключительно как стилистически маркированные элементы эпической поэзии.

²³¹ Sauvage, C. *Spindles and Distaffs: Late Bronze and Early Iron Age eastern Mediterranean use of solid and tapered ivory/bone shafts* in eds. M.-L. Nosch, M. Harlow *Interdisciplinary Studies in Textiles and Dress in Antiquity*, Oxford, 2014, pp. 184-226.

Заключение

Лексика, обозначающая предметы, приносимые в дар, в поэмах Гомера, и в первую очередь те, которые входят в списки гостевых даров, перечни предметов выкупа или перечни призов в состязаниях, могут быть сопоставимы с текстами микенских документов. Семантический ряд со значением ‘дар’ представлен лексемами со значением от чисто глагольного действия ‘давать’ (δῶς, δόσις, δόμα) до предоставления чего-либо по договору согласно обязательствам, накладываемым соглашением, союзом, дружбой, гостеприимством (δωρεά, δῶρον, δωτήνη). Из них в поэмах Гомера встречаются: δόσις в формульном δόσις δ’ ὀλίγη τε φίλη τε (*Od.* 6, 208; 14, 58); δωτήνη в контексте обычая гостеприимства: εἴ τι πόροις ξεινίῳν ἢ καὶ ἄλλως // δοίης δωτήνην, ἥ τε ξείνων θέμις ἐστίν — «предложишь ли ты нам дар гостеприимства (ξεινίῳν) или ты дашь нам дар (δωτήνη), как подобает по закону гостеприимства» (*Od.* 9. 266-268); δῶρον обычное у Гомера слово для дара, в том числе и божествам (*Il.* 6, 293). Последнее имеет параллель в тексте микенской таблички (PY Tn 316) do-ra /dōra/ ‘дар (божеству)’, входящие в формулу, описывающую ритуальное действие в Пилосе: i-je-to-que ... do-ra-que re-re po-re-na-que a-ke /hijetoque dōraqe pherei phorēnaique agei/ — «(Пилос) устремляется в ..., дары приносит, и подношения приводит». Такое употребление глаголов re-re при do-ra и a-ke при po-re-na сходно с δῶκε δ’ ἄγειν ἐτάροισιν ὑπερθύμοισι γυναιῖκα // καὶ τρίποδ’ ὠτόεντα φέρειν (*Il.* 23. 509–513).

Таким образом, среди лексем, обозначающих ‘дар’ у Гомера, единственной параллелью с микенскими текстами становится δῶρον — do-ra, причем формульный религиозный контекст употребления последнего, не характерный для микенского материала, дает основание видеть в подобных конструкциях в гомеровском языке след микенской эпической традиции.

Поэмы Гомера сохранили память о гостеприимстве. Предметы, предлагаемые в дар (ξεινήϊα / ξείνια, δῶρα, δωτήνη), можно соотнести с четырьмя основными категориями ценностей: драгоценные металлы и изделия из них, текстиль, домашний скот и рабыни. В микенских текстах встречаются две формы, косвенно относящиеся к гостеприимству, это: *ke-se-nu-wi-ja* /*ksenwija*/ о ткани или плаще *pa-we-a* (KN Ld 649) и относящееся к маслу *ke-se-ni-wi-jo*, в качестве жертвенного подношения (PY Fr 1231). Предметы перечисляются, как правило, в списках, повторяющиеся в одних и тех же стандартных выражениях и входящие в типические сцены, характерные для устной эпической традиции. Подробные списки есть в «Одиссее» (*Od.* 24, 274-79) в «Илиаде»: выкуп тела Гектора (*Il.* 24. 229-234); выкуп Агамемнона (*Il.* 9, 121-32, 9, 264-73; 19, 243-48). Меньшие списки даров гостю: дары жреца Аполлона Марона (*Od.* 9, 202-205), список даров Менелаю и Елене (*Od.* 4, 128-132). Дары феаков — одежда и золото (*Od.* 8, 392-3). В употреблении частиц в списках даров у Гомера мы находим параллели с функциями микенских частиц *-de* и *-qe*, где *δέ* имеет адверсативную функцию, маркируя ввод каждого следующего пункта перечня; а *τε* — соединительную, объединяя ряд однородных компонентов, порядок следования которых безразличен.

Анализ лексики обозначающей ткани и одежду в микенских текстах и поэмах Гомера, обнаруживает параллель употребления **φᾶρος** и **χιτών** с микенскими текстами *pa-we-a* и *ki-to* соответственно на лексическом и контекстном уровнях. Формульное выражение в сценах гостеприимства: после омовения и умощения гостю дается свежая пара одежды: **φᾶρος καλὸν βάλεν ἠδὲ χιτῶν** (*Od.* 3, 467; 23, 155), в контексте омовения, умощения и одевания мертвого тела Гектора (*Il.* 24, 588). Раннее вхождение лексемы **φᾶρος** в эпический язык, подтверждающееся просодией формы **φάρεϊ** (*Il.* 18, 353), контекстное соотношение набора одежды, состоящей из плаща и

хитона сходно с обиходом дворцового хозяйства, регистрирующего подобные пары в микенских текстах (KN Ld 649, KN L 178, 870). То же можно сказать и о лексеме **ἐάνος**, которая соответствует микенской форме *we-a2-no*, рядом с *[ri]-no re-po-to* «ткань тонкого льна» (PY Un 1322), что находит параллель с контекстом из «Илиады» (*Il.* 18, 352; 23, 524). При этом лексемы **τάπης** и **χλαῖνα** фигурирующие в списках даров, не имеют надежных микенских соответствий. Для лексемы **πέπλος** находится параллель в имени собственном *re-po-ro*.

Некоторые эпитеты и синонимы к тканям так же имеют микенские эквиваленты, к ним относятся: **λίτι** (dat. sg.) ‘льняная ткань’ (*Il.* 8, 441; 18, 352; 23, 254; *Od.* 1, 130) *ri-ta /lita/* (KN L 594), **εἴλυμα** ‘ткань, накидка, то, во что заворачивают’ (*Od.* 6, 179) и *we-ru-ma-ta /welumata/* (PY Ub 1318), **ἱστός** ‘ткацкий станок’ и однокоренное с ним *i-te-ja-o (gen. pl) /histejahon/* (PY Ad 684) ‘ткачи’, **ἄσκητός** ‘искусный’ (*Od.* 4, 134) и однокоренное с ним *a-ke-ti-ri-ja /askētriai/* (PY Aa 85) ‘мастерицы по отделке’, **λώπη** ‘плащ’ (*Od.* 13, 224) и *e-pi-ro-pa-ja /epilōpaia/* (KN L 696) ‘что-то, что надевается поверх плаща, накидка’, **εἶρος** ‘шерсть’ (*Od.* 4, 135) и *we-we-e-a /werweheha/* (KN L 178) ‘шерстяные’, **τερμίδεις** ‘с бахромой’ и однокоренные *o-u-ki-te-mi* (при описании стола *to-pe-za*); *o-u-te-mi*, у которых отрицание *ou, ouk(h)i* и */termis/* ‘без каймы’, **πορφύρεος** ‘пурпурный’ (*Il.* 8, 221; *Od.* 8, 84) и *po-pu-re-ja /porphureja/* (KN L 474) ‘пурпурный’ (*Il.* 10, 232-33).

Анализ лексики обозначающей ценные предметы утвари и золото так же обнаруживают определенное количество соответствий с микенским лексиконом. Для лексемы **ἡλακάτη** предлагается уточнение значения ‘прялка’ и соответствие в микенском реконструируемого **a-ra-ka-ta*, от которого образовано *a-ra-ka-te-ja /ālakatejai/* — профессиональное обозначение ‘пряжи’. А также предлагается видеть в **ἡλακάτη** прядильный набор, восстанавливаемый по архелогическим данным Кэролайн Соваж, воспоминание о котором может содержать гомеровская формула женской

работы: ἰστόν τ' ἠλακάτην τε (*Il.* 6, 491; *Od.* 1, 357; 21, 351). Для **τάλαρος** и **τάλαντον** предлагается микенское видеть соответствие с мик. *ta-ra-si-ja* (MY Oe 110). Микенский термин *ta-ra-si-ja* одинаково употребляется и для обозначения количества отвешенной шерсти, и для бронзы. И в слове **τάλαρος** сохранилось первое, в **τάλαντον** — второе, хотя в поэмах встречаются только таланты золота (не серебра, не бронзы), то есть определенный вес драгоценного металла. **Χρυσός, τρίπους, ἀσάμινθος, κρατήρ, δέπας** и **φιάλη** имеют надежные микенские эквиваленты. В качестве эпитета треножника проанализирована форма ὀτώεις, для которой есть мик. o-wo-we. И синоним к **δέπας** — **κύπελλον** имеет в микенском *ku-pe-ra*. Таким образом из лексем, обозначающих утварь в списках даров, только слово **λέβης** не имеет микенского соответствия.

В новейшем индексе микено-гомеровского лексикона, составленном Рудольфом Вахтером (Wachter 2015), в «prolegomena» к базельскому комментарию, и насчитывающем несколько сотен соотносимых лексем (400), автор пишет, что «полнота не может быть достигнута, потому что многие интерпретации микенских слов и форм противоречивы». В свой индекс он включил "реальные" или, по крайней мере, "весьма вероятные", и не включил "маловероятные" и "пропущенные" соответствия». При этом, он добавляет, что «автор осознает, что во многих случаях решение о включении чего-либо или его отсутствии другими было бы принято по-другому». В настоящей работе проводилось сопоставление микенского и гомеровского материала только в области наименований ценных предметов, включенных в списки даров, их эпитетов и контекстных синонимов. Это ограничение необходимо для того, чтобы ответить на вопрос, можно ли считать списки даров в структуре гомеровского поэтического языка архаическим элементом на лексическом уровне. И, проведя всесторонний анализ этого материала, можно утверждать, что списки даров и перечни ценных предметов действительно представляют

собой архаичный структурный элемент эпической традиции, который можно относить к микенской фазе развития.

Этот вывод находит подтверждение в лингвистических особенностях данных пассажей, а именно в установленных синтаксических параллелях с микенскими текстами при использовании частиц, а также в сохранении значительного пласта микенской лексики — 27 параллелей, многие из которых в постгомеровскую эпоху воспринимались как принадлежащие эпическому языку.

Как отмечал Ю. В. Андреев: «... древнейшие микенские элементы в их чистом виде составляют не очень значительную долю в общем культурно-историческом контексте «Илиады» и «Одиссеи». Доминирующее положение в этом контексте занимают, безусловно, сравнительно поздние элементы, либо современные самому поэту, либо относящиеся к тому недавнему прошлому, которым были для него последние столетия «темного века»²³². Таким образом, тот факт, что в области наименований утвари мы обнаруживаем достаточно высокий процент микенской лексики, свидетельствует о её сохранении в устной эпической традиции²³³, а списки даров, наряду с формулами и типическими сценами, представляют собой механизмы такой передачи, сохраняющей архаичную лексику в рамках устойчивых композиционных блоков.

²³² Андреев 2004: 48-49.

²³³ «Подобно мощному насосу, героическая поэзия в своем развитии извлекала из глубин греческой истории и выносила на поверхность отложившиеся в тексте поэм и образующие его древнейшие исторические пласты формулы, образы, мотивы. Определенный процент в этом «осадке» должны, по-видимому, составлять формулы и мотивы микенского происхождения» (ibid.)

Список сокращений

BCH — Bulletin de la Correspondance Hellenique.

DELG — Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque, Histoire des mots*. Paris, Klincksieck.

Companion — Duhoux, Y. and Morpurgo Davies, A. (eds) *A Companion to Linear B. Mycenaean Greek Texts and their World* 3 vols: I 2008, II 2011, III 2014. Louvain-la-Neuve.

DGE — Adrados, F.R. *Diccionario griego-español*. Madrid, 1980-

DMicI — Aura Jorro F. *Diccionario Micénico*. Vol. I. Madrid, 1985.

DMicII — Aura Jorro F. *Diccionario Micénico*. Vol. II. Madrid, 1993.

*Docs*² — Ventris, M., Chadwick, J. 1973: *Documents in Mycenaean Greek*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.

JHS — Journal of Hellenic Studies.

ICS — Masson, O. *Les inscriptions chypriotes syllabiques: recueil critique et commenté: Réimpression augmentée*. Paris, 1983.

IG — *Inscriptiones Graecae / consilio et auctoritate Academiae Literarum Regiae Borussicae editae*. Berolini, 1873–.

*IG I*³ — *Inscriptiones Graecae*. Vol. I. *Inscriptiones Atticae Euclidis anno anteriores*. Editio tertia. D. M. Lewis, L. H. Jeffery, E. Erxleben, K. Hallof eds. Berlin, 1981–1998.

LSJ — *Greek-English Lexicon / Compiled by H. Liddell and R. Scott, rev. and augm. throughout by H. St. Jones, R. McKenzie*. 9th ed. with a rev. Supplement. Oxford, 1996.

LfgrE — *Lexikon des fruhgriechischen Epos*. Gottingen 1955- .

NIL — *Nomina im Indogermanischen Lexikon*, (edd.) Wodtko, D. S., Irslinger, B., Schneider, C. Heidelberg, 2008.

RE – Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neu bearb. begonnen von G. Wissowa. Stuttgart, 1893-1978. Bd 1-24; 1A-10A; Supplbd 1-15.

SIG – Sylloge inscriptionum graecarum, ed. Wilhelm Dittenberger. 3rd edn., eds. F. Hiller von Gaertringen, J. Kirchner, H. R. Pomtow and E. Ziebarth. 4 vols. Leipzig 1915–1924.

Библиография

Издания микенских текстов

1. Aravantinos, V., Del Frio, M., Godart, L., Sacconi, A. Thèbes: Fouilles de la Cadmée IV: Les textes de Thèbes (1-433): Translitération et tableaux des scribes. Pisa/Roma, 2005.
2. Bennett, E. L., Olivier, J.-P. The Pylos tablets transcribed, Part I: texts and notes. Roma: Ed. dell'Ateneo (for Istituto per gli Studi Micenei ed Egeo-Anatolici). 1973.
3. Chadwick, J., Spyropoulos, T. G. 1975: The Thebes Tablets, II, Supl. *Minos* 4.
4. Chadwick, J., Godart, L., Killen, J. T., Olivier, J.-P., Sacconi, A., Sakellarakis, I. A. 1986–98. Corpus of Mycenaean Inscriptions from Knossos (Incunabula Graeca 88) (4 vols: I 1986, II 1990, III 1997, IV 1998). Cambridge/Rome.

Издания

1. Athenaei Naucratis deipnosophistarum libri XV. Kaibel G. (ed.) Leipzig, 1887-1966.
2. Caii Valerii Catulli carmina. Goold G.P. (ed.) Oxford, 1983.
3. Comicorum Atticorum Fragmenta. Kock T. (ed.) Vol. 1. Leipzig, 1880.
4. Eschine. Discours. Martin V., de Budé, G. (ed.) Paris, 1927².

5. Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem pertinentes. Vol. 1-4. Van der Valk M. (ed.) Leiden, 1971-1987.
6. Hérodote. Histoires. Vol. 1-9. Legrand Ph.-E. (ed). Paris, 1932-1968.
7. Hesiodus. Works and Days. West M.L. edited with Prolegomena and Commentary. Oxford, 1978.
8. Hesychii Alexandrini lexicon. Latte K. (ed.) Vol. 1-2. 1953-1966.
9. Homeri Opera. Monro D. B, T. W. Allen (eds). V. I–IV. Oxford, 1920³.
10. Homeri Ilias. van Thiel H. (ed.) Hildesheim, 1996.
11. Homerus: Ilias. West M. (ed.) Stuttgart-München-Leipzig, 1998–2000.
12. Homeri Odyssea. van Thiel H. (ed.) Hildesheim, 1991
13. Fragmenta Hesiodica. Merkelbach R., West M.L. (ed.) Oxford, 1967.
14. Fragmenta Historicorum Graecorum. Mueller. K. Vol. 1. Paris, 1848.
15. Pausaniae Graeciae descriptio. Vol. 1-3. Leipzig, 1903².
16. Poetae Epici Graeci. Testimonia et fragmenta. Pars 1. Bernabe A. (ed.) Leipzig, 1987.
17. Poetae Melici Graeci. Page D. (ed.) Oxford, 1962.
18. Pollucis onomasticon. Bethe E. (ed) Vol. 1-2. Leipzig, 1900-1931².
19. Platonis opera. Burnet J. (ed). Vol. 1-5. Oxford, 1900².
20. Plutarchus. Moralia. Paton W.R., Wegehaupt I., Pohlenz M., Gaertner H. (eds) Leipzig, 1974.
21. Scholia Graeca in Homeri Iliadem. Erbse H. (ed.) Bd. I–VII. Berlin, 1969–1988.
22. Scholia Graeca in Homeri Odysseam. Dindorf W. (ed.) Oxford, 1885².

Комментарии

23. The Iliad: A Commentary. General editor: Kirk G. Vol. 1–2. Books I–VIII: G. Kirk; Vol. 3. Books IX–XII: Hainsworth B.; Vol. 4. Books XIII–XVI; Janko R.; Vol. 5. Books XVII–XX: Edwards M.; Vol. 6. Books XXI–XXV: Richardson N. Cambridge, 1985–1996.

24. A Commentary on Homer's Odyssey. Vol. 1. Introduction and Books I–VIII: Heubeck A., West S., Hainsworth J.B. Vol. 2. Books IX–XVI: Heubeck A., Hoekstra A. Vol. 3. Books XVII–XXIV: Russo J., Fernández-Galiano M., Heubeck A. Oxford, 1988–1992.

Научная литература

25. Андреев Ю. В. 2004: Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–XII вв. до н. э. СПб
26. Бартонек, А. 1991 Златообильные Микены. М.
27. Белов, А. М. 2025: О филологических конъектурах в поэтике и в герменевтике: к интерпретации Homeri Iliad. (1, 7; 1, 106) и Horati Od. III, 22. // Вестник Московского университета.
28. Бенвенист, Э. 1995: Словарь индоевропейских социальных терминов. Пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М.
29. Блаватская, Т. В. 1996: Ахейская Греция во II тысячелетии до н.э. М.
30. Боура С. М. 2002: Героическая поэзия / Пер. с английского и вступ. статья Н. П. Гринцера, И. В. Ершовой. М.
31. Брайловская, А.А. 2021: Атематический dat.sg. в гомеровских поэмах и древнегреческих диалектах // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXV (1), pp. 177-204.
32. Буркерт, В. 2004: Греческая религия: архаика и классика / Пер. с нем. М. Витковской и В. Витковского. СПб.
33. Герценберг Л. Г. 1972: Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках, Л.
34. Гиндин Л.А., Цымбурский В. Л. 1996: Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.
35. Гордезиани Р.В. 1978: Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси

- 36.Гринбаум Н. С. 2001: Микенологические этюды (1959-1997). Спб.
- 37.Гринцер П.А. 1974: Древнеиндийский эпос: генезис и типология. М.
- 38.Гринцер Н.П. 2015: Гомер на рубеже эпох. // Шаги/Steps.1(2), М. pp. 23-53.
- 39.Зайцев, А. И. 1994: Формирование древнегреческого гексаметра. СПб.
- 40.Зельченко, Вс. В. 2003: Творчество Эринны в контексте античной литературы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб.
- 41.Иванов Вяч. Вс. 1975: Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен // Славянское и балканское языкознание: Проблемы интерференции и языковых контактов. М.
- 42.Казанскене, В. П., Казанский, Н. Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка: крито-микенский период. Ленинград, 1986.
- 43.Казанский, Н. Н. 1998: Диахронический аспект изучения эпической формулы. В сб.: ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., pp. 325–351.
- 44.Казанский, Н. Н. 2004: «Микенская словесность и проблема диалектной стратификации древнегреческой эпической традиции» // Индоевропейское языкознание и классическая филология.
- 45.Казанский, Н. Н. 2006: (Рец.) Naug, D. Les phases de l'évolution de la langue épique // Acta linguistica Petropolitana. СПб., pp. 377–387.
- 46.Казанский Н. Н. 2021. Дословная передача чужой речи в гомеровском эпосе (микенский комментарий к IL. 9 122 SQ. = IL. 9 264 SQ. = IL. 19 243 SQ.) // Стратегии межбалканской

- коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание» / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарец, Т. В. Цивьян. М.
47. Красухин, К. Г. 1998: О некоторых гомеровских и ведических морфосинтаксических архаизмах (на материале гомеровских и ведических формул) // Классические языки и индоевропейское языкознание / Отв. ред. Н. Н. Казанский, Спб.
48. Красухин К. Г. 2005: Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса / РАН. Ин-т языкознания. М.
49. Ленцман Я. А. 1963: Рабство в микенской и гомеровской Греции. М.
50. Лорд А.Б. 2018: Сказитель. Подгот. изд., пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. — Изд. 2-е, испр. и доп. — СПб.
51. Лурье, С. Я. 1957: Язык и культура микенской Греции. М.-Л.
52. Тронский, И.М. 1973: Вопросы языкового развития в античном обществе. Л.
53. Файер, В. В. 2015: Греческий гекзаметр: метрика и фонетика. М.
54. Andersson, E., Nosch, M.-L. B. 2003: With a Little Help from my Friends: Investigating Mycenaean Textiles with the help from Scandinavian Experimental Archaeology. // Foster, K. P. & Laffineur, R. (eds.) *METRON. Measuring the Aegean Bronze Age. Proceedings of the 9th International Aegean Conference / 9e Rencontre égéenne internationale*, Yale University, 18–21 April 2002. 197–205 & table XLV. *Aegaeum* 24. Liège, Austin.
55. Arend, W. 1933: *Die typischen Szenen bei Homer*. Berlin.
56. Bachvarova, M. 2016: *From Hittite to Homer. The Anatolian Background of Ancient Homeric Epic*. Cambridge.
57. Barber E.J.W. 2015: *Minoans, Mycenaeans and Keftiu* // Shaw M., Chapin A. (edd.), *Woven Threads: Patterned Textiles of the Aegean Bronze Age*, Oxford, pp. 205-238.

58. Barber E.J.W. 1991: Prehistoric Textiles: The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages with Special Reference to the Aegean, Princeton.
59. Bartoněk, A. 1968: Dialectal Classification of Mycenaean in the Opinion of Various Scholars // *Studia Mycenaea*, Brno 1966, pp. 155-210.
60. Bartoněk, A. 2001: *Handbuch des mykenischen Griechisch*. Heidelberg.
61. Bakker, E. J. 1991: Peripheral and nuclear semantics in Homeric diction. The case of dative expressions for spear. // *Mnemosyne* 44, pp. 63–84.
62. Bakker, E. 2020: *The Language of Homer in The Cambridge Guide to Homer*. Cambridge.
63. Bakker, E. J. 1997: *Poetry in Speech: Orality and Homeric Discourse. Ithaca*.
64. Bartoněk, A. 2002: *Handbuch des Mykenischen Griechisch*. Heidelberg.
65. Baumbach, L. 1971: The Mycenaean Greek Vocabulary II // *Glotta* 49, pp. 151-190.
66. Beekes, R. S. P. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. Vol. 1–2. Leiden; Boston: Brill.
67. Bechtel, F. 1908 *Die Vocalcontraction bei Homer*. Halle, 1908.
68. Bennet, J. 2004: Iconographies of Value: Words, People and Things in the Late Bronze Age Aegean. // *The Emergence of Civilisation Revisited*, edited by J. C. Barrett and P. Halstead, 90–106. Oxford: Oxford University Press.
69. Berg, N. 1978. *Parergon Metricum: Der Ursprung des griechischen Hexameters*. // *Münchener Beiträge zur Sprachwissenschaft* 37:11–36.
70. Berg N., Haug D. 2000: Innovation vs. tradition in Homer — an overlooked piece of evidence // *Symbolae Osloenses*. Vol. 75. P. 5–23.

71. Bernabé A., Luján E. 2006: Introducción al griego micénico.
Monografías de filología griega. Zaragoza: Prensas Universitarias de Zaragoza.
72. Bernabé A., Luján E.R. 2008: Mycenaean Technology. // A Companion to Linear B. Mycenaean Greek Texts and Their World. Eds. Y. Duhoux, A. Morpurgo Davies. Louvain-la-Neuve.
73. Bernabé A., Pierini R. 2017: What, When, Why. Tablet Functions and o-te Expressions in Context. // Nosch M.L., Landenius Enegren H. (eds), Aegean Scripts. Proceedings of the 14th Mycenological Colloquium held in Copenhagen, 2-5 September 2015, Roma, pp. 523-536.
74. Boardman T., Hammond N. G. L. 1982: The Cambridge Ancient History. Vol. III, Part 3: The Expansion of the Greek World, 8-6th Centuries B.C. Cambridge.
75. Bonfante, G. Il miceneo, il greco storico e Homero. // Atti della Acc. Naz. dei Lincei, Mem. Cl. di Sc. mor. Vol. XXVIII, 1984-1986, pp.181-211.
76. Blümner H. 1912: Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste, I.² Leipzig, 1912.
77. Brown, A. Homeric Talents and the Ethics of Exchange // JHS, vol 118, 1998, pp.165-172.
78. Bruns G. 1970: Archaeologia Homerica. Küchenwesen und Mahlzeiten. Bd. II, Q. Göttingen.
79. Boëlle, C. 2004: PO-TI-NI-JA. L'élément féminin dans la religion mycénienne (d'après les archives en linéaire B). // Études anciennes 26. Paris.
80. Buchholz, H.-G., 1991. Die archäologische Forschung im Zusammenhang mit Homer. Gesamtüberblick // J. Latacz (ed.), Zwei-

- hundert Jahre Homer-Forschung. Rückblick und Ausblick, Stuttgart, 11-44.
81. Chadwick, J. Baumbach, L. 1963: The Mycenaean Greek Vocabulary // *Glotta* 41, pp.157–271.
82. Chadwick, J. Pylos Tablet Un 1322. // Bennett, Emmett L. (ed.).
Mycenaean Studies: Proceedings of the Third International Colloquium for Mycenaean Studies held at “Wingspread,” 4–8 September 1961.
Madison, WI: University of Wisconsin Press. 1964, pp. 19–26.
83. Chadwick, J. 1976: The Mycenaean World. Cambridge.
84. Chadwick, J. 1990: The descent of the Greek epic // *JHS*, Vol. 110, pp. 110:174-177.
85. Chadwick, J. 2002: Pylian gold and local administration: PY Jo 438.
// J. Bennet & J. Driessen (eds), A-NA-QO-TA. Studies presented to J. T. Killen, *Minos* 33-34, pp. 31–37.
86. Chantraine, P. 1958: *Grammaire Homérique*. Tome I. Phonétique et morphologie. Paris.
87. Chantraine, P. 1963: *Grammaire Homérique*. Tome II. Syntaxe. Paris: Librairie C. Klincksieck.
88. Chantraine, P. 1968: *La formation des noms en grec ancien*. Paris: Librairie C. Klincksieck.
89. Chadwick, J. Mycenaean Elements in the Homeric Dialect // *Minoica* - Festschrift J. Sundwall, Berlin 1958, 116-122.
90. Crielaard, J. P. 2003: The Cultural Biography of Material Goods in Homer’s Epics // *Gaia* 7, pp. 49–62.
91. Danek, G. 2002: Traditional Referentiality and Homeric Intertextuality.
// Montanari and Ascheri 2002:3–19.
92. Driessen, J. Homere et les tablettes en lineaire B. Mise au point // *L’antiquite Classique*, vol. 61, 1992, 5-37.

93. Durante, M. 1971-75: Sulla preistoria della tradizione poetica greca I-II, Roma.
94. Duhoux, Y. 1976: Idéogrammes textiles du linéaire B: *146, *160, *165 et *166 // *Minos* 15, pp. 116–132.
95. Ebeling, H 1885: *Lexicon homericum*. Leipzig, 1885.
96. Edwards, M.W. 1980: The Structure of Homeric Catalogues. // *Transactions of the American Philological Association*, 110, pp. 81-105.
97. Edwards, M.W. 1992: Homer and Oral Tradition: The Type-Scene. // *Oral Tradition*, 7, pp. 284-330.
98. Edmunds, S. T. 2012: Picturing Homeric Weaving. // *Donum natalicium digitaliter confectum Gregorio Nagy septuagenario a discipulis collegis familiaribus oblatum* (online edition)
<http://chs.harvard.edu/CHS/article/display/4365>.
99. Evans, A. 1921- 1935: *The Palace of Minos*. London.
100. Finkelberg, M. 1986: Is ΚΛΕΟΣ ΑΦΘΙΤΟΝ a Homeric Formula? // *Classical Quarterly* n.s, pp. 36:1-5.
101. Finley, M.I., 1988. *The World of Odysseus*, Harmondsworth.
102. Fick, A. 1883: *Die homerische Odyssee in der ursprünglichen Sprachform wiederhergestellt*. Göttingen.
103. Fick, A. 1886: *Die homerische Ilias nach ihrer Entstehung betrachtet und der ursprünglichen Sprachform wiederhergestellt*. Göttingen.
104. Frisk, H. 1960-72: *Griechisches etymologisches Wörterbuch I- II*. Heidelberg.
105. Del Frio, M., Nosch, M.-L. Rougemont, Fr. 2010: The Terminology of Textiles in the Linear B Tablets, including Some Considerations on Linear A Logograms and Abbreviations. // *Textile Terminologies in the Ancient Near East and Mediterranean from the*

- third to the first millennia BC (eds. C. Michel, and M.-L. Nosch) 338-373. Oxford.
106. Foley, W. 1999: *Homer's Traditional Art*. University Park.
 107. Forbes, R. J. 1964: *Studies in Ancient Technology, Vol. 4: The Fibres and Fabrics of Antiquity; Washing, Bleaching, Fulling and Felting; Dyes and Dyeing; Spinning; Sewing, Basketry and Weaving and Looms: Fabrics and Weavers*. Leiden, (reprint 1964, 2nd rev. ed. 1964)
 108. Garcia Ramon, J.L. 1975: *Les origines postmyceniennes du groupe dialectal eolien*, Salamanca.
 109. García Ramón J. L. 2016 :Il greco miceneo // M. Del Freo, M. Perna (edd.), *Manuale di epigrafia micenea. Introduzione allo studio dei testi in lineare B*, 2, libreriauniversitaria.it, Padova, pp. 211-244.
 110. Gaunt, J. 2017: *Nestor's Cup and Its Reception // Voice and Voices in Antiquity. Orality and Literacy in the Ancient World*, vol. 11 Ed. Niall W. Slater. Leiden. Boston.
 111. Grethlein, J. 2008: *Memory and Material Objects in the Iliad and the Odyssey*. // *JHS*, 128, pp. 27–51.
 112. Gulizio, J. 2008: *Mycenaean Religion at Knossos*. // *Colloquio Romanum: atti del XII colloquio internazionale di micenologia*, Roma, 20 - 25 febbraio 2006, Pisa and Rome, pp. 351-358.
 113. Hackstein, O. 2002: *Die Sprachform der homerischen Epen: Faktoren morphologischer Variabilität in literarischen Frühformen: Tradition, Sprachwandel, Sprachliche Anachronismen*. Wiesbaden.
 114. Hackstein, O. 2010: *The Greek of epic // A companion to the Ancient Greek language / Ed. by E. J. Bakker*. Malden, MA: Wiley–Blackwell. P. 401-424.
 115. Hajnal, I. 1995: *Studien zum mykenischen Kasussystem*. Berlin, New York: Walter de Gruyter.

116. Hajnal, I. 2002: Mykenisch e-we-pe-se-so-me-na und die Frage eine frühgriechischen Umlauts. // *Novalis Indogermanica*. Festschrift für Günter Neumann zum 80. Geburtstag. pp. 201-213.
117. Hajnal, I. 2004: Hajnal I. Die Tmesis bei Homer und auf den mykenischen Linear B-Tafeln: ein chronologisches Paradox? // Penney, J. H. W. (ed.) *Indo-European Perspectives: Studies in Honour of Anna Morpurgo Davies*. Oxford. pp. 146–178.
118. Hainsworth, J.B. 1968: *The Flexibility of the Homeric Formula*. Oxford.
119. Haug D. 2002: *Les phases de l'évolution de la langue épique. Trois études de linguistique homérique*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
120. Hampe, R. 1967: *Kult der Winde in Athen und Kreta*. SB. Heidelberg.
121. Heubeck, A. 1982: Zur neueren Homer-Forschung (VII), *Gymnasium*, p. 386-447.
122. Hiersche, R. 1972: *Die Sprache Homers im Lichte neuer Forschungen*, Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Innsbruck.
123. Hiller, S. 1987: a-pi-qo-ro amphipoloi. // J. Killen, J. Melena, J.-P.Olivier (eds). *Studies in Mycenaean and Classical Greek presented to John Chadwick*. *Minos*, 20–22.
124. Hoekstra, A. 1965: *Homeric modifications of formulaic prototypes: studies in the development of Greek epic diction*. Amsterdam.
125. Hoekstra, A. 1981: *Epic Verse before Homer. Three Studies*. Amsterdam.
126. Horrocks, G. 1997: *Homer's Dialect*. // Morris, I., Powell, B. (eds.). *A New Companion to Homer*. Leiden, pp. 193–217.
127. Horrocks, G. 2010: *Greek: a history of the language and its speakers*. Chichester.

128. Hummel, P. 1993: *La syntaxe de Pindare*. Paris.
129. Hultsch, F. 1864: (ed.), *Metrologorum Scriptorum Reliquiae*, vol. 1 Leipzig.
130. Janko, R. 1982. *Homer, Hesiod and the Hymns. Diachronic Development in Epic Diction*. Cambridge.
131. de Jong, I. 2001: *A Narratological Commentary on the Odyssey*. Cambridge.
132. Kassian, Korolëv, Sidel'tsev 2002: A. Hittite Funerary Ritual *šalliš waštaiš*. (*Alter Orient und Altes Testament* 288), Münster.
133. Kazanskiene V.P. 2014: A Tie between the Micro- and Macrocosmos: On the Etymology of Homeric of Homeric βρότος // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 18. 340–347.
134. Kazansky, N. 2008: “Linguistic Thought” of Mycenaean Scribes // *Colloquia classica et indo-germanica – IV* / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб. (*Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН*. Т. IV, ч. 1). С. 37–63.
135. Kazansky N. N. 2022: A Rudimentary Motif in Greek Epic (Pylos Combat Agate and the Iliad 3. 369-376) // *Philologia Classica*, 17 (2), pp. 202-225.
136. Killen, J. T. 1984: *The Textile Industries at Pylos and Knossos*. // C.W. Shelmerdine and T.G. Palaima (edd), *Pylos Comes Alive. Industry + Administration in a Mycenaean Palace*, pp. 49–63.
137. Killen, J. 1985: *The Linear B Tablets and Mycenaean Economy*. // A. Morpurgo-Davies and Y. Duhoux (edd) *Linear B: A 1984 Survey. Proceedings of the Mycenaean Colloquium of the VIIIth Congress of the International Federation of the Societies of Classical Studies*, Dublin, 27 August–1st September 1983. *BCILL* n. 26, pp. 241–298.

138. Killen, J. T. 1979: The Knossos Ld(1) tablets // E. Risch and H. Miihlestein eds., *Colloquium Mycenaeum. Actes du sixieme colloque international sur les textes mycéniens et égéens tenu à Chaumont sur Neuchâtel du 7 au 13 septembre*, pp. 151–81.
139. Killen, J. 1998. The Pylos Ta Tablets Revisited. // Olivier J.-P., Rougemont F. (eds.) / *Recherches récentes en épigraphie créto-mycénienne*. In: *Bulletin de correspondance hellénique*. Volume 122, livraison 2, pp. 403-443;
140. Killen, J. T. 2001: Some thoughts on ta-ra-si-ja. // S. Voutsaki & J. T. Killen (eds.), *Economy and Politics in Mycenaean Palace States*. Cambridge Philological Society, supplementary volume 27, pp. 161–180.
141. Killen, J. 2024: Bennet J. Finished Products I: Vessels and Furniture. // J. Killen (ed.), *The New Documents in Mycenaean Greek*. Vol. II. Selected Tablets, Transcription, Translation, Commentary, Endmatter. Cambridge.
142. Kiparsky, P. 2018: Indo-European Origins of the Greek Hexameter. // Hackstein, Gunkel (edd.) *Language and Meter*, pp. 77–128.
143. Kirk, G. S. 1962: *The Songs of Homer*. Cambridge.
144. Kirk, G. S. 1976: *Homer and the Oral Tradition*. Cambridge - New York.
145. Kloekhorst, A. 2008: *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*, Leiden - Boston.
146. Kuhn, A. 1853: Ueber die durch nasale erweiterten verbalstämme. // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen*, 2. Bd., 6. H. (1853), pp. 455-471.
147. Kullmann, W. 1960: *Die Quellen der Ilias*. Wiesbaden.

148. Kullmann, W. 1995: Homers Zeit und das Bild des Dichters von den Menschen der mykenischen Kultur // Andersen, O. and Dickie, M. (eds), *Homer's World*, Bergen, pp. 57–75.
149. Kullmann, w. 1999: Homer and Historical Memory, in E. A. Mackay (ed.), *Signs of Orality. The Oral Tradition and Its Influence in the Greek and Roman World*, Leiden, pp. 95- 113.
150. Kullmann, W. 2001: Review of Latacz 2001 // *Gnomon*, 73, pp. 648–63.
151. De Lamberterie, Ch. 2009: En hommage à Michel Lejeune: Mycénien o-wo-we et le nom de l'«oreille» en grec. // Fr. Biville, I. Boehm (eds.), *Autour de M. Lejeune. Actes des Journée d'études organisées à l'Université Lumière Lyon 2. Maison de l'Orient et de la Méditerranée*, 2–3 février 2006. Lyon, 79–116.
152. Latacz, J. 2004: *Troy and Homer. Toward a Solution of an Old Mystery*. Oxford.
153. Lejeune, M. 1964: *Index inverse du grec mycenien*, Paris 1964
154. Lejeune, M. 1964: Sur quelques termes du vocabulaire économique mycénien. // Emmett L. Bennett Jr. (ed.), *Mycenaean Studies. Proceedings of the Third International Colloquium for Mycenaean Studies Held at "Wingspread," 4–8 September 1961*, 77–109. Madison, pp. 77–109.
155. Lejeune, M. 1972: *Phonétique historique du mycénien et du grec ancien*. Paris.
156. Leumann, M. 1950: *Homerische Wörter*. Basel.
157. Lorimer, H. L., 1950. *Homer and the Monuments*, London.
158. Luján, E. R. 1996–1997: El léxico micénico de las telas. // *Minos* 31–32, pp. 335–369.
159. Luján, E.R. 2010: *Mycenaean Textile Terminology at Work: The KN Lc(1)- tablets and the occupational nouns of the textile industry*. //

- Michel, Nosch (eds.) Textile terminologies in the ancient near east and mediterranean from the third to the first mellennia BC, Oxford. pp. 374–387.
160. Mallory, J. P., Adams, D. Q. 1997: Encyclopedia of Indo-European Culture. London – Chicago.
 161. Marinatos, S. 1954: Der ‘Nestorbecher’ aus dem iv. Schachtgrab von Mykene. // Neue Beiträge zur Klassischen Altertumswissenschaft: Festschrift zum 60. Geburtstag von Bernhard Schweitzer: 11–18. Stuttgart and Cologne.
 162. Maslov B. P. 2011: The Metrical Evidence for Pre-Mycenaean Hexameter Epic Reconsidered // Идоевропейское языкознание и классическая филология, XV.
 163. Meiggs, R., Lewis, D. 1988: A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the fifth century B. C., revised ed., Oxford.
 164. Meier-Brügger 1992: Griechische Sprachwissenschaft. Bd. 1–2. Berlin; New York.
 165. Meier-Brügger, M. 2006: The rise and descent of the language of the Homeric poems. // Sigrd Deger-Jalkotzy (eds.) Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer (Edinburgh Leventis Studies 3). Edinburgh, pp. 417–426.
 166. Meillet, A. 1923: Les origines indo-européennes des mètres grecs, Paris.
 167. Meister, K. 1921: Die homerische Kunstsprache. Leipzig.
 168. Melena. L. 1979: Studies on Some Mycenaean Inscriptions from Knossos Dealing with Textiles // Suplementos a Minos 5, pp. 115-117.
 169. Melena, J. L. 2001: Textos Griegos Micénicos Comentados. Vitoria-Gasteiz.
 170. Monro, D.B. 1891: A Grammar of the Homeric Dialect. Oxford.
 171. Moran, W. L. 1992: The Amarna Letters, Baltimore/London.

172. Morris, I. 1997: *Homer and the Iron Age*. // Morris I., Powell, B. (edd.) *A new companion to Homer*, Leiden, pp. 535-560.
173. Morpurgo, A. 1963: *Mycenaeae Graecitatis Lexicon*, Roma.
174. Morpurgo-Davies 1985: Morpurgo Davies A. *Mycenaean and Greek Language* // A. Morpurgo Davies, Y. Duhoux (eds.). *Linear B: A 1984 Survey*. Louvain-La-Neuve. Pp. 75–125.
175. Morpurgo Davies, A. 1992: *Mycenaean, Arcadian, Cyprian and some questions of method* // *Mykenaiika*. 415–32.
176. Mühlestein 1958: Mühlestein H. *Interprétations de mots mycéniens* // *Athenaeum*. T. 36. P. 360–68.
177. Nagy, G. 1972: *Introduction, Parts I and II, and Conclusions. Greek: A Survey of Recent Work* // *Janua Linguarum Series Practica* 211. The Hague.
178. Nagy, G. 1974: *Comparative Studies in Greek and Indic Meter*. Cambridge.
179. Nagy, G. 1979: *The Best of the Achaeans: Concepts of the Hero in Archaic Greek Poetry*. Baltimore.
180. Nagy, G. 1996. *Homeric Questions*. Austin.
181. Nagy, G. 2004: *Homer's text and language. Traditions*. Champaign, IL.
182. Nagy, G. 2008: *Homer the Classic*. // *Hellenic Studies Series* 36. Washington, DC: Center for Hellenic Studies. (online edition)
183. Nagy, G. 2015: *A Second Look at a Possible Mycenaean Reflex in Homer: Phorēnai*. <https://chs.harvard.edu/curated-article/gregory-nagy-a-second-look-at-a-possible-mycenaean-reflex-in-homer-phorenai/>
184. Nagy, G. 2001: *Homeric Poetry and Problems of Multiformality: The 'Panathenaic Bottleneck'*. // *Classical Philology* 96, pp.111–121.
185. Naiden, F. S. 2020: *Offerings in Homer*. // *The Cambridge Guide to Homer*, ed. Pache C. O., Due C. Lupack S., Lamberton R.

186. O'Neill E.G. (Jr.) 1942: The Localization of Metrical Word Types in the Greek Hexameter // Yale Classical Studies 8, pp.105-78.
187. Negri, M. 1981: Miceneo e lingua omerica, Firenze.
188. Nikolaev, A. 2013: The aorist infinitives in -ssw in early Greek hexameter poetry. // JHS, Vol. 133. Pp. 81-92.
189. Nilsson, M. 1933: Homer und Mycenae, London.
190. Nilsson, M. P. 1950: The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion, Lund.
191. Nosh, M.-L. 2001–2002: The Textile Industry at Thebes in the Light of the Textile Industries at Pylos and Knossos. // Graeco-Latina Brunensia 6–7, pp.177–189.
192. Nosch, M.-L. 2012: From Texts to Textiles in the Aegean Bronze Age. In Nosch, M.-L. Laffineur R. 2010: (eds.) KOSMOS. Jewellery, Adornment and Textiles in the Aegean Bronze Age. 13th international Aegean conference held at Copenhagen, April 2010/13eme rencontre égéenne, Copenhagen, avril, pp.43-56.
193. Notopoulos, J. A. 1960: Homer, Hesiod and the Achaean Heritage of Oral Poetry // Hesperia. 29, pp. 177-197.
194. Notopoulos, J. A. 1964: Studies in Early Greek Oral Poetry // Harvard Studies in Classical Philology 68, pp. 1–77.
195. Page P.L. 1962: Page ed. *Poetae melici Graeci*. Oxford.
196. Olivier, J.-P., Godart, L., Seydel, C., Sourvinou, C. 1973: Index generaux du lineaire B, Rome.
197. Palaima, T.G. 2000: The Pylos Ta Series: From Michael Ventris to the New Millennium. // *BICS* 44, 236-237.
198. Palaima, T.G. 2004: Sacrificial Feasting in the Linear B Documents // Hesperia 73 (2004). 217-246.
199. Palaima, T.G. 1995: The Last Days of the Pylos Polity / Politeia. Society and State in the Aegean Bronze Age. Proceedings of the 5th

- International Aegean Conference / 5-e Rencontre égéenne internationale University of Heidelberg, Archäologisches Institut. 10-13 April 1994. Ed. by R. Laffineur and W.-D. Niemeier (Aegaeum 12: Annales d'archéologie égéenne de l'Université de Liège et UT-PASP). 623-634.
200. Palaima, T. G. 1996–1997: *Po-re-na*: A Mycenaean Reflex in Homer? An I-E Figure in Mycenaean? // *Minos* 31–32:303–312.
 201. Palaima, T. G. 1999: *Kn02 – Tn 316*. // Deger-Jalkotzy, Hiller, Panagl (eds.) *Florent studia Mycenaea: Akten des X. Internationalen Mykenologischen Colloquiums in Salzburg*, vol 1. Vienna, pp. 437–461.
 202. Palmer, L. R. 1955. A Mycenaean Calendar of Offerings (PY Kn02). // *Eranos* 53, pp. 1–13.
 203. Palmer, L. R. 1963: *The Interpretation of Mycenaean Greek Texts*. Oxford.
 204. Parry, M. 1971. *The Making of Homeric Verse*, Oxford.
 205. Pavese C. O. 1972: *Tradizioni e generi poetici della grecia arcaica*. Rome.
 206. Peabody, B. 1975: *The Winged Word*. Albany, NY.
 207. Pisani, V. 1968: *Indisch-griechische Beziehungen aus dem Mahabharata Indogermanische Dichtersprache*. Hrsg. Von R. Schmitt. Darmstadt.
 208. Piquero Rodríguez, J. 2019: *El léxico del griego micénico. Étude et mise à jour de la bibliographie Études anciennes* 73.
 209. Reece, S. 1993: *The Stranger's Welcome. Oral Theory and the Aesthetics of the homeric Hospitality Scene*. Ann Arbor, 1993.
 210. Ridgeway, W. 1887: *The Homeric talent, its origin, value and affinities* // *JHS*, vol. VIII, pp. 133-158.

211. Risch, E. 1966: Les différences dialectales dans le mycénien // Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean Studies. Ed. L. Palmer, J. Chadwick. Cambridge. Pp. 150-157.
212. Risch, E. 1974: Wortbildung der homerischen Sprache. Berlin, New York.
213. Rix, H. 1992: Historische Grammatik des Griechischen: Laut- und Formenlehre. Darmstadt.
214. Pucci, P. 1996: Between Narrative and Catalogue: Life and Death of the Poem // *Mêtis* 11, pp. 5–24.
215. Ruijgh, C.J. 1957: L'élément achéen dans la langue épique, Assen.
216. Ruijgh, C.J. 1967: Études sur la grammaire et le vocabulaire du grec mycénien. Amsterdam.
217. Ruijgh C.J. 1971: Autour de "Τε épique": études sur la syntaxe grecque. Amsterdam.
218. Ruijgh, C. 1985: Le mycénien et Homère. // *Linear B: A 1984 Survey: Proceeding of the Mycenaean Colloquium of the viiith Congress of the International Federation of the Societies of Classical Studies (Dublin, 27 August – 1st September 1984)*, ed. A. Morpurgo Davies and Y. Duhoux. Louvain-la-Neuve. 143–90.
219. Ruijgh, C. 1997: La date de la création de l'alphabet grec et celle de l'épopée homérique. // *Bibliotheca Orientalis*, 54, pp. 534–603.
220. Ruijgh, C. J. 1995: D'Homère aux origines proto-mycéniennes de la tradition épique. Analyse dialectologique du langage homérique, avec un excursus sur la création de l'alphabet grec. // J. P. Crielaard (ed.), *Homeric Questions. Essays in Philology, Ancient History and Archaeology* (Amsterdam), 1–96.
221. Ruijgh, C.J. 2011: Mycenaean and Homeric Language. // *A Companion to Linear B: Mycenaean Greek Texts and their World*. Ed. Y. Duhoux, A. Morpurgo Davies. Vol. 2. Louvain-la-Neuve.

222. Ruijgh, C.J. 1991: *Scripta minora, ad linguam Graecam pertinenta*.
Ed. J. M. Bremer, A. Rijksbaron, F. M. J. Waanders. Amsterdam.
223. Ruipérez, M.S., Melena, J.L. 1990: *Loc griegos micénicos*. Madrid, 1990.
224. Russo, J.A., 1966. The Structural Formula in Homeric Verse // *Yale Classical Studies* 20, pp. 217-240.
225. Russo, J. A. 1997: The formula. // Morris I., Powell, B. (edd.) *A new companion to Homer*, Leiden, pp. 238-260.
226. Sacconi A. 1987: La tavoletta di Pilo Tn 316: una registrazione di carattere eccezionale? // J.T. Killen, J.L. Melena, J.-P.Olivier (edd.), *Studies in Mycenaean and Classical Greek Presented to John Chadwick*, Minos, 20-22, pp. 551-556.
227. Sammons, B. 2010: *The Art and Rhetoric of the Homeric Catalogue*. Oxford.
228. Sauvage, C. 2014: Spindles and Distaffs: Late Bronze and Early Iron Age eastern Mediterranean use of solid and tapered ivory/bone shafts in *Interdisciplinary Studies in Textiles and Dress in Antiquity* // M.-L. Nosch & M. Harlow (ed.), Oxford, pp. 184-226.
229. Sapouna-Sakellarakis, E. 1971: Μινωικό Ζώμα. // Βιβλιοθήκη της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας 71, Athens.
230. Szemerényi, O. 1971: *Richtungen der modernen Sprachwissenschaft. 1: Von Saussure bis Bloomfield 1916-1950*. Heidelberg.
231. Shelmerdine, C. W. 1995: Shining and Fragrant Cloth in Homer. // Carter, J. B, Morris, S. P. (edd). *The Ages of Homer. A Tribute to Emily Townsend Vermeule*, Austin, pp. 99–107.
232. Shelmerdine, C. W. 2008: Mycenaean society. // Duhoux, Y., A. Morpurgo-Davies (edd.) *A Companion to Linear B: Mycenaean Greek Texts and their World*, Vol., pp. 115-158.

233. Sherratt, E.S., 1990: «Reading the texts»: archaeology and the Homeric question. // *Antiquity* 64, pp. 802-824.
234. Sherratt, S. 2000: *Catalogue of Cycladic Antiquities in the Ashmolean Museum: The Captive Spirit*, Oxford.
235. Sherratt, S. 2004: Feasting in Homeric Epic. // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*, vol. 73, No. 2, Special Issue: The Mycenaean Feast (Apr. - Jun., 2004), pp. 301-337.
236. Sherratt, S., Bennet, J. 2016: *Archaeology and Homeric Epic*. Oxford: Oxbow Books.
237. Schmitt, R. 1968: *Indogermanische Dichtersprache*. Darmstadt.
238. Sihler A. L. 1995: *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. Oxford.
239. Simpson, E. 2018 *Mycenaean Greece and the Homeric Tradition*, Queen's University, Kingston. Online edition.
240. Strunk, K. 1957: *Die sogenannten Äolismen der homerischen Sprache*, Köln.
241. Thompson, R. 2024: *The Mycenaean Language*. // J. Killen (ed.). *The New Documents in Mycenaean Greek*. Cambridge, pp. 232–254.
242. Thumb, Scherer 1959: *Handbuch der griechischen Dialekte*. Heidelberg.
243. Tichy E. 1981: Hom. ἀνδροτήτα und die Vorgeschichte des daktylischen Hexameters // *Glotta*. Bd. 59. pp. 28–67.
244. Tournavitou, I. 1995: *The ‘Ivory Houses’ at Mycenae*. // *British School at Athens, Supplementary Vol.* 24.
245. Vandenabeele, F., and J.-P. Olivier. 1979. *Les idéogrammes archéologiques du linéaire*. Paris.

246. Varias García, C. 2008: Observations on the Mycenaean Vocabulary of Furniture and Vessels / Atti del XII Colloquio internazionale di micenologia. Roma. 20-25 febbraio 2006. Pisa, Roma.
247. Varias, C. 2010: The Textile Industry in the Argolid in the Late Bronze Age from the Written Sources. // *Aegaeum* 33, pp. 155-161.
248. Ventris, M. Chadwick, J. 1953: Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives // *JHS* 73, pp. 84-101.
249. Waanders F. M. J. 1997: Studies in local case relations in Mycenaean Greek. Amsterdam.
250. Wachter, R. 2000: Grammatik der homerischen Sprache. // Homers Ilias. Gesamtkommentar (Basler Kommentar). Prolegomena. Herausgegeben von Joachim Latacz. Walter de Gruyter: Berlin, New York. 61–108.
251. Wachter, R. 2015: Mycenaean Word Index. // J. Latacz, A. Bierl, D. Olson (edd.) Prolegomena. Berlin, Boston, pp. 236–258.
252. Wackernagel, J. 1916: Sprachliche Untersuchungen zu Homer. Göttingen.
253. Wace, A.J.B., Stubbings, F.H. 1962: A Companion to Homer, London.
254. Wagner-Hasel, B. 2000: Der Stoff der Gaben: Kultur und Politik des Schenkens und Tauschens im archaischen Griechenland. // *Campus historische Studien*, vol. 28. Frankfurt am Main.
255. Wathelet, P. 1962: Mycénien et grec d'Homère. // *L'Antiquité Classique* 31 (1–2). Pp. 5–14.
256. Wathelet, P. 1970. Les traits éoliens dans la langue de l'épopée grecque. // *Incunabula graeca* 37. Rome.
257. Wathelet, P. 1981. La langue homérique et le rayonnement littéraire de l'Eubée. // *L'Antiquité classique* 50. pp. 819–833.

258. Watkins, C. 1963: Indo-European metrics and archaic Irish verse // *Celtica*. Vol. 6. P. 201 f.
259. Watkins, C. 1995: *How to Kill a Dragon: Aspects of Indo-European Poetics*. Oxford.
260. Webster, T. B. L. 1958: *From Mycenae to Homer*. London.
261. Van Wees, H., 1999. Introduction: Homer and Early Greece. // I.J.F. de Jong (ed.), *Homer. Critical Assessments*, vol. II: *The Homeric World*, London, 1-32.
262. Van Wees, H. 2005: *Clothes, Class and Gender in Homer*. // D. Cairns (ed.), *Body Language in the Greek and Roman Worlds*. Cambridge.
263. Weihartne, J. 2013: Textual evidence for Aegean Late Bronze Age ritual processions' // *Opuscula. Annual of the Swedish Institutes at Athens and Rome* 6, 151–173. Stockholm.
264. West, St. 1967: *The Ptolemaic Papyri of Homer*, Köln and Opladen.
265. West, M. L. 1973: Greek Poetry 2000–700 B.C. // *Classical Quarterly* 23, pp. 179–192.
266. West, M. L. 1982: *Greek Metre*. Oxford.
267. West, M. L. 1988: The Rise of the Greek Epic. // *JHS* 108, pp.151–172.
268. West, M. L. 1992: The Descent of the Greek Epic, a Reply // *JHS* 112, pp. 173-175.
269. West, M. L. 1997: *The East Face of Helicon. West Asiatic Elements in Greek Poetry and Myth*. Oxford.
270. West, M. L. 1997. *Homer's Meter / A New Companion to Homer*. Ed. by I. Morris and B. Powell. Leiden, New York, Köln.
271. West, M. L. 2007: *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford.

272. Vilborg E. 1960: A Tentative Grammar of Mycenaean Greek.
Göteborg.
273. Willi, A. 1994–1995: *Do-ra-qe Pe-re Po-re-na-qe A-ke*: An Indo-European Figure in Mycenaean?" // *Minos* 29–30. Pp. 177–185.
274. Visser, E. 1987: Homerische Versifikationstechnik: Versuch einer Rekonstruktion. Frankfurt
275. Woodard, R. 2018: Linear B *po-re-na*, *po-re-si*, and *po-re-no-* // *Classical Inquiries: Studies of the Ancient World from CHS*.
276. Wyatt, W. F., Jr. 1992: Homer's Linguistic Forebears, *JHS* 112, pp. 167-173.

Приложение

Полный список микено-гомеровских лексических соответствий
наименований даров и ценных предметов, появляющихся в списках, их
синонимов и эпитетов представлен в таблице (всего 27 лексем):

Гомеровская лексема	Точное соответствие в микенском	Вероятное соответствие в микенском (однокоренные лексеммы)	Контексты в поэмах Гомера
1. ἀσάμινθος ‘ванна’	a-sa-mi-to /asaminthos/		ἔς ῥ’ ἀσαμίνθους βάντες ἐυξέστας λούσαντο (<i>Od.</i> 4, 48, 17, 87; <i>Il.</i> 10, 576); δῶκε δὺ’ ἀργυρέας ἀσαμίνθους (<i>Od.</i> 4, 128)
2. ἀσκητός ‘искусный’, ἀσκέω ‘искусно работать’		a-ke-ti-ri-ja или a-ze-ti-ri-ja /askētriai/	ἀσκητός νῆμα (<i>Od.</i> 4, 134); ἥσκειν εἴρια καλά (<i>Il.</i> 3, 388)
3. δέπας ‘кубок’	di-pa /dipas/		δέπας περικαλλές (<i>Il.</i> 24, 234); δέπας ἀμφικύπελλον (<i>Il.</i> 23, 656); σπένδων χρυσέῳ δέπαϊ (<i>Il.</i> 23, 196)
4. δῶρον ‘дар’	do-ra /dōra/ (PY Tn 316)		Ἐκάβη φέρε δῶρον Ἀθήνῃ (<i>Il.</i> 6, 293)

5. ἐάνος ‘покров, одежда’	we-a2-no /wehanos/ (PY Fr 1225, PY Un 1322)		ἐανῶ ἀργῆτι φαεινῶ (<i>Il.</i> 3, 419) ἀμφὶ δ’ ἄρ’ ἀμβρόσιον ἐανὸν ἔσαθ’, ὅν οἱ Ἀθήνη (<i>Il.</i> 14, 178), ἀμφὶ δ’ ἄρ’ ἀμβρόσιος ἐανὸς τρέμε (<i>Il.</i> 21, 507)
6. εἶλυμα ‘ткань’	we-ru-ma-ta /welumata/ (PY Ub 1318)		εἴ τί που εἶλυμα σπείρων ἔχες ἐνθάδ’ ἰοῦσα (<i>Od.</i> 6, 179).
7. εἶρος ‘шерсть’		we-we-e-a /werweheha/ (KN L 178)	ἰοδνεφές εἶρος (<i>Od.</i> 4, 135)
8. ἡλακάτη ‘прялка’	a-ra-ka-te-ja /ālakatejai/ (TH Of 34, KN Ak 5009, Lc 531, PY Aa 89, PY Aa 240)		ἡλακάτη τετάνυστο ἰοδνεφές εἶρος ἔχουσα (<i>Od.</i> 4, 135); ἰστόν τ’ ἡλακάτην τε (<i>Il.</i> 6, 491; <i>Od.</i> 1, 357; 21, 351)
9. ἴστος ‘ткацкий станок’		i-te-ja-o (PY Ad 684) /histejahon/ i- te-we (PY Un 1322)	στησαμένη μέγαν ἴστον ἐνὶ μεγάροισιν ὕφαινε, // λεπτὸν καὶ περίμετρον (<i>Od.</i> 2, 94-95; 19, 140; 24, 130)
10. κρατήρ ‘кратер’	ka-ra-te-ra /krātēra/ (MY Ue 611) ka-ra-ti-ri-jo /krātrio/ (MY Ue 611)		δῶκα δέ οἱ κρητῆρα πανάργυρον ἀνθεμόεντα (<i>Od.</i> 24. 275); ἀργύρεον κρητῆρα τετυγμένον (<i>Il.</i> 23.741); δῶκε δέ μοι

			κρητῆρα πανάργυρον (<i>Od.</i> 9, 204)
11. κύπελλον ‘чаша’		]pe-ra /*kupela/ (MY Ue 611)	χρύσεια κύπελλα (<i>Od.</i> 10, 357)
12. λεπτός ‘тонкий’	re-po-to /lepton/ (KN L 693, PY Un 1322)		κώεά τε ῥῆγός τε λίνιοί τε λεπτὸν ἄωτον (<i>Il.</i> 9. 660)
13. λευκός ‘белый’	re-u-ka /leuka/ (KN Ld 649)		φάρεα λευκά (<i>Il.</i> 24, 231)
14. λιτὶ (dat. sg.) ‘льняная ткань’	ri-ta /lita/ (KN L 594, L 648, 5927, L 8158)		ἐανῶ λιτὶ κάλυψαν (<i>Il.</i> 18, 352; 23, 254)
15. λώπη ‘плащ’		e-ri-ro-ra-ja /epilōraia/ *ἐπιλωπαῖα (KN L 696)	δίπτυχον εὐεργέα λώπην (<i>Od.</i> 13, 224)
16. ξείνια / ξεινήϊα ‘гостевой дар’		ke-se-nu-wi-ja /ksenwija/ KN Ld 649	ὄφρ' αὐτόν τε ἴδοιμι, καὶ εἴ μοι ξείνια δοίῃ (<i>Od.</i> 9, 219); ξείνια δῶκα (<i>Od.</i> 14, 404; 19, 185); ξεινήϊα καλά (<i>Il.</i> 6, 218); ξεινήϊα δῶκεν (<i>Od.</i> 3, 490); δῶρα πόρον ξεινήϊα, οἷα ἐώκει (<i>Od.</i> 24, 273)
17. πορφύρεος ‘пурпурный’	po-ru-re-ja /porphureja/ (KN L 474)		πορφύρεον μέγα φᾶρος (<i>Il.</i> 8, 221; <i>Od.</i> 8, 84)

18. τάλαντον ‘талант, мера веса’		ta-ra-si-ja /talansija/ (серия PY Jn, серия KN Lc, MY Oe 110) a-ta-ra-si-jo /atalansija/ (серия PY Jn)	χρυσοῖο τάλαντα (<i>Il.</i> 9, 122, 264; 19, 247; 24, 232; <i>Od.</i> 8, 393; 24, 274); χρυσοῦ τάλαντα (<i>Il.</i> 23, 751, 756; <i>Od.</i> 4, 129)
19. τάλαρος ‘корзинка для шерсти’		ta-ra-si-ja /talansija/	τάλαρόν θ’ ὑπόκυκλον ὄπασσεν // ἀργύρεον, χρυσῷ δ’ ἐπὶ χεῖλεα κεκράαντο (<i>Od.</i> 4, 131)
20. τερμιόεις ‘с бахромой’		o-u-ki-te-mi, o-u- te-mi (KN V 280); te-mi-dwe /termidwents/ (KN So 84)	δίπλακα δῶκα // καλὴν πορφυρέην καὶ τερμιόεντα χιτῶνα (<i>Od.</i> 19, 241-2)
21. τρίπους ‘треножник’	ti-ri-po /tripōs/ (PY Ta 641, PY Ta 709)		δοιοὺς δὲ τρίποδας (<i>Od.</i> 4, 129); τρίποδα μέγαν ἥδὲ λέβητα (<i>Od.</i> 13, 13); ἔπτ’ ἀπύρους τρίποδας (<i>Il.</i> 9, 121-32, 9, 264-73; <i>Il.</i> 19, 243-48); τρίποδ’ ὠτώεντα (<i>Il.</i> 23, 263-264); μέγαν τρίποδ’ ἐμπυριβήτην (<i>Il.</i> 23, 702)

22. φᾶρος ‘ткань’ или ‘плащ’	pa-we-a /phārweha/ (KN Lci Ld, MY L 710.2, Oe 111.2 и Oe 127)		ἐς πόδας ἐκ κεφαλῆς, καθύπερθε δὲ φάρεϊ λευκῷ (<i>Il.</i> 18, 353); φάρεα λευκά (<i>Il.</i> 24, 231); φάρεα καλά (<i>Od.</i> 24, 277)
23. φιάλη ‘сосуд для варки’	pi-a ₂ -ra /phihalā/ (PY Tn 996); pi-je- ra ₃ /pijerai/ (PY Ta 709)		ἀμφίθετον φιάλην ἀπύρωτον (<i>Il.</i> 23, 270)
24. φοινικόεις ‘темно- красный’		po-ni-ki-ja /phoinikia/ (KN Sd 4402)	ἀμφὶ δ’ ἄρα χλαῖναν περονήσατο φοινικόεσσαν // διπλὴν ἐκταδίην, οὔλη δ’ ἐπενήνοθε λάχνη (<i>Il.</i> 10. 232-33)
25. χιτῶν ‘хитон’	ki-to /khitōn/ (KN Lc 536, L 693, L 5745)		φᾶρός / χλαῖνάν τε χιτῶνά τε εἵματα (<i>Od.</i> 6, 214; 7, 234; 10, 542; 14, 320; 14, 516; 15. 338)
26. χρυσός ‘золото’	ku-ru-so /khrus(s)os/, идеограмма AUR (PY Ta 714, PY Jo 438, PY Ae 303)		καὶ χρυσοῖο τάλαντον ἐνείκατε τιμήεντος (<i>Od.</i> 8, 393)
27. ὠτώεις ‘ушатый’	o-wo-we /ohwowens/ (PY Ta 641)		τρίποδ’ ὠτώεντα (<i>Il.</i> 23, 264)